

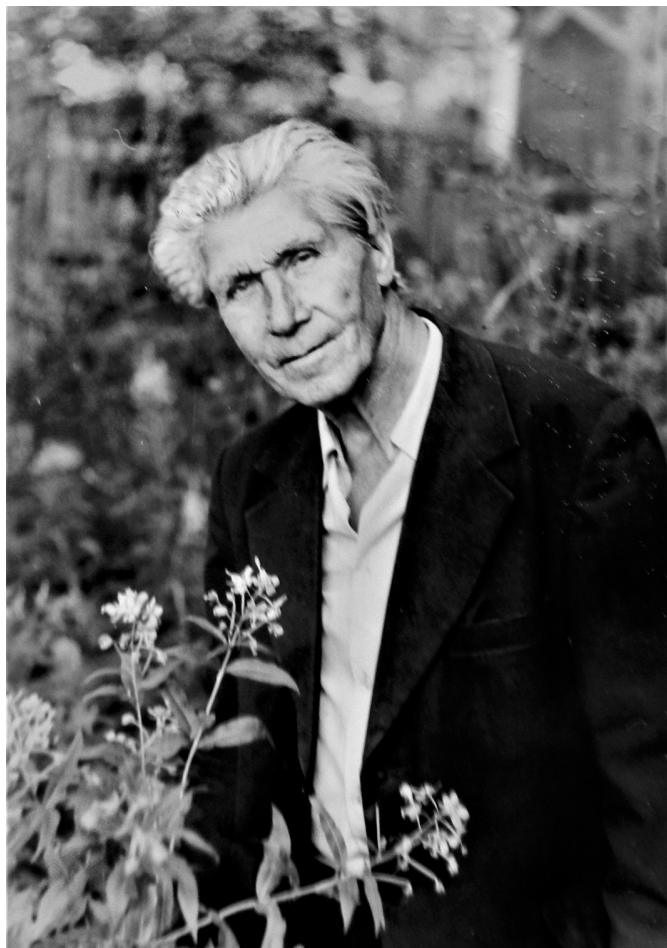

ВЕСТИ

№ 6, 2023

Летчики в городе имени летчика-героя А.К.Серова
(перекресток ул. Л.Толстого
и ул. Октябрьской революции).

В.И.Коковихин.

Турпоход выходного дня металлургов.

КОКО ИЗ УРАЛЬСКОЙ ГЛУБИНКИ

В 70–80-х годах прошлого столетия на севере Свердловской области репортажными снимками славился Александр Потапов. Выработав стаж в шахте, он обеспечивал прекрасной фотоиллюстрацией газету Североуральска. В «Заре Урала» Красноуральска долго и плодотворно трудился Виталий Петрик. Среди газетных фотокорреспондентов Северного Урала более позднего периода нельзя не отметить творчество Владимира Суворина из Карпинска. В Серове же до сих пор помнят имя первого фотокара газеты «Серовский рабочий» Василия Коковихина, сотрудничавшего с ТАСС.

Смел да умел

Родом он с Вятки. Как все деревенские мальчишки рано познал крестьянский труд. Семья считалась крепкой, хотя и не жила богато. С земледелием справлялись своими силами, работников не нанимали. Десять лет исполнилось пареньку, когда в России произошла социалистическая революция. Всё изменилось в коллективизацию. Лошадь, корову увели со двора. Отца выслали. Вот тогда узнали, что такое бедствовать.

Василий, не долго размышляя, завербовался на стройку в Березняки Пермского края. Кое-какой навык имел. Плотницкое дело осваивал легко, с интересом. Инструмент словно играл в молодых сильных руках. Решение перебраться на север Урала пришло само собой – в Надеждинске обосновались родственники. Мастеровитого рослого юношу быстро заметили, зачислили в ударную строительную бригаду. На его глазах и при его участии росли лечебные корпуса больничного городка со сквером и фонтаном, встали в ряд двухэтажные деревянные дома для медицинского персонала. Сильный, ловкий, скорый, он умело обращался с топором, рубанком, пилой, молотком, смело орудовал на стропилах при устройстве кровли. Довелось возводить жилые дома на улице Парковой, участвовать в строительстве Дворца культуры металлургов и его открытии в 1931 году. Спустя полвека на юбилейном торжестве Василий Иванович Коковихин оказался в числе награжденных памятной медалью с изображением здания ДКМ, признанного памятником архитектуры регионального значения.

Случай, ставший счастливым

Жизнь настойчиво налаживалась в рабочем поселении, получившем в 1926 году статус города. И у Василия всё складывалось благополучно. В руках надежная профессия, стабильный заработок. Приобрел велосипед. Встретил свою любовь, женился. Родилась дочурка-первенец. Но размеренно текущая его жизнь враз превратилась в бурную событиями. Всё изменил случай.

Однажды на городском рынке стремительный Василий притормозил у оживленной толпы и долго не смог уйти. Так происходит, когда простое любопыт-

ство перетекает в любознательность. С того дня каждый раз, бывая на рыночной площади, спешил к заветному месту и надолго там задерживался. Стоял в сторонке и наблюдал за действиями фотографа-моменталиста Ибрая Нигматуллина. Люди, сменяя друг друга, вставали и замирали перед громоздкой камерой, не мигая, не улыбаясь. А вскоре восторженно разглядывали полученные фотокарточки. Таинственный процесс завораживал, а Василия по-особому: ему страсть как хотелось совершать чудо самому. Но так, чтобы люди на фото выглядели не застывшими истуканами, а живыми.

Свою гордость и радость, свой двухколесный транспорт он без сожаления обменял на фотоаппарат. За первым шагом последовал второй. Напросился в ученики в фотомастерскую Ногтева. Освоил зарядку и проявку фотопластинок, фотопленки, составление растворов для печати снимков. Фотографировал всё, что видел. Дома и деревья при дневном и вечернем освещении, людей вблизи и издалека, в профиль и в анфас, на улице, в парке, в помещении. Кто-то бежал, кто-то стоял, кто-то смеялся, читал газету, играл с ребенком... Это так увлекло, что даже потеснило любимое занятие рыбалкой и охотой. А если выбирался в лес, на речку, не забывал прихватить аппарат. Фотоснимки печатал в кухоньке с занавешенным окном. Потом спешил показать родне. Раздавал друзьям, знакомым, а то и совсем незнакомым людям.

Галина Гулина.
(Окончание на стр. 79)

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного
управленческого округа
Правительства
Свердловской области
(623850, Свердловская
область, г. Ирбит,
ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры
«Банк культурной
информации»
(620100,
г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Т.Е.Богина

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

д.и.н. Е.Т.Артёмов
д.и.н. С.В.Голикова
(Екатеринбург)
В.Н.Ермолаев (Тавда)
д.и.н. В.В.Запарий
к.и.н. С.А.Корепанова
д.и.н. Г.Е.Корнилов
к.и.н. В.Н.Кузнецов
Л.А.Ладейщикова
к.т.н. Я.Л.Либерман
(Екатеринбург)
Я.С.Недвига
(художественный редактор)
к.и.н. Б.Б.Овчинникова
О.В.Птиченко

чл.-кор. РАН, д.и.н.
И.В.Побережников
д.и.н. Д.А.Редин
(Екатеринбург)
С.П.Садовников
(Москва)
Б.В.Соколов
(Ярославль)
С.И.Симонов
(Каменск-Уральский)
А.А.Федотов (Саратов)
Е.А.Фролова (Москва)
Е.И.Щупова
Ю.В.Яценко
(Екатеринбург)

Корректор номера
Анна Андреева

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ: АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:
Учреждение культуры 620100, г. Екатеринбург,
«Банк культурной п/о 100, а/я 51
информации» сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за
соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу
1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция не возражает против перепечатки материалов, опубликованных в
журнале, при обязательном соблюдении их целостности, указания имени автора и
со ссылкой на журнал «Веси».

Электронный вариант журнала размещается в Интернете: www.ukbki.ru.

Рукописи, направленные в журнал «Веси» по почте, по электронной
почте или переданные лично, редакция рассматривает как предложенные
для издания и оставляет за собой право их публиковать на страницах
журнала без дополнительного согласования с автором.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Материалы, иллюстрации и фотографии публикуются в журнале
на безгонорарной основе.

Материалы, отмеченные знаком , печатаются
на правах рекламы.

На обложке (1) Фотография В.И.Коковихина. В городском парке.
Подписано в печать 24.08.2023 г.

Отпечатан в АО «ИПП «Уральский рабочий».
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Тираж 2500 экз.

Цена свободная.

12+

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Самый обычный случай из жизни. У двух соседей
многоквартирного дома, живущих на верхнем этаже,
случилась одна и та же авария – протекла крыша.
Встречаются они утром около лифта и жалуются
друг другу на случившееся. Первый поучает второ-
го: «Надо идти ругаться в управляющую компанию,
надо запугать их судом, надо жалобу срочно писать,
а лучше несколько жалоб в разные инстанции. Иначе
никто даже не пошевелится!»

Второй, смутившись от такого напора, предпо-
ложил: «Может, сначала просто зайти к дежурным
техникам...» – «Ну, если хочешь, можно и на них на-
орать, но лучше жалобу! Я вечером напишу на гу-
бернатора и зайду к тебе – подпишешь?» – отрезал
первый.

Вечером разыгралась гроза, и мощный ливень об-
рушился в том числе и на прохудившуюся крышу.

Первый с флешкой, на которой был десяток жа-
лоб, уверенно зашел ко второму: «Включай компью-
тер – будем жалобы отправлять! А где у тебя бежит-
то?» Второй, вставая из кресла и откладывая книгу:
«Уже нигде не бежит. Я зашел с утра к техникам,
рассказал об аварии. Они до обеда починили – вот,
ливень доказал, что всё в порядке».

Первому тоже починили, правда, через три ме-
сяца, за которые он успел несколько раз наорать на
техников, напугать управляющего судом и разослать
все свои жалобы во всевозможные инстанции, как
положено по всем юридическим правилам.

Я не придумала ни одной детали, наоборот, скры-
ла известную всем «сакральную» лексику и не ста-
ла описывать хамство и уничижительное отношение
первого к людям.

И как обычно вспомнила притчу, в которой му-
дрец рассказал своему ученику, что в каждом чело-
веке живет два начала, подобно двум волкам. Один
– злой, завистливый, грубый, лживый, эгоистичный,
а другой – добрый, справедливый, заботливый, несущий
мир, любовь, надежду.

Ученик спросил мудреца: «Какой же из них по-
беждает?» – и получил ответ: «Побеждает всегда тот,
которого ты кормишь».

Татьяна Богина,
главный редактор.

Е

ВЕСТИ

№ 6
(195) 2023
июль-август

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

Галина Гулина	
Коко из уральской глубинки.....	1, 79
Александр Муленко	
Вкус изабеллы.....	4
Александр Крамер	
Рассказы.....	12
Эдуард Побужанский	
Непорочные связи.....	18
Сергей Криворотов	
Холера.....	20
Владлен Козинец	
Неугомонный.....	40
Никита Сутьрин	
Стихкор.....	50
Александр Больных	
Призрак горы Манарага.....	52
Рустам Саитов	
Святитель.....	62

Журнал удостоен медалей

Российской
Генеалогической
Федерации «За вкладъ
въ развитие генеалогии
и прочихъ специальныхъ
историческихъ
дисциплинъ»
2-й степени

имени Н.К.Чупина

имени Л.К.Татьяничейвой

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии
естественных наук
«Звезда успеха»

Союза старателей
России «Заслуженный
старатель России»

United Nations
Educational, Scientific and
Cultural Organization

World Federation
of UNESCO clubs,
centers and associations

РБА

Издается под патронатом Все-
мирной федерации ассоциаций, цен-
тров и клубов ЮНЕСКО, Федерального
агентства по делам Содружества Не-
зависимых Государств, соотечествен-
ников, проживающих за рубежом, и
по международному гуманитарному
сотрудничеству, Российской библи-
отечной ассоциации и Российского
представительства TICSIH.

Международный
Комитет по
Сохранению
Индустриального
Наследия.
Российское
представительство.

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

президент Российской
библиотечной ассоциации, директор
Государственной публичной
исторической библиотеки России
Михаил Дмитриевич АФАНАСЬЕВ

заместитель генерального директора
Российской национальной библиотеки
Владимир Руфинович ФИРСОВ

член Исполнительного
совета Всемирной Федерации АЦК ЮНЕСКО,
казначей Европейской
федерации АЦК ЮНЕСКО
Юлия Александровна АВЕРИНА

член Федеративного совета
Союза журналистов России
Дмитрий Павлович ПОЛЯНИН

ВКУС ИЗАБЕЛЛЫ

«...Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных»

Из Нагорной проповеди Иисуса Христа

ЕСЛИ БЫ НЕ ПРЕДТЕЧА

Не имея отличий и наград, я носил на рубашке чужеземный значок величиною с копейку. На нем была изображена косматая голова, похожая на солнце. «Наверно Бетховен», – впервые подумал я, покупая это художество в туристическом павильоне. В Теплицах почитают немецкого музыканта. Его именем названы парк и Дом культуры, в котором проводился шахматный фестиваль. Уже потом, воротившись из Европы, я отыскал материалы о том, что покровителем города, где мы соревновались, является другой человек. Самый, пожалуй, старший в мире христианин – Иоанн Креститель. Слово икона или крестик, значок меня повсюду оберегал и спас однажды от смерти.

Впрочем, выручали гуртом, а не крестом. Но как объяснить счастливое стечение обстоятельств в деле, где каждый участник оказался на месте в нужное время? В ходе шахматной игры со мною случился сердечный приступ. У соперника был небольшой материальный перевес. Я надеялся на атаку белого короля. Расставил свои фигуры по центру. За пешку пожертвовал качество и прицелился к неприятельской рокировке. В турнирном зале было не продохнуть. Чтобы отдышаться, я поднялся из-за доски и отправился на свежий воздух да не дошел. У выхода на лестничную площадку мое

ослабшее тело качнуло в сторону занавесок. Из последних сил я метнулся к двери и упал, хватаясь за воздух.

В прибывшей машине скорой помощи находились две пожилые врачихи. Они измерили кровяное давление, что-то вкололи в живот, но не сумели меня поднять и оставили лежачим. Примчалась другая неотложка. Дюжие санитары положили мое «ватное» тело на служебное одеяло и перенесли в медицинский автомобиль. В больничке дежурил опытный кардиолог. Врач произнес: «Обширный инфаркт. Найдите его родных». В моем кармане обнаружили кнопочный телефон и позвонили сестре. Она доньше работает учительницей в школе. Ей тоже немало лет. «Только десять процентов на девяносто, что ваш брат сегодня останется жить, – промолвил врач. – В моей медицинской практике это второй такой пациент. Первый не оклемался».

Он напугал сестру.

«Неправда, – подумал я в ту минуту. – Я – упрямый, я буду жить много лет: ведь я еще не огранил свои шахматные задачи, не дописал свои правдивые рассказы, не досудился до справедливости, и самое страшное – я не был счастлив». Такие слова вертелись в голове. Язык же обмяк совместно с телом. Попытка разговориться не получалась.

«Молчите», – цыкали медсестры, едва я что-то бурчал.

Фото С.А.Герасимовой

Александр МУЛЕНКО

Автор книг «Волшебное озеро»,
«Остров Иванушкина Миши»,
«Счастье в яме»,
«Должник. Амнистия.
Ни свежего чая, ни курить»,
«В преддверии праздника».
Живет в Новотроицке.

Разве не чудо, что в забытом провинциальном городке, где ямы на асфальте уже никогда не зарастут, и дороги повсюду в шрамах, появилось новое оборудование для стентирования коронарных сосудов. Уже нашелся хирург, умеющий это делать. Он покинул столицу и перебрался в наш полуразрушенный мир для подвигов в медицине. Только лицензию на проведение операций больничка еще не получила.

– Что будем делать? – спросил главный врач. – Отправим сердечника в областную клинику?

– По нашим дорогам его не довезут, – ответил кардиолог.

Когда я учился на спасателя, инструктор, проводивший занятия в горах, однажды поведал о том, как можно оперативно совершить вентиляцию легких иглою от шприца.

– Но не имея лицензии, этого делать нельзя. Вас посадят на десять лет. На глазах задыхается человек, жить этому человеку от силы осталась одна минута. Если вы неплохо знаете, как ему помочь, то делайте это незамедлительно, не бойтесь неволи. Чтобы всю оставшуюся жизнь, потом, не мучиться вопросом, что своевременно могли выручить друга и не решились. Вертолет с медициной возможно прилетит через несколько часов, а то и вовсе не прилетит – не будет топлива в баке или другие причины.

Врачи решили меня спасти, не дожидаясь лицензии из Москвы.

Несколько лет назад зимою в эту больничку попал мой отец. Как ныне меня, на каталке его бегло повезли в сторону лифта. Папка дрожал, укрытый шубами. Двусторонняя пневмония – нелегкое испытание для старика, которому исполнилось восемьдесят лет. Лифт тогда спустился неско-

ро. Я это вспомнил и приказал себе держаться. Уже потом, поднимаясь, окунулся в тьму и очнулся в палате реанимации. Под носом посвистывала трубка, откуда сочился кислород. На пальце висела прищепка. Через нее на мониторе отражалась работа сердца. Наблюдательный пункт находился в центре палаты. Над столом висело изображение Иисуса Христа. Где-то за окошком на воле звенели колокола, угадывалась осень. Мне улыбнулась санитарка, убиравшая помещение.

– Кто это намалеван?

– Разве не видно? – удивилась она. – Иисус Христос.

– А почему не доктор Пирогов или доктор Павлов?

– Хороший вопрос, – рассмеялась уборщица. – Так решил доктор Жмудь.

Спустя минуту, протирая повторно полы в проходе, она поглядела на изображение Божьего сына и незамысловато добавила:

– Вы же живы, а Пирогов уже умер, но вечен Бог. На всё его воля. Этот лик помогает больным подняться на ноги и окрепнуть.

– Я слышу благовест за окошком. Какой сегодня праздник?

– День продолжения вашей жизни.

– Кто я такой, чтобы по мне звонили в колокола?

– Сегодня день усекновения головы Иоанна Предтечи и строгий пост. Но вы не бойтесь, вам можно кушать всё.

– Тут каждый день – строгий пост, – состригли рядом.

Я лежал под одеялом раздетый догола.

– Сестрица, где моя одежда?

– Ваша одежда в раздевалке. Она не пропадет.

– Там на рубашке прицеплен один значок. На нем изображен Иоанн Предтеча. Тот

человек, по которому сегодня звонят в колокола.

– Вы не волнуйтесь.

– Я хочу показать этот значок всей палате и похвастаться, что Предтеча – мой опекун.

– Мы в это верим, – ответила санитарка.

Чуть позже я узнал, что врачи провозились со мною шесть часов. Об этом рассказала моя родная сестра. За четверть дня она успела найти и привезти в больничку все мои страховки и паспорт.

Семь дней я провалялся в реанимации. Пил слабительные таблетки. Лежа мочился и испражнялся. Мне было неудобно просить о помощи да приходилось.

Каждую ночь в палату привозили горьких пьяниц. Они сопротивлялись, ругались, порою нецензурно. Под эту безбожную матершинщину дежурные с ними боролись, привязывая смирительными ремнями до коек, чтобы спокойно сделать какой-нибудь укол, ввести в тело катетер или совершить иную болезненную процедуру. Утром такие больные уходили. Домой ли, в другую палату, я не гадал.

На особом внимании у врачей находился с виду немолодой бессознательный человек. Его диагноз я не знаю, думаю, что рак. Он бредил и часто повторял имена Серёги и Ольги. Должно быть, Серёга был его сыном, а Ольга могла быть женой. С нею он разговаривал строже: «Ольга. Немедленно подойди ко мне, где Серёжка? Какие же вы у меня нерасторопные». В такие минуты из дежурного персонала кто-нибудь оставлял дела и направлялся к пациенту, трогал его за руку или подтягивал на нем простыню, чтобы тот успокоился, замолчал и подумал, будто Серёжа или Ольга пришли к нему на помощь.

Как-то в палате на несколько минут не оказалось ни одной медсестры. Беспокойный больной заволновался.

– Серёжка! Где твоя мамка? Я кому говорю?

– Печалится, – сердечно вздохнула моя соседка.

И мужчины, и женщины выживали в одном помещении, не стесняясь друг друга. Были, конечно, ширмы, но для блезира.

– Никто не знает этого человека. Уже звонили в полицию, – шепнула больная.

– И что же?

– Оттуда ответили, что в розыск никто ни на кого не подавал.

Врачи спасали больного, не имея его страховок, без всякой оплаты, на совесть, не зная фамилии пациента. С годами меняется внешность. Но прежней остается манера разговаривать и ругаться.

– Кажется, что я где-то слышал голос этого человека, – вмешался я.

– Вы попробуйте это вспомнить.

– Уже пытаюсь да не могу.

– Покушайте виноград.

Между мной и собеседницей находилась тумбочка, на которой лежали ягоды изабеллы. Я отказался:

– Не хочу. Она очень кислая.

После этих слов неопознанный больной повернулся в мою сторону и настороженно стал прислушиваться к нашей болтовне. Когда умирал мой отец, исколотый морфином, я заметил, что многое, происходящее в мире, он все-таки понимал, не открывая глаз, по звукам от телевизора или от нас – его детей. И реагировал на это движением или стоном.

– Ольга, Серёжа, Саня...

Я вспомнил этого человека. Однажды я попытался его убить. Уже потом, через несколько лет, в отместку он ударил меня ножом.

– Это Шуба из девятого дома по улице Мира. Звать его Генкой.

– Может быть, это – Шубин? – осторожно переспросила подошедшая медсестра.

– Может быть и Шубин. Прошло полвека. Нам за шестьдесят.

ИЗАБЕЛЛА

Выращивать виноград – это подвиг. Богатые на сахар сорта боятся морозов. Только Изабелла плодоносила из года в год. Ее черные ягоды были кисловатыми и мелкими. Папка кропотливо работал на огороде. Нянчился с каждым стебельком. К зиме, как ребенка, укладывал и накрывал Изабеллу от холода ватными одеялами. Во время весеннего паводка грядки топило водой. Надев болотные сапоги, отец приходил на приусадебный участок. Из-за забора подолгу смотрел, переживая, на виноград: «Не вымокнет ли он, не погибнет ли в эти минуты от избыточной влаги?» Яблочные деревья, крыжовник, смородина – более устойчивые к стихиям, но и для них наводнение бывает смертельным. Когда, наконец, разнужданная река убиралась восвояси, подсыхала земля, в первую очередь папка стеклил виноградные грядки – солнце было еще не в силе. Далее, летом, он снимал это остекление и направлял по веревочкам к небу вьющиеся стебельки. До осени с любовью поливал голые виноградные листочки, спасая свое капризное детище от жары.

Каждая ягода выращивалась для меня. Но кисловатая Изабелла мне не нравилась, и мамка покупала другие сорта винограда. Их ягоды привозили из жарких стран. Я наслаждался продуктами торговли. Отец огорчался.

Дядя Володя, двоюродный брат моей мамы, частенько приходил к нам в гости немного пообщаться. Выпивал принесенную с собою горькую водку, вдогонку пропускал стопаря из наших запасов, потом – на пошшок. Прощаясь, папка подавал ему кулек с виноградом и провожал со словами: «Сашка его не ест, стал привередливым. Возьми для Маринки». Моя троюродная сестренка была больной от рождения. Говорили, что она долго не проживет. Мы этого не хотели. Забравши виноградец, дядя Володя уходил. Я же виновато прятался от отца. Тот улыбался. Главные плоды его садового творчества нашли едоков.

Четыре района нашего города стыковались в месте, где находились строительные склады. Часть материалов хранилась под навесами или в закрытых на замок помещениях. Дети туда проникнуть не могли. Доступными оставались лишь площадки для складирования сыпучих материалов: горы песка, щебенки, известняка. Под мостовым подъемным краном, как баррикады, стояли фундаментные блоки и плиты перекрытий. Из-за них, набрав дробленных камней, детвора нападала друг на друга, случались драки. У нас оставались набитые шишки да синяки. Как-то около базы расположился железнодорожный состав. К его платформам были привязаны большие железобетонные трубы – цаги. Новый полигон мы освоили с лёту. Прячась за трубами и в трубах, играли в пятнашки.

Генка был повыше любого из нас. Он шишкарил. Всякий раз важно приказывал какому-нибудь салаге гоняться за остальными. Исполнительный слабак становился мальчиком для битья. Чтобы отмагаться, ему нужно было кого-нибудь

запятнать, кинув камень так, чтобы при попадании другой участник игры вскрикнул от боли.

– Кричал, значит майся, – требовал Генка.

Роли менялись. Теперь истязали человека, попавшего под удар. Дразнили его, смеялись, доводили до слез. Если малец убегал, чтобы поплакаться, к мамке, ему свистели в след. Больше с таким пацаном не водились. Я не выказывал страха перед Генкой, но очень его боялся. Мне не хотелось оказаться изгоем. Терпел все удары камней и не хныкал, пока не столкнулся с неправдой.

Осень была, как лето, теплой. Еще не пожухла трава. Пылило. Желтели березы, клены, тополя. Звенела маленькая речушка. В ней можно было еще купаться, не опасаясь простуды. Мы играли в свою непутевую игру, когда появился дядя Володя. Он был пьян. В руках находился огромный кулек с виноградом для Маринки. Мальчишки повпрыгивали из убежищ и побежали дядьке наперерез. Первым домчался Генка. Он выхватил из кулька самую большую гроздь. Дядька чуть было не упал, покачнувшись, вскрикнул, прижал посильнее к себе остатки винограда и двинулся быстрым шагом. Вдохновленная Генкиным разбоем ватага кинулась вслед. Через полминуты в руках у пьяного великана остались обрывки газеты. Шпана, как птицы, разлетелась и чирикала, смакуя ягоды. Хватило всем. Только я стоял и плакал, поняв, что больная Маринка сегодня не дожидается гостинца.

– Чего ревешь? – спросил Генка. – Не досталось? Возьми у меня и хавай.

Задатки вельможи он имел. Я сердито отказался:

– Не хочу.

– Антракт окончен! Пацаны, этот чухан не прошел естественный отбор. Он будет маяться всегда.

Генка оказался пророком. Я маялся всю жизнь. Кто-то кинул в меня булыжник. Я его поднял и ударил им обидчика по голове.

– Я убью тебя, Генка.

Фонтаном хлестала кровь. Бросив свою ватагу, окровавленный командир помчался домой, зажав свою голову руками. За ним я гнался до самого конца. Около подъезда сидели женщины.

– Бабушка, – крикнул окровавленный Генка. – Меня убивают.

Она защитила внука. Ударить старуху камнем я не решился и отступил.

Назавтра прямо из школы меня забрали в милицию. Перепуганная директриса семенила рядом с конвойными. Менты боялись побега, держали за рукава. От страха я сопел. Душили слезы. Подъехала зарешеченная машина. В ней меня отвезли в детскую комнату милиции как малолетку – для постановки на учет.

В коридоре сидел незнакомый мальчишка.

– Ты сам откуда? – спросил он.

– С Шоссейки.

– Ах, да-а, я тебя вспомнил. Ты кидался в меня камнями.

– А ты докажи.

– Я тоже в тебя кидался. Ты – Саня, а я – Олежек.

– Тебя за что сюда привезли?

– Пустяк, отпустят. Не в первый раз.

– Если ты начал каяться, то колись.

– Я у папаши стырил коробку с капсулями, ну с теми, которые охотники вставляют в патроны перед охотой.

– Ух, ты! А у меня отец – садовод.

– Неплохо. Яблоки, груши.

– А дальше? Что было дальше? Ты стырил коробку с капсулями?

– Теперь мой папаша будет лупить меня ремнем. Видишь эту звезду?

Он приспустил свои штаны. На теле синела отметина от солдатского ремня. Мне стало неловко перед этим мальчишкой за то, что дома меня так не бьют. Олежек раскаялся:

– За дело лупят. Я же сам виноват. Разложил свои капсули на рельсах и не спрятался. Поймали с поличным... Прошла трамвайка – трах-тарарах. Как на войне из автомата. Люди на остановке перепугались. Ментавры насторожились. И вот он – я, опять в кутузке.

– Вот бы мне такое дельце провернуть...

– Я тебя обязательно научу, когда отпустят.

– А если поймают?

– Уже не поймают. Мы с тобой поднимем пальбу и сразу убежим.

Его повели на выход, меня на дознание.

Молодая женщина, проводившая опрос, была сердита. Фамилия, имя, отчество, когда родился? Заикаясь, я отвечал и размазывал слезы по щекам.

– Вчера ты был такой смелый, хотел убить человека, а сегодня – весь мокрый и жалкий.

После этих слов я заплакал по-взрослому.

– Я всё равно его найду и убью.

Как на духу я рассказал обо всем.

– Что Маринка? – грустно спросила милиционерша.

Она уже выглядела нестрашной. Основная беседа была окончена в мою пользу.

– А что Маринка? Отец у нее бухает. Не может остановиться. Моя сестренка осталась без винограда... Жива Маринка.

– Ты приходи, отмечайся и мирно играйся, не дерись. Для вас откроют шахматный кружок, также будут походы по Уралу.

– Ладно, – ответил я.

Почти весь год на каждой пионерской линейке говорили только о том, как опасно кидаться камнями и посещать строительные площадки. При этом перечисляли и разбирали всякие случаи травматизма да обязательно вспоминали о том, как я ударил Генку камнем по голове.

ТЯГОТЫ И ЛИШЕНИЯ

Через десять лет я оказался в строительной роте. Мы выполняли подземные работы по реконструкции ракетного ствола. Это был засекреченный объект. Воеводы галдели про тяжести и лишения при прохождении службы, требовали от молодых бойцов полного послушания. Все письма прочитывала цензура. Пугливые солдаты сообщали домой о том, как младшие командиры лупцуют свою пехоту. Искали правду в политотделах. Но попробуй, вступи под шкуру штабного функционера: пожалуйся, поплачься. С его же подачи тобою станет распоряжаться любой столовый работник. От страха первогодки убегали со службы в роковую неизвестность – в бескрайнюю оренбургскую степь. Бывало, вешались...

Мясом кормили только по привозу продуктов из далекого города раз или два в неделю под руководством старшины. Но вот он уезжал к жене на несколько дней, и маслокрады опустошали запасы, как саранча. Однажды во время наряда по столовой я увидел обильно накрытый стол и продолжительно наблюдал за едоками. Мои командиры большими порциями поглощали горячее

мясо. На мое никчемное созерцание ефрейтор Ибрагимов назидательно произнес:

– Товарищ рядовой. Вы тоже когда-нибудь станете «дедушкой» и будете питаться в полную меру. А пока идите в кочегарку и выполняйте работу по заготовке дров.

Разве не так по сей день обещают лучшее люди, имеющие достойную должность и возможность что-либо украсть?

Другие молоденькие солдаты в это время, передвигаясь вприсядку, скребли в обеденном зале мокрые деревянные полы осколками стекол. Над ними размахивали ремнями распоясанные пьяные дембелы из хозяйственного взвода и орали:

– Вы чуханы и полемойки.

Это было небольшое цензурное из того, что они несли.

Меня назначили мастером на участке по производству изоляционно-покрасочных работ. Лето промчалось, округу обложили дожди, в подземелье поднялся уровень грунтовой воды. Ракетную шахту затопило. Вся водозащитная кампания пошла насмарку. Военные строители без отдыха боролись с потопом. Ведра с водой из бездны они поднимали веревками. Опорожняли под косогор. Работяги дрожали от холода, мокрые с ног и до головы. Но вода не убавлялась. Мне казалось, что наводнение не окончится никогда. Подоспели насосы, стало легче. Появились дренажные трубы. Когда усилили вентиляцию, в ракетном стволе подсохло. Покрасочные работы возобновились. Теперь они проходили в ускоренном темпе. Но тут пришла иная беда.

Пазухи между пусковой установкой и стенками ямы, в которой она находилась, были узкие, вязкие. Наши командиры никогда не марались. Сверху никто из них не видел

того, что творится внизу. Как тараканы, изворотливые солдаты скрывались в яме от лишних взглядов, чтобы немного покемарить.

Вовка Шахрай получил из дома посылку. Держиморды нашей роты многое отобрали. Но кое-что из коврижек солдат утаил и припрятал на стройплощадке. Выйдя работать в ночную смену, он и его товарищ Тимоха Ситник незаметно спустились в яму, чтобы съесть эти гостинцы. Земля излишне раскисла, стала подвижной. Случился оползень. Вовка погиб, а приваленный Тимоха был неподвижен. Он кричал. С оказанием помощи оплошали. Шаткие лестницы опрокинуло землей.

Было за полночь. Я отдыхал в казарме после наряда на кухню.

– Вставай, – растолкал дежурный по гарнизону. Самоуверенный, циничный человек.

– Ты – мастер по покраске ракетного ствола?

– Так точно.

– Я – капитан Берг. Одевайся и бегом...

– Куда бежать? Обратно в столовку?

Залетный «полководец» задыхался от гнева.

– На твоём рабочем участке...

– Что-то случилось?

– Погиб солдат.

– Я туда никого не посылал.

– Об этом ты завтра расскажешь военной прокуратуре, а пока за мною – в кузов автомобиля. Я тебе покажу, где раки зимуют. Ты у меня сегодня голыми руками отроешь каждого человека. Зубами будешь рвать мокрую землю.

– Кто погиб?

– Похоже, Шахрай, – подсказал сержант Адамян.

Берг вошел в канцелярию роты. В полуоткрытую дверь было слышно, как он совещал-

ся с командиром нашей управы, не зная, что предпринять.

– Глубина – тридцать метров, – оправдывался вояка. – На стройке один прожектор, товарищ полковник. Он с другой стороны объекта.

– Как солдаты попали в яму? – ревел репродуктор.

– Откуда я знаю, товарищ полковник.

– Спуститесь вниз и узнайте!

– На бровке ямы, товарищ полковник, появились многие новые трещины. Это усугубляет ситуацию, может случиться повторный обвал.

– Ищите виновных.

– Одного виноватого я уже нашел. Это мастер.

– Второй виноватый, товарищ Берг, это – вы, – съехидничал вышестоящий говорило. – Объявите всеобщую тревогу.

– Есть, товарищ полковник, только люди устали!

– Мои приказы не обсуждайте, а выполняйте и никогда не пекитесь о людях!

– Слушаюсь, товарищ полковник. Я уже приступил к выполнению вашего приказа.

Сердитый разговор закончился. Покидая казарму, воитель наказал Адамяну:

– Сержант, немедленно поднимайте личный состав и аллюром на производство – откапывать пострадавших. На трупы слетится вся управа, будет «апофеоз».

Первые прибывшие офицеры суетились, заглядывая в прорву с площадки ракетного ствола. Капроновые веревки, которыми мы недавно поднимали воду из шахты, валялись под ногами. Одна из них была уже в деле, ее свободный конец болтался в яме. Раскачивая эту «соломинку» то вправо, то влево горе-спасатели надеялись, что кто-нибудь из попавших под оползень ее увидит.

– Что слышно? – спросил дежурный по гарнизону.

– Уже ничего не слышно, товарищ Берг. Слышно было в последний раз пятнадцать минут назад. Похоже – каюк обоим.

К нам подошел кинолог. На поводке у его собаки был большой карабин.

– Вот мастер, это – его объект, – представил Берг.

Меня осветили карманными фонарями.

– Как спуститься в яму, товарищ мастер? – спросил кинолог.

– Тут были лесенки. Они упали.

– Кто отвечает за эту яму? Вы?

– Я отвечаю за покраску металлоструктур.

Снова вмешался Берг:

– Как хочешь, зараза-мастер, но отправляйся вниз и вынимай из ямы пострадавших людей. Это приказ.

Капитан показал на веревки.

– Есть, товарищ дежурный.

Будучи мальчишкой, я посещал туристический кружок. И хотя в далекие походы не брали, научился вязать страховочные системы и узлы.

– Я жду, товарищ солдат, твоих великих действий!

Воитель издевался, имитируя добросовестную службу. Разогретый этими криками я связал на себе из веревок бесседку, выпросил у кинолога карабин и бросился в бездну на тормозящем узле.

Тимоха еще дышал. Его придавили тяжелые валуны, один из которых лежал у пострадавшего человека на живот, мешая ему пошевелиться. Другой валун прижал Тимоху к стене ракетного ствола. Когда я убрал эти глыбы, пострадавший солдат очнулся, но тело его не слушалось. Земля была холодной, местами липкой. Отрывая человека от смерти, я сломал себе несколько ногтей,

саднили ладони. К этому времени в яму спустили саперную лопату. Ей я отрубил два метра бечевы и обвязал спасенного друга. Того успешно подняли из прорвы. Второго человека я отрыл под самое утро. Шахрай был мертв. Покойника отравили в расположение части. Более суток он лежал на плацу в грязной одежде, с почерневшим раскрытым ртом, забитым землей. Рядом разбросали печенюшки да конфетки, полученные погибшим из дома перед смертью. В назидание командиры проводили строем своих солдат перед человеком, нелепо погибшим на производстве.

Около месяца на меня повсюду орали, грозили тюрьмой. Я мыл полы на кухне и рубил дрова в кочегарке. Всякому невеликому командиру хотелось принять участие в моем воспитании – поизмываться, плюнуть в душу. Но комиссия, которая расследовала Вовкину смерть, не признала меня виновным. Напротив, мои ночные действия оценили по-настоящему и объявили отпуск на родину. Четыре дня на дорогу, плюс десять дней гражданской жизни стали временной защитой от тягостей и лишения на воинской службе. Я провел их бессовестно. Пил водку и героически выпячивал грудь, пока не встретился с Генкой. Это случилось в последнюю ночь перед отъездом из дома. Мой друг Олежек решил меня женить и привел в женское общежитие. Туда же заявился Генка. На глазах у подружек мы затеяли скандал. В руках у неприятеля оказался кухонный нож. Он ударил меня в живот. Порез был поверхностный. Во время второго замаха я схватился за лезвие ножа и сломал его. На ладони осталась глубокая рана, откуда вытекала густая кровь. Мы пожелали

друг другу смерти. Генку быстро уняли. Мне вызвали неотложку. Врачи заштопали тело, наложили тампоны, забинтовали и пообещали выписать больничный лист, да я все-таки отправился на службу в положенный час. Вздыхала мамка.

– Останься, не доедешь.

– Я не могу.

Всё дело было в том, что предыдущий отпускник задержался на родине несколько дней. В наказание людей из нашей роты долго «мариновали» без всяких отгулов. Это табу нарушили для меня, но пообещали его вернуть, если опоздаю.

В ПАЛАТЕ

В палате, куда меня определили лечиться после реанимации, прозябали без дела трое. Старшему, как и мне, было за шестьдесят, пузатый, звали Иваном. В больничку его доставили с гулянки: разнузданное давление, одышка, веселый пульс. Диагноз – стенокардия. Всю свою жизнь Иван шоферил, мотался в далекие рейсы и преуспел. Его тумбочка была похожа на бакалейную лавку: чай, халва, конфеты, печенье. Супруга ежедневно приносила в трехлитровых банках то пельмени, то котлеты. Иван не скупился. Приглашал отведать вместе с ним дары его старухи, дабы не выбрасывать их понапрасну в мусорный бак. «Пропадут», – огорчался бывший дальнбойщик, питаюсь, как богомол, без остановки. На его обжорство врачи махнули руками.

Сосед Ивана Андрюшка был моложе. Он оказался таксистом. На медкомиссии у парня в груди слышали хрипы и отправили на обследование в клинику. Чего-то страшного не нашли, но, волнуясь, Андрюшка всё же по несколько раз на дню зада-

вал бывалому Ивану вопросы о своем будущем. Очень боялся остаться без руля.

– От надоед, – посмеивался старик. – Ну, поработаешь в слесарке.

– Там тоже не сахар.

– Тогда ступай в свою контору. Ты пойми, голова, по трудовому законодательству, тебя уволить сразу не можно. Прежде предложат сменить основную работу на подсобную с доплатой.

– Не знаю такой работы.

– Скажем, охранником...

– Водителю это не к лицу. Не канаает.

Полдня они по очереди листали старенький журнал «За рулем». Обсуждали заморские машины, ругали российский автопром – согласованно, дружно. Ближе к ночи, когда на всю больницу оставался один дежурный врач, Андрюха разогревал палатный телевизор до истеричности и духовно питался, ожидая скорой победы на украинской земле.

– Выключи телик, – сердился старый Иван, скрипя зубами. Ему хотелось уснуть. Но молодой товарищ возражал и перекрикивал новости.

– Мы небесная сила, исполняющая волю истории, – воистину это был трибун. – В нашей армии все святые и нет предателей.

– Андрюшенька, – умолял его сосед, – какой смысл от непобъятного мира, если ботинки малы.

– Ты – пацифист, – не унимался оратор, доедая последние пельмени Ивана. – Такие, как ты, служили фашистам.

Еще один пациент в палате каждый день изучал медицинские материалы. Он находил их по ноутбуку. На мониторе мелькали картинки, отображающие неловкую работу сердец, бегло передвигался курсор, появлялись объемные научные

тексты. Диагноз этого мужчины мне не известен. Звали Жаном. В больнице он скрывался от внеплановой проверки в финансовом отделе, где был, по-видимому, старшим. Человека ежедневно навещала молоденькая сотрудница. Чинно поджав коленки, она сидела на табурете перед больным, как фотомодель.

– На работе все сбесились, – мурлыкала женщина. – Пропали отчетные журналы. Ищут виновных.

– Ты подойди к врачу, порисуйся, и, пожалуйста, попроси его о том, чтобы меня отправили на лечение в Оренбург, – поручил начальник.

Так и случилось.

Собираясь в дорогу, Жан загадочно улыбнулся.

– Саша, у тебя – обширный инфаркт.

– Ты это к чему?

– У меня его еще нет.

– Это ж неплохо.

– На этом свете, Саша, тебе осталось жить несколько дней, от силы – год или два. В ординаторской про это говорили врачи.

– Я понимаю.

– Крепись.

Его улыбка была никчемной.

Ближе к ужину я от скуки шатался по этажам. Дверь в палату реанимации оказалась открыта. Одинокая санитарка нерасторопно выталкивала в проем медицинскую транспортную тележку. На ней лежал неподвижный человек, накрытый простыней.

– Помогите, – попросила женщина. – Вместе сподручней.

– Куда поедет?

– Оставим тележку около подоконника.

Рядом находились двери лифта и служебный выход на лестничную площадку.

– Сюда придут люди из морга.

– Кто-то сегодня умер?

Волнуясь, я заглянул в палату реанимации. Генкино место было чисто заправлено.

– Да, это – он, – ответила санитарка.

– Вы уже отыскиали его родных?

– По адресу, который вы нам назвали, никто из них не проживал, но в полиции проследили миграцию семьи.

– Удачно?

– Почти... Сам он – Шубейко Геннадий Петрович. Одинокий пенсионер. Бывший электросварщик. В последнее время проживал в соседнем городе Орске. Ольга, которую он всё время звал к себе на помощь, вы помните, его дочка. Серёжка – ее сынок.

– Получается Генкин внук?

– Они проживают в Чернигове. Украинцы. Около года назад Ольга приезжала к больному отцу на побывку и похристиански хотела его увезти к себе домой навсегда, да случились проблемы. Женщина не сумела собрать необходимые бумаги для переезда отца в другую страну. К тому же последняя квартира у Гены не оплачена много лет. Дочка отправилась в Чернигов одна, желая воротиться с кое-какими деньгами для уплаты долгов. А тут – военная операция.

– Понимаю... Границы закрыты.

– Час назад мы по скайпу всё-таки дозвонились до Чернигова. «Вы, – обвинила Ольга, – убили моего отца». А мы его спасали. Разве это не так?

– Я согласен.

– Побудьте с Геннадием до приезда моих коллег из морга.

Санитарка ушла работать. Я уселся на подоконник. Мертвое тело лежало на расстоянии протянутой руки. Проходивший мимо завхоз назидательно приказал мне подняться.

– Больной, вы не уважаете труд. Сегодня наши строители поставили этот новый подоконник, а вы его уже обтираете грязными штанами.

Я огрызнулся:

– Давайте стул.

Через минуту принесли табуретку.

На тележке находился мой враг. Когда-то я очень хотел его убить или увидеть мертвым, и вот мое желание стало явью. Некому было печалиться над Генкой. Издалека с опаской косились в нашу сторону бродившие без дела больные. Пиликало радио. Любимые люди покойного не смогли проехать кордоны, чтобы в последний раз увидеть деда и отца. Самым близким человеком для Генки в округе остался я один. На сердце лежал тяжелый груз прошлого. На этом свете, уничтожая врагов, мы от души добавляем: «Умрите, сгиньте», и... славим Бога. А что на том?

– Послушай, Геннадий. Разве мне стало легче от того, что ты сегодня скончался от боли в палате реанимации, в безродной тебе стране. Я не злорадствую. Я, ведь, тоже скоро умру проклятым и одиноким. Если на небесах твоя душа окажется в раю как праведная, то пускай она останется там, я не против. Но в аду я буду драться с тобою, как в детстве, покуда ты не воскреснешь. После этого, Гена, ты увидишь своих детей на этом свете и повторно умрешь уже счастливым. Не надо тебе в аду с такими, как я...

Б

Рисунок И. Старцевой.

РАССКАЗЫ

ВДОВА

1

Нам с женой с давних пор нравится путешествовать без какой-либо цели. Катим мы так с ней однажды куда глаза глядят и вдруг видим – диво дивное: бежит в чистом поле барышня каменная и косынкой изо всех сил машет кому-то. Кругом овраги да буераки, жилья никакого, народа живого, вроде, тоже не видно. Откуда бы в таком месте скульптура могла появиться? Бежала, что ль, куда красавица-девица, да окаменела? Чудо – прямо как в сказке.

Дорога широкой дугой огибала огромный овраг, и каменная бегунья так долго оставалась перед глазами, что нас в конце концов деятельное любопытство разобрало, и захотелось поближе на ваятельный артефакт поглядеть. В ироническом настроении выбрали мы из машины, по довольно пересеченной местности приблизились к странной скульптуре вплотную – и застыли: таким скорбным, таким нестерпимо горестным лицо молодой женщины вблизи оказалось, что веселье беспричинное с нас ментально слетело. И так смутно вдруг на душе сделалось, будто с нами несчастье неведомое произошло.

Постамент у скульптуры был совсем низкий, густой травой скрытый, потому и казалось, что бежит женщина прямо по полю: из последних сил своих устремилась за кем-то в безоглядной,

безнадежной погоне. Из груди ее рвался безмолвный, отчаянный крик, резкий ветер порывами хлестал по лицу, немилосердно трепал густые длинные волосы, сарафан раздувал, ноги спутывал – тормозил, не давал идти... А подножье скульптуры – все было цветами усыпано: и сухие цветы лежали вокруг, и совсем еще свежие.

Мы постояли немного и медленно побрели обратно, забрались в кабину и молча сидели – никакие слова не хотелось произносить.

– Знаешь, – сказала жена, когда мы намолчались вдосталь, – а давай узнаем хоть что-нибудь. Наверняка местные рассказать что-то могут.

– Хорошо, – сказал я. – Как первые дома покажутся, так и свернем. Может, и вправду узнаем что.

Так мы в дом к старому учителю и попали, и вот что он рассказал.

2

– Я, значит, начала видеть никак не мог, потому что тогда, как говорят, еще и в проекте не значился. Но отец мой, Степан Порфирьевич, земля ему пухом, про это несколько раз рассказывал, так что я, таким образом, и прелюдию знаю.

Ну да, с одной стороны страшные тогда времена, «окаменные» были, а с другой – такая неугомонность созидательская нежданно в людях проснулась!.. Идеи всяческие – просто фонтанами били. Вот одну такую идею

Александр КРАМЕР

Родился в Харькове.
Окончил Харьковский
политехнический институт,
заводской инженер.
Участвовал в ликвидации
последствий чернобыльской
катастрофы.
С 1998 г. живет в г. Любек
(Германия).

кто-то в нашей местности и исполнил.

Активисты здешние даже группу образовали. Изю всех сил пытались дознаться, кто Вдову изваял. Даже какого-то крупного специалиста из Москвы приглашали. Тот приехал, руками развел, языком поцокал, да назад и поворотил. Так ничего, значит, выяснить за всё время и не получилось.

Вода в краях наших – целебная, повсюду источники минеральные бьют; вот и решила местная власть к десятилетию Октября санаторий для красноармейцев больных построить.

Первый камень под оркестр военный заложили, транспаранты с плакатами всюду повывешивали и скульптуры, ну, про которые вы спрашиваете, одним духом поставили. Их ведь, скульптур этих, две поначалу было. Ближе к шоссе, по которому вы к нам приехали, значит, красноармеец стоял – в обмотках, шинелишке нараспашку, папахе со звездочкой и винтовкой через плечо. Солдатик с веселой улыбкой уж почти что на тракт выходил и небрежно, повернувшись вполоборота, на прощанье рукой помахивал; а девушка издалека, аж с поля за ним бежала, и всё звала, звала...

Санаторий потом и вправду построили, но в сорока километрах отсюда и для начальства военного. Там, значит, пласт водяной помпешней, лес с рекою поближе, да и вся местность для строительства приспособленней оказалась. В общем, перерыли здесь всё поначалу, да бросили, а скульптуры не стали отчего-то переносить, тут и оставили. Так они до войны, на удивление всем, у нас и простояли.

Потом война началась. Это я, значит, хорошо уже помню. По нашим местам прифронтовая полоса проходила, и в райцентре, в бывшей земской больнице огромный госпиталь сделали. Однажды летом, в сорок третьем году, туда санитарной колонной

раненых с фронта везли – машин восемь, десять.

Откуда он только в тот день налетел этот «фоккер». Ведь тихо всё было! Он, ублюдок, и бомбы-то две всего сбросил, но первой попал в самый центр, а вторая упала на обочину трассы, в хвосте колонны, как раз там, где каменный красноармеец стоял. Тогда мало кто уцелел. И красноармейца взрывной волной тоже начисто срезало.

Так вторая скульптура и осталась одна. Бобылкой, значит, без солдатика своего осталась. Вот ее Вдовой с тех пор и зовут.

3

Может, кто, шутя в первый раз пришел. Хотя какие тут шутки. Скорее другая какая причина-кручина была. А только однажды солдатские вдовы к Вдове каменной приходиться стали – от чужих глаз подальше бедами всякими поделиться, ну и поплакать, понятно. Поначалу только наши ходили, а позднее, значит, и из дальних мест начали.

Потом группками вдовыми затеяли на 9 Мая возле Вдовы собираться. Придут, сядут, разольют по рюмочкам горькую и кручинные песни поют. И так это всё душевно у них выходило... что и не вдовый народ понемногу стал к ним подтягиваться. Так одним майским днем и ветераны к вдовам присоединились. А, кажется, уже в конце шестидесятых – традицией это, значит, в местах наших сделалось.

В округе монументов всяких да обелисков, под копирку сработанных, – и счесть невозможно, даже Вечный огонь в райцентре имеется, а народ сюда едет – до земли солдатской Вдове поклониться, рядом с ней своих близких вспомнить. И афганской войной искалеченные, и чеченскими...

Вас вот тоже, видимо, зацепило, тоже душу Вдовы почувствовали.

Да, а лет так пятнадцать назад вдруг стали молодожены сюда приезжать после загса – чтоб, значит, первый совместный глоток шампанского здесь именно выпить, на глазах у Вдовы – за счастливую, долгую и неразлучную жизнь. Ну да, именно так. В загсе расписываются, как и положено, фотографии всякие делают, а шампанское уже возле Вдовы открывают.

Получается, мастер неведомый – произведение редкое сотворил. На долгие времена. Жаль, узнать ничего про него не вышло. Нет его уже, видно, в живых.

4

На обратном пути мы снова возле скульптуры остановились. Нарвали цветов полевых и к ногам Вдовы положили. Жена прижалась ко мне, и мы, крепко обнявшись, постояли недолго. А потом молча по глотку вина выпили. За тех, кто никогда уже не возвратится. И за тех, кто не возвратившихся помнит.

МЕЧТА АНЕЧКИ ШТЕЙН

Давно уже не было черносотенцев, лагерей и газовых камер. Даже безродные космополиты и убийцы в белых халатах стали как-то подзабываться. То, что царский закон о черте оседлости сменила подзаконная процентная норма, конечно же, раздражало, угнетало, нервировало, но никакого сугубого страха на живущих под нормой не навредило и в дрожь не вгоняло. Так что жизнь была в общем-то более или менее обыкновенной.

1

Коллективные опыт и разум, несмотря ни на что, говорили им, что обстоятельства могут изменяться стремительно и необратимо, и тогда уцелеть удастся тем только, кто не на виду, тем

только, кто не привлекает к себе внимание двуногого стада; поэтому – при любых обстоятельствах – нужно стараться быть неразличимым в толпе, а еще лучше – попытаться стать совершенно невидимым.

Три поколения женщин, потерявших в лихолетьях минувшего времени драгоценных своих мужчин и многих, и многих близких, теперь, изо всех своих слабых сил, защищали единственное свое продолжение: старались растить дочку, внучку и правнучку до того неприметной, что иногда (до поры) сами сомневались в реальности Анечкиного существования.

Девочка даже знания свои в школе, по их настоянию, выявляла не в полную силу. Впрочем, данные у Анечки от природы были прекрасные, усердие и трудолюбие замечательные, так что троек в табеле никогда не водилось. Нет, гениальными способностями она не обладала, но живой и дотошный ум в сочетании с прилежанием и упорством давали очень и очень хорошие результаты.

Тем не менее, свойства серой, замкнутой мышкы-тихони отлично работали; и если б ее одноклассников спросили однажды, как Анечка учится и что из себя представляет, то большинство из них вряд ли смогло бы что-то внятно ответить.

Один только раз серый панцирь, после долгих и трудных домашних сомнений, на миг решились разрушить, но в страшной панике снова надвинули на улитку непроницаемый домик, и ко всеобщей семейной радости всё тогда всеми благополучно и быстро забылось.

А случилось так, что под Новый год их восьмой класс пригласили... в театр! На «Золушку». Анечка никогда еще на такое грандиозное представление не попадала. Ну, утренник в детском садике, ну, провинциальный театрик где-нибудь в

доме отдыха, ну... Нет, огромный роскошный театр совершенно на всё это не походил. Ни на йоту!

Это был праздник такого масштаба, что пятнадцатилетней девочке, прожившей всю свою жизнь в скорлупе, под домашним арестом, под неусыпным надзором... Нет, никакими словами не передать волнение праздничное, немыслимое, необыкновенное... Всё, даже библиотека, на задний план отступило, всё растворилось в волнующем предвкушении чуда, предвкушении счастья. С ней творилось такое, такое – что и маме, и бабушке передалось (прабабушки уже не было). И тогда вдруг, в нарушение всех и всяческих правил, решили, что пошьют девочке ПЛАТЬЕ. В ателье, настоящее, праздничное, о каком Анечка после ужасных коричневых (бес)форменных своих балахонов даже и мечтать не могла.

И пошили! Голубое, кримпленовое, с воротничком-стойкой, удлиненной немного талией, нескромной самую капельку юбкой, открывающей стройные ножки; а к нему купили еще красивые – чешского стекла – бусы и вишневые туфли-лодочки на каблучке. А волосы, обыкновенно закрученные в уродливый пук, распустили, и теперь они широкой ночью рекой струились на плечи.

2

Господи, что это был за день, что это был за чудесный, поразительный, неописуемый день! Смуглые щеки девочки от немыслимого волнения тихо алели, темные глаза лучились... Она вся была свет и порыв – чистый, безбрежный и бездонный восторг. Эту разительную, просто невероятную перемену не только учителя, но и толстокожие одноклассники с одноклассницами углядели: шептались, пожимали плечами, глазки закатывали, головами крутили... А Анечка ото всех держалась поодаль, и ни с

кем совершенно, совершенно ни с кем не общалась. И не только из-за всегдашней своей привычки держаться уединенно, но и потому, что никого, ничего не видела, не замечала: все, все чувства на свете заполнил, затопил удивительный, невиданный праздник...

Потом были длинные зимние каникулы, а после них Анечка появилась в классе во всегдашней своей коричневой невзрачной хламиде, во всегдашнем своем тусклом, непримечательном облике; время и устойчивый стереотип изо всех голов Анечкин странный праздничный образ вытеснили, и никто в классе о чудесном ее превращении больше даже не вспомнил. И всё снова потекло рутинным своим чередом.

3

Наверно, всё было бы в будущем так, как трем женщинам и мечталось – тихо и мирно. Анечка выучилась бы, может быть, вышла бы замуж, может быть, детки бы появились, может быть... Не суждено всему этому было случиться. Случайность, нелепость, дикая непредсказуемость бытия... Знать бы, где падать!

Не надо, не обвиняйте в банальности: просто не знаю, как выразить свои чувства, как объяснить всё, что дальше произошло.

Книги всегда были Анечке в радость – ведь такая отдушина в одинокой и тусклой обыденности. К тому же самая лучшая в городе детская библиотека находилась совсем-совсем рядом, даже дорогу переходить не приходилось. Поэтому ее с пятого класса раз в две недели отпускали одну взять новые книги – одну, представляете!

Впрочем, бабушка еще долго страшилась этих самостоятельных библиотечных походов. Ей

всё казалось, что девочка может заблудиться или – ужасно даже представить – как-нибудь потеряется. Поэтому Анечке в карман платья, в пальто и сумку укладывались записки с адресом, именем и фамилией, а на шею, на прочном черном шнуре – на всякий пожарный – вешался ключ от квартиры. Анечка этот ключ на шее терпеть не могла! Только переступала порог – снимала немедленно, и – в знак протеста – принималась вертеть на пальце – как будто бы это пропеллер, а она вертолет – и вприпрыжку стремглав летела в библиотеку.

Это стало традицией, ритуалом, постоянной чайной радостью. Она всегда долго и обстоятельно бродила среди стеллажей, наслаждалась таинственной, завораживающей тишиной огромного абонементного зала, удивительным, ни на что не похожим запахом библиотеки, подходила к знакомым авторам, здоровалась, трогала книги, брала какие-то в руки, листала, вглядывалась и вслушивалась в чужие имена и названия... И, наконец, выбирала! А потом в предвкушении счастья опрометью неслась домой, забиралась тут же с ногами в широкое старое кресло и перед тем, как начать читать, еще долго листала страницы, стараясь представить, что ждет ее впереди.

Однажды, в начале девятого класса, к ней в руки попала замечательная трилогия Юрия Германа. Она не читала, залпом глотала каждую новую книгу, жила эти дни, как в тумане, всей душою, всем сердцем – совершенно всей сутью – переселяясь в иную, отважную и бескомпромиссную жизнь...

Анечка вдруг повзрослела окончательно и бесповоротно, обрела духовный, душевный стержень, и мечта стать врачом с этих пор овладела ею полностью, сделалась целью жизни, ее безраздельным и непререкаемым смыслом. Она стала читать

всё подряд о врачах, болезнях, истории медицины, борьбе с чумой и холерой... С беспредельным упорством штудировала биологию, химию, физику – всё, что давало возможность поступить в медицинский вуз. Именно в медицинский, потому что ни о каких прочих профессиях с этих пор речи быть не могло. Правда, как-то раз бабушка попыталась Анечку от этой ужасной, совершенно лишённой в их положении всякого смысла, блажи отговорить, но, к своему величайшему изумлению, получила отпор – мягкий, но такой по-взрослому категорический, что больше об этом даже и не заикалась.

4

Анечка так же, как раньше, жила отстраненно от всех, совершенно одна. Но это была теперь отстраненность абсолютно иного свойства – глубочайшая сосредоточенность зрелой личности, поглощенной всецело достижением цели. Учителя только головами удивленно качали, видя в девочке столь разительную, не понятно как и отчего произошедшую перемену. Она постепенно становилась гордостью класса, но, видимо, что было более чем очевидно, изменение статуса Анечку ни в малейшей степени не волновало. У нее просто ни времени, ни желания не было задумываться о всяких несущественных глупостях. Может, поэтому одноклассники совершенно спокойно отнеслись к такой перемене, и завистников, зложелателей в классе у Анечки не появилось.

Два года, насыщенные всепоглощающей, непрерывной учебной, пролетели со скоростью невероятной, чудовищной; и до цели теперь оставались всего только вступительные экзамены. Всего только...

В медицинский таким, как Анечка, вход был заказан – категорически. Стопроцентный провал – гарантирован. Нет, ис-

ключения, разумеется, в трех случаях делали: за огромные деньги, по высокому благу и, изредка, – в случае исключительных, экстраординарных способностей. Но так, к слову, и в царской России происходило!

Денег и блата в Анечкиной семье отроду не имелось, а исключительным даром, как я уже говорил, Анечка, к сожалению, не обладала. Да, была очень способной, трудолюбивой, упорной, но – не гениальной. Впрочем, врач бы, наверное, из нее получился отличный, такой, на каких вся практическая медицина только и держится, но...

Но на беду свою, Анечка выросла интровертом типичнейшим, абсолютным. Никаких качеств воительницы или других каких, дающих возможность отстаивать жестко и безоглядно свою правоту, давать бой и отпор любому, кто на них посягнет – не было и в помине, да и быть не могло. Потому что не приходилось ей до сих пор достоинство свое защищать и отстаивать. Повода не было. Так что опыта – ни малейшего.

Вот почему экзамен у Анечки, проходивший по отработанному и неоднократно разыгранному сценарию, закончился тем, чем и должен был – по определению.

Проклятая физика! Чаще всего на ней именно – шельмованием всяким, да подковырками – и заваливали. Впрочем, в ее случае обошлись много проще – обыкновенным театром.

Экзаменаторов было двое: желчный вертлявый дяденька лет пятидесяти и довольно молодой еще человек, но уже быстро лысеющий, полноватый и вялый. Они орудовали безукоризненным, отлично спетым тандемом. Не успевала Анечка открыть рот и начать отвечать на вопрос, как парочка принималась громко беседовать между собой о каких-то своих насущных институтских проблемах. Но только Анечка от смущения

замолкала, как упитанный ленивым, расслабленным голосом осведомлялся:

– Забыли? Не знаете? Может, перейдете к следующему вопросу?

Анечка собиралась, снова начинала рассказывать... и громкая дружеская беседа немедленно возобновлялась. Так несколько раз повторялось, пока Анечку окончательно не выбили из колеи: на глазах у девочки закипели слезы, губы дрогнули, и стало понятно, что иезуитская цель частично достигнута – она вот-вот разрыдается. Тогда желчный вдруг подхватился, подошел к окну, раскрыл настежь и стал что-то там в институтском дворе выглядывать. Анечка, разумеется, сидела в ожидании молча, а дядечка-экзаменатор, наглядевшись в окно, закурил и, пуская на улицу дым, громко осведомился:

– Так будете отвечать, или как?

Анечка промокнула глаза, изо всех сил сосредоточилась... Но не успела она и десятка слов произнести, как от окна раздался начальственный окрик:

– Вы что, не ели сегодня? Я вас совершенно не слышу! Громче, наконец, можно?!

Громче Анечка уже не могла. Нервная спазма цепкой рукой сжала горло, и она больше слова вымолвить была не в состоянии.

Видя, что тактика принесла результат – окончательный и бесповоротный, желчный ублюдок выбросил сигарету, оторвался от подоконника, взял в руки Анечкину экзаменационную книжку, с презрительной миной поставил «три» и расписался, вялый тоже закорючку поставил и со словами:

– Всё. Можно идти. Скажите спасибо за «тройку», – швырнул ее Анечке. А потом издеватели снова заговорили о чем-то своем.

Это был полный провал. При таком бешеном конкурсе поступить с тройкой нечего было и думать. Анечка горько проплакала

до утра, утром ушла из дома и где-то бродила до вечера, потом, тупо уставившись в стену, долго сидела на кровати, раскачиваясь, как маятник, пока от неимоверной физической и душевной усталости не упала головой на подушку и не забылась мертвым, оглушающим сном.

6

На сочинение – последний экзамен – Анечка не пошла, а через несколько дней устроилась на работу – санитаркой в городскую больницу, совсем рядом с домом. Она стала мыть полы в палатах и коридорах, убирать туалеты, выносить судна и утки – выполнять всю самую черную и тупую работу, какая только была. Еще поступила на вечерние курсы – подготовительные – при медицинском институте и училась, училась, училась...

Санитарки местные – все сплошь тетки из пригородов – поначалу, как водится, пытались ей дедовщину устроить, но потом, видя Анечкино исключительное трудолюбие и упорство, характер покладистый, добрый – защищать даже стали. И сестра-хозяйка – начальница – при поддержке всех прочих – с парочкой сущих мерзавок разобралась моментально, когда те всерьез стали Анечку доставать, подставлять, да работу свою на нее переваливать.

7

А незадолго до Нового года произошло событие удивительное, совершенно неправдоподобное: ее вдруг после работы стал поджидать симпатичный молодой человек – застенчивый и молчаливый. Анечка даже представить себе не могла, откуда кавалер этот взялся. Он в любую погоду по несколько раз в неделю встречал ее после работы и потом молча шел следом до самого дома.

Ее мучило такое ужасное любопытство, что однажды она позволила таинственному поклоннику приблизиться и заговорить; он оказался фельдшером со скорой помощи – и тайна рассеялась. Впрочем, она все равно его появлением удивлена была необычайно; так сильно, что даже несколько раз согласилась прийти на свидание. Только он Анечке, совсем не умеющей общаться, погруженной в себя на невыносимую глубину, не понравился, показался тогда, к сожалению, совершенно не интересным, да и времени эти шатания отнимали сверх всякой меры.

Так они и расстались по ее настоянию, хотя у нее еще долго при воспоминании о молодом человеке щеки неожиданно воспалялись, на губы улыбка слабая набегала, сердце вздрагивало тихонько... И странно так на душе становилось. И если бы он как-нибудь объявился вдруг снова... Но он не объявился.

8

Год пролетел очень быстро, почти бессобытийно. Разве только неожиданное ухаживание симпатичного фельдшера... А так – ничего больше – работа, учеба.

На очередных испытаниях Анечка опять провалилась. Один балл только не добрала.

Как лунатик – ничего не видя, не слыша – дотащилась до дома, рухнула на пол в прихожей и захлебнулась, забилась в неукротимой, тяжелейшей истерике. Такой, что, объятая смертным ужасом, бабушка еле смогла набрать номер скорой.

Ей укол сделали, таблетки выписали и даже больничный на три дня дали. А через три дня она снова пошла на работу в больницу – с опухшим, дрожащим лицом, закушенными губами – полуживая, такая... Народ говорит – краше в гроб кладут. Даже выдавший виды больничный люд взволновался.

На следующий день зав. отделением – умный, дошлый, и Крым, и Рим прошедший мужик, которого за глаза иначе, как «дед Петро», в больнице и не называли, – вызвал Анечку в свой кабинет, усадил, налил ей горячего чаю и осторожно, чтоб беднягу несчастную еще больше не напугать, стал с нею беседовать:

– Что, Анечка, не поступила? Я знаю, что два раза уже. Да не убивайся ты так. Если в лоб не выходит, в обход всегда надо идти. Не бывает безвыходных положений. Ты эту затею с институтом попробуй оставить – на время. Нет, нет, ты сиди, не спеши, дослушай хотя бы. Я вот что хочу предложить: у меня жена в медицинском училище преподает, я вчера с ней поговорил, она все учебники, все методички, всё, в общем, что тебе будет нужно, принесет, и на следующий год попробуешь не в институт, а в училище к ним поступать. Ну, получишь сначала среднее образование – не беда, совсем близко к профессии подойдешь, да и лучше это, чем тряпкой махать, – а там видно будет. Согласна?

Ну что ты молчишь? Да, чуть не забыл совсем. У меня для тебя еще одна новость есть. Кастелянша в конце ноября уходит за внуком смотреть. Я с главным переговорил, ты можешь, если согласна, занять ее место. Времени у тебя на учебу будет побольше, да и работа полегче.

Ну что ты, не плачь, ну, не плачь. Перемелется, девонька, всё, вот увидишь, всё перемелется.

10

В училище Анечка через год поступила. Бабушка всего несколько месяцев до события этого не дожидаясь. Поэтому они с мамой вдвоем свой маленький праздник отметили: стол накрыли, вина по капельке выпили, заплакали на плече друг у дружки

и в кино на последний сеанс сходили.

И время дальше пошло. Анечка стала учиться и в больнице своей по вечерам подрабатывать; и как дед Петро ее от затеи этой не отговаривал, она на своем настояла, потому что представить себе не могла, что из-за училища, хоть и на время, может расстаться с больницей. Потому что учеба в училище была всего только уступкой непреодолимым, безжалостным обстоятельствам, и никак по-другому она это свое поступление не рассматривала.

11

Странные это были три года. Анечку ни на день не покидало ужасное ощущение бездарности, промежуточности, компромиссности происходящего. Особенно в первый год учебы, когда она не жила, собственно, а существовала в непрерывном, неутолимом ожидании того времени, когда снова можно будет попробовать исполнить мечту. У нее даже несколько раз в этот год случались истерики, но не сильные: их быстро купировали и последствий особенных они, кажется, не имели.

Даже то, что к концу учебы ее уже совершенно спокойно оставляли в больнице дежурной сестрой, удовольствия, удовлетворения не приносило. Стремление стать врачом – и только врачом – оказалось таким всесильным, так захватывающим всё существо, что остальные желания казались немислимо мизерными, отходили не на второй, а на третий и даже четвертый план.

12

Получить красный диплом, дающий – пусть и эфемерные – льготы, не вышло. Работа, учеба, домашние хлопоты, потому что мама вдруг быстро стала сдавать... Не получилось. Еще год после училища она отработала в

горбольнице, пропадая над учебниками целыми вечерами. Чувствовала она себя плохо. Внутри постоянно что-то противно дрожало от неуверенности и напряжения. Она понимала отчетливо, что ей нужен отдых, что нужна передышка, что нужно набраться сил, успокоиться... Но всё это было только теоретически. А на самом деле она не могла уже остановиться. Мечта не давала ей жить, не давала дышать, повелевала судьбой!..

Ее провалили. Снова. Такой ужасающей перегрузки психика выдержать оказалась не в состоянии. Она долго лежала в больнице; у нее были судороги; начинались галлюцинации; окружающих она не узнавала, впадала в истерику... Вылечить не удалось.

13

Ей опять, как когда-то в детстве, в карманы кладут большие бумажки с адресом и фамилией, и на шею вешают ключ от квартиры на черном шнурке. Ключ, как и в детстве, она ужасно не любит и снимает при первой возможности, чтобы крутить как пропеллер.

Целыми днями она безучастно, бесцельно бродит по всему городу, крутит на пальце ключ и улыбается. Иногда подходит к кому-нибудь и заговаривает. Обязательно спросит, здоров ли, нет ли температуры и, не дожидаясь ответа, идет себе дальше.

Она бродит по городу, улыбается безмятежно и крутит на пальце квартирный ключ на шнурке, и никакое паскудство двуногих больше ей не угрожает.

НЕПОРОЧНЫЕ СВЯЗИ

Эдуард ПОБУЖАНСКИЙ

Родился в 1968 году
в г. Черновцы.
Детство и юность провел
в г. Единцы
на севере Молдавии.
Окончил школу
с золотой медалью.
Служил в армии.
С отличием окончил
факультет журналистики
Молдавского государственного
университета
и Высшие литературные курсы
при Литературном институте
им. А.М.Горького
(мастерская Юрия Кузнецова).
Автор пяти поэтических книг.
Стихи публиковались
в коллективных сборниках
и литературных журналах.
Член Союза писателей России.
Основатель и главный
редактор издательства
«Образ». Живет в Москве.

УТРЕННЕЕ

Дай мне, Господи, силы отмыться
От всего, что пристало к нутру.
Что-то снова сердечная мышца
Не к добру разболелась к утру.

Из вибраций и аллитераций
Дай сложиться нелживой строке,
А как выйдет мне срок собираться,
Дай мне силы уйти налегке.

БАХ

Когда в меня проникнул страх,
Найдя прореху как проруху,
Откуда-то явился Бах
И фугу протянул как руку.

Меня подхватывал орган
Как музыкальный орган Бога
И нёс к небесным берегам,
И отступала прочь тревога.

Звучала музыка как рок
И в поднебесье уносила,
И я б заплакал, если б мог,
Но не от слабости —
От силы.

СЧАСТЬЕ

Мама всю жизнь
проработала
акушеркой
в роддоме.
Поэтому лет с четырех
я точно знал, что детей
не приносят аисты,
не находят в капусте.
Их берут в роддоме.
А еще там много конфет —
в нарядных коробках,
в золотой фольге,
шоколадных.
Мама их приносила домой
после смены.
Открывала коробку
и улыбалась устало:
«Сегодня выписали
двух девочек
и мальчика».
Я так и запомнил:
счастье — это мама,
конфеты
и дети...

АНГЕЛ

Слушай, я не знаю,
что они там курили,

но меня назначили
ангелом твоим.
У меня мало налета
и слабые крылья,
и я не уверен,
что мы даже взлетим.
Но мы попробуем,
да и выхода нету.
Ты помнишь молитву?
Любую. И я — нет.
Но я же твой ангел,
я агент неба.
Не отключайся,
не выключай
внутренний свет.

ПАРНОСТЬ

Ты в Риме или Дублине,
А я тут мерзну с голоду
В одном носке —
разлюбленный
На всю седую голову.

Из жадности, из жалости,
Во имя высшей ценности
Вернись ко мне, пожалуйста,
Для парности и цельности.

ГРИПП

Я хожу по кромке гриппа —
Оступлюсь и упаду,
И тогда
Дней семь небритым
Мне на дне лежать в поту.

Тридцать восемь,
Тридцать девять...
Чай имбирный, терафлю,
И наверх —
Сквозь бред недельный:
«Я люблю тебя, люблю...»

БОЖЕСТВО

Я не виновник торжества,
Моя вина лишь в том,
Что я любовник божества
И с ним делю свой дом.

Мой дом похож был на кабак
И даже на вертеп.
Но божество сказало: «Ах!
Ты столько претерпел!»

Оно сказало мне: «Пора!
Забудь, что было до,
Мне по душе твоя нора,
Но время вить гнездо!»

Теперь повсюду волшебство:
Сияет дом, как храм!
И мне прощает божество
Нытье, питье и храм.

ДОПОЛНЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

В моей реальности всё подлинно,
Пока она тобой дополнена!
В ней всё —
От близости до дальности —
Мне дорого без срока давности.

И беспричинные условности,
И благочинные формальности —
Всё это милые подробности
Тобой дополненной реальности!

ПОДЛОДКА

Когда я остался один,
Бедой захлебнувшись, как водкой,
Твой дом из крошечных глубин
Поднялся подводною лодкой.

Тяжелые воды беды
Затянуты тиной черной,
И я, как буюк, из воды
Торчал головою никчемной.

Но был я внезапно спасен
И выжил в твоей субмарине,
Где были и сон, и Бессон,
И даже немного мартини.

СВЯЗЬ

Небо мое с овчину,
Твое — голубой атлас,
И нет ни одной причины
Остаться хотя бы на час.

Мы бились как птицы между
Этих больших небес.
Не подавай надежды,
Я должен привыкнуть — без.

В злобе, тоске и гнев
Не поминай добра.
В черном с овчину небе
Что ни звезда — дыра.

Время всегда проточно,
Небо — то шелк, то бязь,
Не называй порочной
Непрочную нашу связь.

РАЙ

Мы делили постель, и вайфай,
И, бывало, последние сушки,
И с учетом утруски-усушки
Это был наш неназванный рай.

Мы не ладили быт по фэншуй
И не знали, что лён — это хюгге,
Мы себя сохраняли друг в друге,
Продлевая, как жизнь, поцелуй...

СНЫ

Мобильника бойкая трель
Ударит отчаянно в руку.
Ну вот и исчерпана треть
От месячной нормы друг друга.

Любовь эта с двух до восьми
Нам светит, как солнце в Палермо,
Но сны — непечатные СМИ —
Считают иначе, наверно.

НЕБО

В разбитый смартфон смотреть —
Как в зеркало, не к добру.
Зачем тут иконка «Смерть»?
Я не умру.
Не умру.

Бог не сберег от ран,
Да на погост не свез.
Небо — ночной экран
В пикселях битых
Звёзд...

ПАЛАЧ

Толпа притихла, рты разинув,
А он глядит поверх голов, —
Как государь, на всю Россию
Один на всех палач — Фролов.
В руках и сила, и сноровка,
И всё-то ладится пока...
Разок-другой рвалась веревка,
Так то прогневшая пенька.
Вот он стоит на эшафоте,
Горит рубаха кумачом!
Потом — в кабак...
Конец работе!
Кто хочет выпить с палачом?
Неспешно разопьет бутылку,
Кивнет жандарму: «Ну, пойдём!»
И побредет в подвал, в Бутырку, —
С иконой, бабой и дитем.

БАРАБАН

Мы играли и трубы, и флейты,
И всё рос моей жизни курган,
Но теперь я под небом последним
Слышу только один барабан.

Я узнал неподъемную цену
Легких рифм, обжигающих рот.
И сейчас, поднимаясь на сцену,
Я всхожу как на свой эшафот.

Не лишай меня, Господи, речи,
Не ославиться, Боже, сподобь!
И всё ближе, и громче, и резче
Барабана небесного дробь...

СТАРУХА

А кошки эти — семья старушья:
Семь во дворе да в квартире три.
Но даже те, кто живут снаружи,
У нее, у старой, тоже внутри.

Утром выйдет во двор и в плоски
То супу нальет, то молока.
Известно всякой бродячей кошке,
Что пахнет лаской ее рука.

Старуха стала почти неходячей
(Ах, ножки! — будто на каждой пуд),
А всё выходила к родне кошачьей —
Кормила, жалела...

Может, врут,
Но говорят, когда гроб выносили,

Кошки в округе всей
Голосили.

МУРАКАМИ

В студенческой общаге нашей
Был заведен режим монаший.

В любой сестре-филологине
Я видел признаки богини.

Я тенью шел за ними в келью,
Чтоб на ночь почитать Коэльо.

И брал их голыми руками
Вдвоем с Харуки Мураками.

О, скольких помнят эти руки!..
Теперь уже не тот Харуки.

РАЗГОВОР

Я начал разговаривать с котом.
И с радио. А что потом, Алиса*?
Покроются мхом и снулым стариком
Поглядивать в окно с тоскою кислой?

Я начал разговаривать с собой.
И рад бы пошутить над этим, рад бы...
Но вышел разговор как ближний бой —
На расстоянье вытянутой правды.

Я начал разговаривать с отцом.
Мы были с ним полжизни не враги ли...
И вот я тут. Седой. С его лицом.
Реву и рву пустырник на могиле.

МОЛЬБА

Как низко сегодня небо!
Как близко оно от земли!
Боже, прими мою потребу —
Век мамы моей продли!

Я сыном хорошим не был,
Живя от нее вдали.
Боже, прими мою потребу —
Печали ее утоли!

В груди моей слабой женьень,
Такое — что грудь разорви!
Но держит меня притяженьень
Твоей и ее любви!

Растет надо мною небо,
Восходит дыханьем земли!
Боже, что хочешь требуй —
Лишь век моей мамы продли!

ЧТО-ТО НЕ ТАК

Любви нашей вечной, с утруской-усушкой,
Может, и хватит на год-полтора.
Всё остальное — бумажная стружка,
Чтобы заполнить пустоты с утра.
Что-то не так в музыкальной шкатулке:
Вроде играет, да ноты не те,
И балерина слетела с катушек —
Больше не хочет крутить фузете.
Чаще молчим и молчаньем гнетущим,
Как ни крути, обо всём говорим.
Низкое небо, тяжелые тучи.
Время солдатиков, не балерин.

* Алиса — голосовой помощник Яндекс.а.

ХОЛЕРА

*«Закрывает Кавказ, горит «Аэрофлот»,
И в Астрахани лихо жгут арбузы...»*
Владимир Высоцкий,
«Песня про холеру».

*«Астраханские врачи
в ...оте денежку нашли!»*
Народная частушка
начала семидесятых годов.

Сергей КРИВОРОТОВ

Врач-кардиолог.

С 2011 полностью перешел на литературную деятельность. Автор около 400 литературных публикаций (проза) в периодике РФ, Украины, Белоруссии, Казахстана, Молдавии, Финляндии, Германии, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Израиля, Чехии, Дании (русскоязычные издания)

общим тиражом свыше 4 млн экз.

Автор нескольких книг прозы.

Лауреат многих международных литературных конкурсов и фестивалей.
г. Астрахань.

ТЕПЛОХОД «ПАРИЖСКАЯ КОММУНА»

Это даже не рассказ, а всего лишь бусины уцелевших воспоминаний, нанизанных на тонкую нитку времени, поблекших и потертых, но сохраненных вопреки многим обстоятельствам. Хотелось, чтобы он оказался чистым глотком после хлорированной, подобно водопроводной воде, дезинформации и многолетнего старательного замалчивания тех событий.

Рейсовый теплоход о двух пассажирских палубах основательно нагрузили сверху деревянными ящиками с помидорами и яблоками. Он заметно просел под весом грузом, как тяжелоатлет, попытавшийся поднять штангу, явно выбранную не по его категории. Причем настолько, что казалось, еще немного – и черпанет воды обоими бортами поверх ватерлинии. Приди только боковая волна побольше – и беды не миновать, помидоры и яблоки достанутся речным рыбам. Да только откуда же ей взяться на здешней волжской глади в летнее совершенно безветренное утро без единого облачка в голубом разливе неба? Те же случайные редкие и мелкие отбудоражающих поверхность широкой реки моторок, водных трамвайчиков, «ракет», «метеоров» он легко и небрежно разрезал своим белым упрямым носом.

Теплоходик выглядел достаточно древним и, возможно, когда-то производил внушительное впечатление на фоне деревянных парусников, баркасов и барж, давно уплывших в прошлое. И хотя пыжился сохранять гордый независимый вид рядом с трехпалубными собратьями, пришвартованными у туристической и семнадцатой пристаней, сразу

становилось заметно, что его лучшие времена давно и безвозвратно ушли.

Много позже знакомый работник речного порта рассказал историю этого судна. Оно оказалось техническим достижением и далеко не единственным отечественного кораблестроения в годы Первой мировой войны. Да и название поначалу гордо носило монархическое вполне в духе тех лет перед самым изломом миропорядка – «Царь Иоанн Грозный». После революции и гражданской войны, сменив несколько наименований в угоду победившему пролетариату, его украсили окончательно выбранным – «Парижская коммуна».

За десятилетия советской власти ничего подобного в стране так и не построили. Сходившие в последние годы с гэдээровских, чехословацких и венгерских ступеней белоснежные красавцы высокомерно взирали всеми стеклами рубок и кают, имевшихся на двух или трех палубах на убого выглядевшего рядом с ними недомерка неопределенного возраста и значимости. Слишком явно ветеран внешне принадлежал минувшему времени.

Настолько древне и отличительно смотрелся он на фоне молодых собратьев, что, казалось, приделай ему сейчас пару лопастных колес по бокам – полностью сойдет за одного из своих легендарных предков, с прошлого века до совсем недавней поры бороздивших воды великой русской реки под угольно-дымными шлейфами из прокопченных труб. Только никто еще не знал, что и эти трехпалубные гордецы всего через несколько лет потеряют свое теперешнее величие рядом с должными вскоре появиться четырехпалубными громадинами. А для старенькой «Парижской коммуны» и вовсе

сравнение с такими красавцами станет неизмеримо не в ее пользу.

Тем не менее, много лет назад добротный сработанный двигатель позволял судну без особого напряжения двигаться против течения. А путь ему предстоял неблизкий – аж до самой столицы.

Под трубно-бравурные звуки «Прощания славянки» тяжело-груженое, хотя и пассажирское судно плавно, не без некоторой поначалу натуги рассталось с берегом. Всё чаще в такие моменты всеместно звучала более подходящая и душевная «Как провожают теплоходы» в исполнении сладкоголосого Эдуарда Хиля. Но здесь и сейчас новая песня еще не заменила известного марша для проводов и прощаний, написанного несколькими годами раньше, чем спустили на воду самого «Царя Иоанна Грозного».

За кормой уплывала широкая асфальтированная полоса набережной с почетным караулом бетонных столбов с фонарями и зеленой стеной парка семнадцатой пристани.

Но этот небольшой неспешный трудяга имел одно немаловажное преимущество перед смотрящими на него свысока более продвинутыми потомками. Билеты на двухпалубный рейсовик продавались по несравнимо низкой цене, нежели на такие же более комфортабельные трехпалубные, не говоря уже про ходившие чисто туристическими маршрутами.

Потому-то Максим и оказался именно на этом теплоходе, отправившись с матерью в гости к ее подруге по институту, давно перебравшейся жить и работать в Москву. Четырехместное помещение второго класса на нижней палубе пришлось делить с двумя незнакомыми тетками. Из их каюты прекрасно смотрелись проплывавшие мимо берега, заросшие ивняком и не скошенной травой, на которых время от времени попадались пасущиеся стада коров. Гораздо хуже приходилось тем, кто занимал самые дешевые места в третьем классе, почти в трюме. Из маленьких круглых иллюминаторов над водой многого не увидишь.

Впрочем, до самого Волгограда смотреть особо оказалось не на что. Да и зелень Нижнего Поволжья имела довольно блеклый привыч-

ный глазу оттенок и постепенно приобретала более насыщенный цвет только по мере продвижения на север. Ничего удивительного, сказывалось южное безжалостное солнце и сухой резко континентальный климат Прикаспийской впадины. Виденное сейчас на берегах с борта теплохода великолепие растительности представляло собой лишь оазисы, вытянутые по рукавам Волги с ее разветвлениями. Эти животворящие артерии со всех сторон окружали невидимые отсюда пространства степей, переходящих в полупустыню и настоящую пустыню с песчаными барханами. Там произрастали в основном различные солелюбивые травы, со скрытой от глаз подземной корневой частью, превосходившей видимую на поверхности в десять-двадцать раз.

Впрочем, за исключением завтрака, обеда и ужина в теплоходном ресторане – комплексное питание со скидкой входило в стоимость билетов. Макс старался всё время проводить снаружи, благо погода к тому располагала. Но сколько ни высматривал по сторонам, ничего особо интересного, кроме нескольких сараюшек или стад разного рогатого скота заметить не удавалось. На казенном складном алюминиевом стуле, который он успел застолбить, не спеша перечитал два прихваченных в дорогу номера еженедельника «За рубежом». По одному за день, чередуя чтение с разглядыванием проплывавших мимо берегов. Теперь он был в курсе текущих происков империалистов и самых новых достижений мировой научной мысли. С переменным успехом сразился в шахматы с искавшим достойного партнера пожилым пассажиром. Но потом предпочитал всё же кампанию ровесников, если им не хватало шестого для подкидного дурака. Словом, первое время по понятиям Максима на теплоходе царил скука смертная.

Зато после Волгограда пошло разнообразнее и веселее – каждый день новый город. С крупными за время многочасовой остановки можно было успеть познакомиться поближе, нередко даже экскурсии от пристани предлагались. Только Максим предпочитал не ходить с раскрывшей рот публикой за ги-

дом, грузившим всякими ненужными сведениями. Впечатлений от увиденного и так хватало, даже не всё запомнилось.

Самой широкой, на его взгляд, Волга оказалась в Горьком, впечатлили мощные стены и башни Нижегородского кремля. Куйбышев предстал бестолковым скопищем хаотично снующих толп и транспорта на улицах.

Больше других понравился Ярославль, хотя по численности населения уже перегонял Астрахань, но воспринялся гораздо более компактным и аккуратным. Кремль его с куполами соборов выглядел миниатюрнее и красивее, чем в других увиденных до того волжских городах. К удивлению Максима, за два-три часа на улицах Ярославля он увидел больше симпатичных девушек, чем за всё время в более густо населенных Горьком, Куйбышеве и Волгограде. Определенно, на его вкус здешние девчонки смотрелись внешне гораздо красивее своих ровесниц всего Поволжья, не считая родного города. Ну, с Астраханью это объяснялось смешением кровей разных народов, а вот что привело к такому результату в Ярославле – навсегда осталось для него загадкой.

Почти везде, где швартовалась «Парижская коммуна», встречали стоящие вдоль набережных железные лотки с навесами, с таких в Астрахани обычно продавали мороженное. Сейчас прибывавших транзитом пассажиров манили выставленные на них батареи бутылок с дешевыми крепленными винами. «Плодово-ягодное», «Лучистое», «Анапа», «Рубин», портвейны с двухзначными номерами. Никуда не надо бегать и искать, так сказать, наглядная забота о народе.

– Пароход из Астрахани пришел! – вдохновляющая весть летела на невидимых крылышках от одного прилавка к другому и дальше, пока не затихала в дальнем конце их длинной череды. Не хватало только криков «Ура!» и чепчиков, подбрасываемых в воздух, которые вполне уместно дополнили бы широкие улыбки продавщиц. Работницы торговли в расчете на скорое перевыполнение плана продаж радушно встречали целеустремленно сходящих на

сушу водных путешественников.

А те, прежде всего, торопились сделать необходимые запасы на ближайшие день-два. Ничего удивительного в том совершенно не усматривалось. На всех пассажирских теплоходах, курсировавших по Волге, алкоголь продавался исключительно по ресторанным ценам.

С момента разлуки «Парижской коммуны» с причалом семнадцатой пристани в Астрахани на ее борту находился полусамодельный вокально-инструментальный ансамбль. Три гитариста и ударник направлялись на гастроли куда-то в верховья Волги. Каждый вечер они вытаскивали свою нехитрую аппаратуру, две колонки с усилителями и «кухню» из трех барабанов с тарелками на кормовую площадку второй палубы, разматывали провода и начинали репетицию. Играли они не шибко мастерски, но довольно сносно, все незначительные огрехи гитар заглушались грохотом не джазового, а вполне рокового барабанщика к полной радости присутствующих.

Фактически они устраивали полновесные бесплатные концерты к удовольствию не только молодежи, но и гораздо более почтенной публики. Главным оказался не уровень их исполнения, а пестрый репертуар, лишенный обычного однообразия и угрождавший самым разным вкусам. Вряд ли такие вещи им разрешили бы играть где-то на гастролях. Но здесь не оказалось ни худсовета, ни представителей областной филармонии, и ребята отрывались от души по полной программе.

Вполне ожидаемо они начали разогрев с известных антоновских песен, без которых не обходилась ни одна танцплощадка страны. Их дополнили «Пароход, белый-беленький» и «Ты у меня одна». Однако дальше, к удивлению и восторгу Максима, прозвучали безошибочно узнаваемые с первых аккордов две-три ранние битловские вещи. А следом уже совершенно неожиданно пошел известный медлячок Энималз «Дом восходящего солнца» с русским самопальным текстом: «Ты опять в зубах травинку держишь, голову чуть набок наклоня...» Его сменил бешеный ритм американ-

ских Манкиз, от которого уже никто не смог спокойно устоять на месте.

Максим приходил на корму не ради танцев, да и особо привлекательных девушек он тут пока не увидел. Была еще одна важная причина, по которой он не собирался подыскивать себе временную подружку, ему и одному было пока неплохо. Три месяца назад он познакомился с симпатичной ученицей девятого класса. Сначала они встречались по субботам и воскресеньям, оказалось настолько интересно проводить время вдвоем, что задействовали вечера по средам. Как она ему ни нравилась, но Максим всё больше замечал, что старшеклассница Наташа начинает занимать в его жизни слишком много места, превращается не то в привычку, не то в болезненное пристрастие. И это его всё больше беспокоило. Когда подвернулась возможность поехать в Москву, он сразу воспользовался, рассчитывая за это время спокойно разобраться в своем отношении к Наташе, проверить, насколько сможет обойтись без нее. Возможно, идея изначально оказалась совершенно идиотской, потому что уже здесь на теплоходе он начал по ней всё больше скучать.

Сейчас ему нравилось, как неизвестные ребята смело наяривали на своих инструментах то, что им самим хотелось, поскольку никто сейчас на них не давил и не указывал, что можно и следует исполнять. На теплоходе они почувствовали себя свободными от опеки администраторов и играли исключительно в свое удовольствие. Их заразительная энергетика позволяла забыть о полуплюбительском уровне и снисходительнее к тому относиться. Тем более, никакая конкуренция им не грозила, они оказались здесь единственным ВИА.

После самодеятельных танцев, против которых не возражали ни капитан, ни команда, музыканты собирали свой реквизит и удалялись в свою каюту. А молодежь поднималась на самую верхнюю палубу – несколько компанийских девчонок и с десятков ребят, включая Максима. Все они оказались примерно одного возраста с небольшим различием. Там уже привычно располагались на

ящиках с яблоками и помидорами, появлялась захваченная в путь полая гитара Апрелевского завода, под ее негромкое треньканье кто-то напевал знакомые с детства дворовые песни.

Если вдруг возникали струнные звуки мгновенно узнаваемой мелодии битлов, то воспринималось музыкальной молитвой, преодолевшей границы и отгороженности от большого мира и объединившей всех, кто сейчас собрался тут, посредине широкой реки.

Двух трех бутылок вина и пачки сигарет, пущенных по кругу, хватало на весь остаток вечера. Пили по глотку, не торопясь, просто для поддержания компании, а больше и не хотелось. Дармовая закуска в избытке находилась под рукой. Стоило отогнуть верхнюю или боковую дощечку от ящика, и вот на тебе – хочешь крепенький пикуль, наиболее пригодный для транспортировки, хочешь – астраханское яблочко, вовсе не сорт яндыки для скорейшего употребления и быстро сходявший недели за две. В общем, не богато, но какой-то всё же выбор, да еще и бесплатный. Бери сам и угости соседа или соседа.

На открытой верхней палубе, не предназначенной для прогулок пассажиров, а теперь и занятой грузом, было прохладно. Легкий ветерок из-за движения теплохода сдувал редких мошек и комаров, которые тогда еще не стали бичом здешних мест из-за настроенных плотин, хотя и приближались к тому с каждым годом. Мимо проплывали темные берега с редкими электрическими огнями, то тут, то там в ночи тепло и маняще светились редкие костры рыбаков.

Выше Волгограда на берегах с каждым днем появлялись признаки более бодрой жизни вместо унылых пейзажей Низовой Волги. Никто никуда не торопился. Было здорово вот так вповалку полужележать в полумраке на ящиках, смотреть на светящиеся неяркие огоньки рубки, встречающих баке-нов и редких строений на берегах. Подпевать самодеятельному барду или просто слушать знакомые или незнакомые напевы. Иногда для разнообразия включали принесенный кем-то транзисторный «Океан», послушать на БиБиСи «Севооборот» Севы Новгородцева

или час рок-музыки по «Голосу Америки». Здесь отсутствовали городские глушилки, и на коротких волнах ловилось без помех. А про музыкальное радио Монте-Карло на средних и говорить нечего – чуть ли не студийное качество. От города к городу состав собиравшейся компании незначительно менялся, кто-то сходил, кто-то садился на теплоход. Но парень с «Океаном» стойко оставался, как и Максим, до самой Москвы.

Вот по его-то приемнику в один из вечеров на верхней палубе уже за Саратовом, ближе к Куйбышевскому водохранилищу они услышали ошеломительное известие на короткой волне русской службы БиБиСи. Новость убедительно прозвучала в сводке, резанув уши знакомым названием:

– В астраханских трущобах вспышка эпидемии холеры!..

И никаких подробностей. Только пояснили, что выявлены случаи заболевания. Довольно обидно прозвучало для астраханца такое определение родного города, да еще на весь мир. Но, если подумать... До сих пор полумиллионная Астрахань оставалась большей частью деревянной, городом с сохранившейся дореволюционной застройкой. Начавшие возводиться с 50-х годов кирпичные, а затем крупнопанельные дома далеко не поменяли общую убогую картину и пока смотрелись, скорее, как исключения на общем унылом фоне. Возможным обещанием лучшего будущего для проживающих безо всяких удобств.

Во время наступления фашистов на Сталинград ее бомбили всего два или три раза, причем бомбежки были неинтенсивными, скорее для острастки. Иначе две-три прицельно брошенные зажигательные бомбы могли выжечь половину города, который немцы намеревались взять сохранным для дальнейшего использования. Они рассчитывали, что после падения города Сталина южный сосед свалится к ним в руки спелым яблочком с ветки. Другое дело – Сталинград, ставший для них главной целью наступления летом 1942 года. После варварских бомбежек и боев за каждый квадратный метр в городе не уцелело ни одного строения, даже от единственного, превращенного потом

в мемориал дома героического сержанта Павлова остался лишь опаленный остов с выбитыми окнами.

Если посмотреть на карту, то захват Астрахани представлялся более логичным для перерезки пути снабжения центра России бакинской нефтью. Но удар по Сталинграду преследовал и другие цели, казавшиеся куда важнее фашистскому руководству. Город Сталина виделся символическим оплотом после Москвы всей советской обороны. Его взятие означало бы крупнейшую идеологическую победу в войне.

Имелись и другие мало кому известные соображения. Близлежащие к Сталинграду территории представляли в глазах склонных к мистицизму нацистских лидеров во главе с фюрером своеобразный центр эзотерических сил. Так им было прекрасно известно, что расположенная южнее гора Богдо, очень условно так называемая с высотой всего в полтора метра, является священным местом для буддистов. И не только это. Словом, никакой альтернативы удару по Сталинграду немецким командованием, похоже, не рассматривались. Как бы то ни было, но Астрахань оставалась городом, сохранившим и спустя четверть века после Победы деревянную застройку дореволюционных времен.

Максим проживал с дедом, бабушкой и с их дочерью – его матерью, в двухэтажном здании бывшей полицейской управы в самом центре. На этой же улице в двух кварталах в сторону кремля располагался обком партии, а совсем рядом – драматический театр. Бульжную мостовую, пересекавшую ее под прямым углом и отделявшую дом Максима от театрального общежития, залили асфальтом к 400-летию города. Максим пошел тогда в первый класс.

В построенной еще в прошлом веке каменной двухэтажке теперь размещались полтора десятка семей. Наружными окнами она выходила на Морской сад с памятником морякам Гражданской войны, отделенным от нее проезжей частью центральной улицы. При взгляде на здание Максима из этого сада или сквера лицевой фасад очень сильно напоминал архитектурным стилем известный

дом Ленина в Горках с колоннами, то есть смотрелся с этой стороны очень даже представительно. Его иногда подкрашивали – по этой дороге со стороны железнодорожного вокзала случалось и высоким гостям из Москвы проезжать. Но вид задней, выходящей во двор облупленной части им бы уже ни за что не показали.

Только лет десять, как в квартиры дома провели водопровод, до этого единственная общая колонка находилась во дворе. Примерно тогда же протянули газовые трубы и поставили четырехконфорочную плиту с листом асбеста на стене, который, как потом оказалось, представлял немалую опасность для жильцов. Паровое отопление пока оставалось мечтой. До сих пор печки у всех топились дровами, запасаемыми каждый год с осени в деревянных сараях. Максим любил их колоть особенно в мороз, когда они с громким стуком легко разлетались надвое под наточенным колуном. Здорово было смотреть, как они горят в печи, и помешивать их кочергой! Одну зиму попробовали топить антрацитовым углем, вроде бы дешевле, но от сильного жара чугунные колосники потрескались, и пришлось от этого топлива отказаться.

Деревянная уборная на шесть кабинок, продуваемая через щели всеми ветрами, а зимой еще и присыпаемая сверху через них снегом, возвышалась во дворе над помойной ямой, в которую сливали нечистоты. Неподалеку раскорячился убогий курятник из подгнивших досок наподобие избышки бабы Яги только без курног, с приткнувшимся загончиком под натянутой сеткой. А над одним из сараев по соседству высилась фанерная будка голубятни с высоким шестом и поперечной жердиной над ней.

К длинному коридору первого этажа с охваченными вьюнами колоннами примыкали огороженные штакетником палисады с мальвами, подсолнухами, кукурузой и прочей бесполезной зеленой растительностью, в которой совершенно по-шпионски иногда проглядывала конопля. Бодрый и наглый петух будил по утрам своим настырным кукареканьем, куры постоянно склочно кудахта-

ли. А высоко над электрическими проводами, натянутыми со стороны улицы на деревянные столбы, как гитарные струны на колки, высоко в небе почти каждый день кружила голубиная стая.

Так и получилось, что в одной фразе забулаторного голоса, как бы обидно она не прозвучала на слух для астраханца, далась емкая характеристика городу, в котором родился и жил Максим.

Но не это показалось главным. Про холеру сообщили как бы мимоходом, словно она представлялась чем-то отдаленным, вовсе не опасным и незначительным. Разумеется, не ЧУМА, например, остававшаяся паническим напоминанием истории. Максим вовсе не подумал тогда, что эта полузабытая болезнь, передающаяся только с водой или пищей, может чем-то серьезно угрожать им.

Позднее выяснилось, что «Парижской коммуне» повезло – теплоход оказался последним успешным проскочить из Астрахани до карантина. Уже вышедший следом спустя всего несколько часов задержали в Волгограде, а всех его пассажиров отправили на обсервацию.

В МОСКВЕ

Последние часы тянулись томительно медленно, поневоле многие пассажиры начинали подозревать, что прохождение «Парижской коммуны» по каналу Москва-Волга специально затягивают. Возможно, в верхах решали и никак не могли решить, что делать с теплоходом из холерной Астрахани да еще с грузом помидор и яблок?

Даже, когда вышли на простор Химкинского водохранилища, скорость продолжала оставаться черепашной. К пристани северного речного вокзала столицы близко не подошли, покрутились в нескольких сотнях метров в виду его здания и бросили якоря. Никаких объявлений по теплоходному радио не последовало, вообще никому никто ничего не объяснил. Похоже, начальство на верхних уровнях продолжало ломать головы, как поступить с опасным судном. Поползли тревожные слухи, что теплоход со всеми пассажира-

ми поставят на недельный карантин на этом самом месте.

Сначала Максим с интересом разглядывал необычное здание вокзала, явно возведенное в довоенные годы. Похоже, архитекторы задумывали его, как двухпалубный пассажирский теплоход с арочными проемами на обеих палубах. И определенно такого сходства достигли. Над плоской крышей возвышалась четырехгранная башня-мачта, на каждую из плоскостей которой выходил круглый циферблат часов. Ее венчал внушительный многометровый шпиль с огромной рубиновой звездой на конце. Позже на суше, осмотрев вокзал со стороны Ленинградского шоссе, Максим решил, что он сильно напоминает и павильоны ВДНХ, построенные в сталинские довоенные пятилетки. Но за время неопределенного ожидания вид речного вокзала, к которому, судя по всему, их решили сегодня не допускать, успел остыть до невозможного.

Только через шесть часов к по-прежнему стоявшей на якоре «Парижской коммуне» приблизилась красно-черная мусоросборная баржа, и все до единого ящики с овощами и фруктами с помощью кранов отправились в ее вместительный трюм. Часть швыряли матросы из команды, чтобы быстрее закончить с предписанной процедурой. И то, что некоторые в щепки разбивались уже об железо баржи перед тем, как провалиться в ее ненасытное нутро, похоже, совсем никого не беспокоило.

Капитан объявил, что никого не выпустят на берег, пока пассажиры не съедут имеющееся у них съестное, в том числе арбузы, дыни, овощи, фрукты-ягоды. На консервы и фабричные упаковки продуктов такое требование не распространялось.

К этому времени знакомый по ночным посиделкам на верхней палубе заверил Максима, что возбудители холеры сохраняются на кожуре невымытых плодов от силы 5-6 дней, а на прямом солнце и того меньше. Это очень походило на правду. Изучать микробиологию Максиму предстояло только на следующем курсе. Выходило, варварская операция уничтожения продуктов сильно отдавала полным кретинизмом. Он обме-

нялся с несколькими встреченными на палубе ребятами из их же компании московскими номерами телефонов и адресами, прекрасно зная, что никогда больше с ними не увидится. Но такое отвлекло от тягостного ожидания, да и время помогло скоротать.

У Максима с матерью оставался запас крепких помидорин в двух авоськах, расчетливо взятых в дорогу еще зелеными и только теперь начавших краснеть и приготавливаться к употреблению. Ими намеревались угостить семью московской подруги, теперь, скрепя сердце, пришлось отправить вслед за остальными астраханскими дарами. Но вот арбуз небольших размеров, который стойко берегли весь долгий путь, как истинно астраханский гостинец, Максим ни за что не захотел отдавать на казнь вместе с прочим. Очень удачно круглый полосатик вписался в их чемодан, даже бока почти нисколько не выпячивались. С ним туда же спрятались несколько чалок сушеной воблы, завернутых в полиэтиленовые мешочки.

После того, как верхнюю палубу полностью очистили от груза, а пассажиры в принудительно-добровольном порядке избавились и от своих запасов, насытившаяся баржа довольно заурчала двигателем и отошла. Больше никакого движения вокруг не происходило еще с час. Опять поползли зловещие слухи о карантине.

Когда «Парижская коммуна» наконец-то подняла якоря и неуверенно поползла в сторону Химкинского вокзала, все восприняли это с облегчением и вздохнули свободнее.

Однако после швартовки к причалу, сойти на сушу дали не сразу и только после тщательной проверки документов с билетами, переписи адресов, по которым прибывших искать в Москве, и просмотром личных вещей. Тем, кто припрятал продукты в сумках, авоськах и пакетах, пришлось с ними немедленно расстаться, иначе не выпускали. Максиму повезло – по запертым чемоданам не рылись, и милиционеры с медиками в помятых за день не совсем уже белых халатах отстали после отметки в бумагах. Он и так во всю старался нести свою ношу, делая

вид, будто набитый чемодан совсем не тяжелый. И ему это отличилось удалось.

Со следующего дня каждое утро почти точно в 9.00 к ним на квартиру являлась озабоченная медсестра средних лет при халате и шапочке, с порога спрашивала, как они себя чувствуют, как стул, нет ли тошноты или головной боли? Измеряла температуру ртутным градусником и делала запись в своем талмуде. На этом обязательный осмотр оканчивался, и проверяемые предоставлялись сами себе до следующего контроля. Еще при высадке в Химках Максима с мамой предупредили, чтобы они находились ежедневно с утра по указанному ими адресу. В случае нарушения, их могли немедленно отправить на обсервацию. Это слово казалось незнакомым и не сулившим ничего хорошего. Проверочные визиты продолжались пять дней, после чего прекратились. А там уже время подошло собираться назад.

Максиму нравилось кататься в московском метро, в летнюю жару туда можно было спуститься в поисках прохлады, иногда уже не находимой и там. И то – жарой в столице считалось 28-32 градуса по Цельсию, чуть больше представлялось чем-то запредельным, катастрофой, редко случавшейся. Тридцатиградусной жары вполне хватало, чтобы начинать плавиться асфальт на улицах, да и дышать становилось невозможно от неподвижно повисающих в расплавленном воздухе автомобильных выхлопов. Но Макс-то прекрасно знал, что такие градусы нечто вроде легкой разминки для его родного города, где летом не редко и за сорок заходит при запредельной сухости воздуха. Не зря же летом, чтобы не ужасать население, никогда не обнародовали показатели относительной влажности.

Московское метро всегда оставалось для Максима любимым транспортом столицы. Он привык, что в его мчащихся вагонах люди почти никогда не общаются между собой. Многие читали книги, газеты, журналы, хотя Макс из статьи в популярном журнале хорошо знал, насколько чтение на ходу вредно для глаз. Из-за тряски и покачивания фокусное расстояние до читаемой страницы по-

стоянно менялось, что вызывало напряжение глазных мышц. Они растягивались и ослабевали из-за частых сокращений, а там и близорукость с очками недолго ждать.

Но в этот приезд уже в первые дни ему неоднократно пришлось стать невольным слушателем оживленно обсуждаемых в подземном и надземном транспорте поразительных вестей из Астрахани. И хотя холеру уже обнаружили, почему-то больше всего говорили про город Максима. Может быть, это объяснялось тем, что астраханцы намного чаще уроженцев упомянутых краев ездили в Москву? А немало их и вовсе перебрасывалось сюда на постоянное жителство.

– Люди падают замертво прямо на улицах, их сразу на месте складывают штабелями!

– Над Астраханью стоят черные столбы дыма – повсюду трупы не успевают сжигать...

– Над городом каждый день летают военные вертолеты, солдат везде понагнали видимо-невидимо ...

– Жуть просто, что творится: никого из домов не выпускают – полный карантин. На улицах ни души!

– Магазины-то там все позакрывали, продукты строго по карточкам...

Неизвестно, откуда брались или кем придумывались эти жуткие новости, отыскать анонимных сказочников, видимо, представлялось такой же невозможной задачей, как найти неизвестных, никогда никем не виденных авторов неисчерпаемых анекдотов. Народное творчество, блин... Некоторые психологи объясняют появление подобных страшилек тем, что обычно люди с их помощью намеренно накручивают себя всякими ужасами, чтобы потом, когда в действительности они не подтвердятся, испытать кайф от возникшего при этом избытка положительных эмоций.

Но все вокруг, похоже, серьезно воспринимали авторитетно излагаемую чушь, да еще и прислушивались с нетерпением в ожидании дальнейших подробностей. А почему бы и нет, раз по радио и телеку ничего не говорят? Даже если заведомо вранье голимое, то всё

равно хоть что-то наверняка правдой окажется...

Хотя Максим знал после телефонного разговора с домом, что всё услышанное – почти полный бред, но как-то муторно и неуютно на душе становилось после такого. Разве бывает дым без огня? Астраханская холерная тема в метро, да и не только там, стала одной из самых популярных. Только гордости за столь сомнительную известность родного города среди москвичей у Максима не возникало.

В остальном в Москве всё оставалось по-прежнему, ну, может, картонных стаканчиков для кофе и напитков повсюду прибавилось вместо стеклянных.

При виде привезенных гостей на лице маминой московской подруги тети Жени отразилась целая гамма смешанных чувств. Как астраханцы ни пытались убедить, что все мыслимые сроки жизни их плавания давно истекли, к спелому сахарному арбузу с черными семечками она не притронулась. И чтоб он не пропал, гостям пришлось расправиться с ним вдвоем. С не меньшей настороженностью благоразумная москвичка отнеслась и к приложенной вобле. Тогда Максим решил сдать ее в один из пивбаров, что уже успешно проделывал в прежние приезды, учась в школе и на первом курсе института.

В этот раз смутно знакомый по прошлому официант в «Жигулях» при белой сорочке с черной бабочкой почему-то сразу отказался закупить набитую в сумку воблу. Да собственно, не «почему-то», а вполне ясно из-за чего. После негромко сделанного Максимом предложения, осмотрелся по сторонам, затем просверлил подозрительным взглядом мало узнаваемого парня, точно тот предлагал не сушеную рыбу, а гербарий из конопли.

– Ты же это самое... Из Астрахани, вроде?

– Ну да, в прошлом году, помнишь? Нормально же всё было!

– Ну, сам знаешь! Сейчас совсем другое дело... Нет, ничего не нужно. Извини.

На этом официант резко утратил интерес к общению. Весь его вид показывал, не хочет человек

напоминаний о чем-то тревожном и не имеющем к нему совершенно никакого отношения.

Макс не стал заказывать ни одной кружки, как намеревался, нет, не собирался он, в таком случае, тут задерживаться. Не больно надо. Разумеется, деньги за рыбу очень бы не помешали ему в эти дни, и потому настроение сразу испортилось. И всё же сознание, что он опять в Москве, да еще в то время, когда дома лютует неведомая и опасная холера, помогало не принимать близко к сердцу столь мелкую неудачу. Подумаешь! Вобла ему и самому пригодится.

Выйдя из полуподвального помещения «Жигулей» на прогретый воздух, он двинулся по проспекту Калинина. С легкой руки анонимного остряка архитектурно-модерновый на общем московском фоне Новый Арбат окрестили «вставной челюстью столицы». Но для Максима высившиеся с двух сторон проспекта здания-книги, в которых он насчитал по двадцать четыре строчки-этажа, представлялись всегда манящим миражом недостижимого в его провинции города будущего.

Вдоль тянущихся витрин гастрономов и универсагов он добрал до места, напротив которого через дорогу располагался фирменный магазин студии грампластинок «Мелодия». На тротуаре возле него знакомо манили выносные столики под пестрыми зонтами, где всегда можно угоститься не только мороженым, но и неплохим бутылочным пивом. Сознание, что у него в руке сумка с самой лучшей в мире закуской для того, направило его ноги именно туда через ближайший подземный переход. В уличном кафе сегодня он застал всего трех посетителей, да и те не задержались надолго, хотя сегодня в ассортименте имелось «Двойное золотое» и «Портер» в маленьких бутылочках темного стекла. Где бы еще он смог найти такое?!

Взяв пару «Двойного», он расположился под зонтиком, расстелил оторванный лист газеты и достал пару воблин. Сделал несколько глотков и только затем неспешно оторвал у одной брюхо с икрой. Через какое-то время за соседний столик пожаловал

интеллигентного вида бородач с портфелем под мышкой, двумя коробками в одной руке и бутылочкой «Портера» со стаканом в другой. Макс не мог не заметить, что ухоженный колоритный незнакомец лет тридцати-тридцати пяти и не сводит жадных глаз с его распотрошенной рыбки. Находясь в благодушном настроении, и внутренне посмеиваясь от собственной щедрости, Максим по-барски извлек из сумки еще две рыбешки с отливавшей серебром чешуей, поднялся и, подойдя к соседу, положил перед ним на стол.

– Угощайтесь, пожалуйста!

Бородач несколько опешил, но тут же вяло попробовал отказаться от неожиданного и столь щедрого дара.

– Не беспокойтесь! Вы мне ничего не будете должны. Просто угощай! У меня в сумке еще полно...

Уже глотая набежавшую слюну, незнакомец поблагодарил, еще не до конца поверив привалившему счастью. Он попытался извлечь из кармана дензнак, но Максим категорично помахал рукой и вернулся на свое место.

Не прошло и минуты, а бородач уже деловито расставлял перед ним с полдюжины только что открытые запотевших бутылочек «Двойного золотого» и «Портера».

– Можно? – спросил он, имея в виду свободное пластиковое кресло напротив Максима, и после согласного кивка торопливо присел.

– Это же... вобла? – с безошибочным благоговением в голосе уточнил случайный любитель пива.

Настала очередь удивиться Максиму. Он хорошо знал, что многие живущие севернее Волгограда обычно чуть ли не всю частиковую рыбу, включая воблу, красноперку, подлещиков, чухонь и прочее называют «таранькой», практически не видя между ними никакой разницы.

– А откуда, интересно, вы знаете? – и чтобы пояснить свой встречный вопрос, Макс поделился соображениями о «тараньке» и бесполовых на этот счет северных людях.

– Я работаю в океанологическом институте в Ленинграде. Так что, знаете ли, мне по профессии положено разбираться в ихтио-

логии. А здесь в Москве по делам всего на один день.

Новый знакомый оказался на редкость разговорчив, но между тем успевал отдавать должное явно экзотичному для него угощению. Всё же Максиму удалось вставить несколько слов об отличиях цвета и блеска чешуи воблы от красноперки с остальными частиковыми и о пользе содержащихся в первой всех жизненно важных человеку микроэлементов.

– Ее даже в тюбиках космонавтам в полеты дают...

– Знаю, конечно, знаю! – радостно заверил ленинградец, и когда Максим извлек для него еще две рыбины из бездонной своей сумки, стремительно обернулся до прилавка и добавил на стол еще полдюжины бутылочек, обмененные на уже совместно ими опустошенные.

После каких-то отечественных фильмов у Максима осталось ошибочное представление, будто такие бороды – прерогатива исключительно геологов, геодезистов всяких. Но теперь оказалось, в стране советской еще и океанологи такие есть!

После очередной прогулки ленинградца за добавкой перед ними на столе оставались еще четыре полные бутылочки. И только тут, закончив подробный отчет о себе, ученый поинтересовался из вежливости:

– А сам-то откуда будешь?

– Из Астрахани...

У океанолога моментально отвисла челюсть. Утратив речь, он смотрел какое-то время то на Максима, то на аккуратно очищенную воблу в своей руке, в его глазах отчетливо плескался ужас. Наконец, осипшим голосом выдал из себя:

– А КАК же, вот ЭТО вот?! Как?!

– Да, не волнуйся ты так, Андрей! – они успели перезнакомиться и обращались друг к другу на «ты». – Во-первых, возбудители холеры дохнут на продуктах через пять-шесть дней, а я тут уже больше недели. Во-вторых, соль вытягивает всю воду из клеток любых микробов и паразитов, так что с такой сушеной рыбой вообще не о чем беспокоиться...

Но, похоже, океанолог уже не слушал, обеспокоенно думая о своем и подбирая наилучший путь

отступления. Бросил напоследок тоскливый взгляд на отложенную в сторону рыбу и вдруг резко засобирался:

– Знаешь, мне уже пора, надо двигать в Питер, билеты на поезд... «Красная стрела», знаешь ли... Приятно было познакомиться.

– И мне... – подтвердил Максим уже вдогонку спешащему убраться отсюда случайному знакомцу. Руки напоследок тот не протянул, но Макс не обиделся. Посидел, пока не закончилось содержимое бутылок, разглядывая, как зажимаются красные огоньки на самом верху многоэтажек Нового Арбата, и отправился искать туалет.

После знакомства с питерским океанологом стало окончательно ясно, что теперь нигде не стоит распространяться, откуда ты приехал.

Максим успел побывать в музее Пушкина, в Третьяковке, в Политехе, на промышленной выставке в Сокольниках. Мать нисколько его не ограничивала, занимаясь своими делами и общаясь с московскими подругами, с которыми ходила в театры и кино на заведомо не интересные для сына вещи. Он же нашел несколько выпусков зарубежной фантастики по книжным магазинам, случайно купил на улице всего-то за четыре рубля два больших новеньких винила польских «Червоны гитары» в красочных конвертах. Увидел, что люди куда-то встают в очередь, бездумно присоединился и не пожалел. К сожалению, в этот раз не удалось застать международный кинофестиваль – его проводили в Москве только в нечетные годы. Но скучно ему и так не было.

Только всё чаще он ловил себя на одной и той же мысли: вот здорово было бы, если бы Наташка оказалась сейчас вместе с ним! Едва не написал ей письмо, да вовремя вспомнил, что пока оно к ней пойдет, он сам окажется уже дома.

Только в «Медицинской газете» 11 августа появилась заметка с роковым словом «холера», в которой сообщалось о случаях этого заболевания в Астрахани.

АСТРАХАНЬ

Их обязали прибыть строго к определенному часу на асфальтированную площадку перед кас-

сами предварительной продажи авиабилетов. До того, как появились две девушки в форме бортпроводниц, набралось не больше трех десятков попутчиков. После условленного срока ждать никого не стали, проверили паспорта с билетами, старательно не допуская контактов с прочей публикой, усадили всех в подошедший вместительный автобус. Едва последний из их группы занял место в салоне, экспресс без остановок помчал во Внуково. И там, так же избегая общения с другими пассажирами, доставили всех участников к выделенному самолету.

Еще совсем недавно рейсы Астрахань-Москва и обратно не проходили без промежуточных посадок в Волгограде или Воронеже. Маршрут обслуживали только небольшие самолеты. Сейчас для нескольких десятков человек предоставили отдельный ТУ-134, почти половина мест в салоне остались не занятыми. На этот раз полет проходил непрерывно до конечного пункта.

Когда через два с лишним часа началось снижение, стюардесса напомнила пристегнуть ремни и сообщила температуру воздуха. Все и без того понимали, что, преодолев полторы тысячи километров на юг от столицы, они очутились в совершенно ином климатическом поясе.

Приземлились в астраханском аэропорту Приволжье, в котором базировались и военные МИГи. Повсюду никакого движения ни людей, ни машин. Пекло за бортом не дотягивало одного градуса до 40, но это в тени, а на солнце наверняка можно было яйца жарить. Когда самолет подрулил к двухэтажному остекленному зданию и развернулся к нему бортом, двигатели смолкли. В круглые иллюминаторы правой стороны все увидели спешащую к ним от аэровокзала группу людей. Двое в белых халатах до пят, масках, очках и шапочках и четырех солдат в защитной полевой форме с автоматами наперевес. Максим сразу заметил на головах автоматчиков такого же цвета панамы вместо привычных пилоток или касок. От уже служивших старших по возрасту однокурсников он знал, что такие уборы входили в обязательное обмундирование только

в Закавказском и Туркестанском военных округах. Астраханская область к ним не относилась. Либо этих солдат перебросили с юга, либо сама природа принудила армейское начальство заменить пилотки и тут. В целом эти необычные персонажи на фоне нереальной жары и общего безлюдья придавали жуть здешнему фантастическому виду после полной жизни московской суеты.

На выходе из самолета у трапа снова тщательно проверили паспорта каждого. После того, как закончили с выдачей багажа, провели всех, словно под конвоем, по пустому зданию аэровокзала к автобусу, идущему в город.

Чувство тревоги не отпускало. Старые улицы правобережной части выглядели пустынно, за весь путь встретились только несколько одиноких пешеходов вдалеке. Почти у всех деревянных домов окна оказались закрыты ставнями. Но такая картина выглядела обычной при местной жаре. Медленно ползущий в клубах дорожной пыли автобус еще не раз останавливали автоматчики на блокпостах, но выходить из салона уже никого не заставляли. Последний досмотр провели у въезда на единственный старый мост через Волгу, соединявший две половины Астрахани. Рядом с обычной милицейской будкой соорудили огневую точку, обложенную мешками с песком.

Теперь уже никто не знал, что их встретит в самом городе. Но на таком же посту с солдатами на другом конце моста их уже не тормозили. Вопреки тревожным ожиданиям никаких видимых изменений в жизни основной левобережной части не обнаружилось. Ничего из ужасов, слышанных в московском транспорте. Ни комендантского часа, ни ограниченный передвижения в самом городе. Транспорт работал обычно, автобусы, троллейбусы, трамваи. Народу на улицах оказалось намного меньше, чем в Горьком или в Куйбышеве, не говоря о Москве. Но для полумиллионного города, распластанного вдоль обоих берегов Волги, в такую жару вполне достаточно. И нигде никаких солдат или избытка милиции. Даже медики в белых халатах в первое время после возвращения на ули-

цах ни разу не попались. Единственное, что сразу бросилось в глаза – полное отсутствие частых прежде бочек с квасом или более редких с пивом на обычных отведенных местах. Такая заметная деталь уличного пейзажа южного города совершенно исчезла.

В этот же день Максим убедился, что противохолерные нововведения в первую очередь коснулись хлебных магазинов. Покупателей больше не допускали к полкам, никто беспрепятственно не щупал и не мял, как иногда случалось прежде, булки и батоны, проверяя на свежесть. Все хлебные изделия отпускались теперь исключительно в прозрачных полиэтиленовых пакетиках. Продавщицы больше не касались пальцами хлеба, они передавали его покупателям с помощью появившихся в таких отделах больших металлических вилок. И плату за покупку принимали не они, а только кассирши, на тарелочках для денег у них обязательно находилась поролоновая губка, пропитанная раствором воднохлорного хлорамина. Да и повсюду в торговых помещениях густо пахло хлоркой после частых обработок. Говорили, будто и асфальт центральных улиц дворники с утра обрабатывают хлорной известью. Цены на овощи упали, на полях гнили десятки тонн несобранных помидор, дынь, арбузов, которые запретили вывозить в другие города. Так килограмм полосатых плодов-ягод стоил всего 5 копеек, тогда как прежде в это время его стоимость не опускалась ниже 15–20. Огромный арбузище немногим менее пуда можно было запросто купить всего за полтинник.

Как позже убедился Максим, упоминания холеры отсутствовали в любых официальных заявлениях властей и в сообщениях местных СМИ. Словно название обрушившейся инфекционной болезни внезапно сделалось ругательным и совершенно нецензурным. Зато много говорилось о необходимости мыть не только руки перед едой, но и овощи с фруктами, причем, даже с мылом. Разрешенным для печати стали только зашифрованные определения, обозначающие как бы тоже желудочно-кишечные инфекции, но не настолько страшные – «дизентерия», «гастроэнтерит», «пи-

щевая токсикоинфекция». Лишь такие диагнозы разрешалось ставить врачам поликлиник и скорой помощи. Тем не менее, все давно знали, что речь идет именно о холере, и в разговорах открыто называли ее своим собственным историческим именем.

Таким образом, вызвавшая пандемию болезнь оставалась как бы безымянной, а ее возбудители иногда еще причудливо назывались «болезнетворными агентами», хотя слово «вибрион» уже сделалось привычным и понятным для всех. Даже во внутренних документах для партийного аппарата и чиновников ставили ничего не объяснявшую размытую форму – «острое кишечное заболевание». Только такое обозначение и рекомендовалось официально употреблять всем имевшим и не имевшим отношение к медицине.

Самым чувствительным для астраханцев в сорокоградусную жару стал запрет купания в открытых водоемах. Закрыли главный городской пляж на острове и прочие стихийно приспособляемые каждое лето для тех же целей места. На бетонной облицовке городских рек и каналов южной русской Венеции то тут, то там появились предупреждения огромными буквищами белого, черного или красного цвета: КУПАТЬСЯ СТРОГО ЗАПРЕЩЕНО!

Нарушителей нещадно отлавливала милиция. Их не только немедленно штрафовали, но и тут же принудительно отправляли в провизорные госпитали для обследования и наблюдения с одновременной профилактикой тетрациклином. Причем, если они оказывались работающими, то больничные листы таким не оформлялись. В результате столь жестких мер сознательность большинства горожан значительно возросла, а количество безответственных среди них быстро уменьшилось. Да и те предпочитали совершать столь наказуемое действие обычно в ночное время.

Так же решительно следили за соблюдением запретов на ловлю рыбы и на пользование маломерными речными судами. Это коснулось тысяч владельцев моторок. Многие считали, что в Астрахани необходимо первым делом иметь моторную лодку, а не собствен-

ный автомобиль. Теперь любимые средства передвижения и отдыха в летнее время оказались заперты на платных стоянках. Заправочные станции для моторок и катеров больше не обслуживали частников и ни за какие деньги не отпускали им ни одного литра бензина. За соблюдением этих запретов на воде следили не только суда водоохраны, но и военные катера каспийской флотилии, пресекавшие попытки вывезти контрабандой кого-либо за пределы оцепления без обязательной обсервации.

Павел, сосед по коридору, живший в первой квартире от входа, обрадовался возвращению Максима. Будучи на четыре года старше, он всегда защищал его в детстве от издевательств и нападков старших товарищей по дворовым играм. Средней школы так и не окончил, переменял множество мест работы, но нигде не задерживался дольше двух-трех месяцев. В последний год он выучился на сапожника, но в мастерской тоже не прижился, и теперь занимался починкой обуви на дому. Пашка-сапожник не замедлил сообщить, что неразличимые невооруженным глазом холерные вибрионы быстро дохнут от всех алкогольных напитков крепче 24 градусов. Пиво, продаваемое теперь исключительно в бутылках, и обычное крепленое вино на уже попавших внутрь гадов совершенно не действовали, возможно, даже придавали им жизненных сил еще больше пакостить людям. Павел считал, что такое мало градусное пойло только подпитывает этих микроскопических тварей и способствует их размножению.

Поскольку лечебной водки в такую жару много и часто не выпьешь, да и накладно карману будет, то самыми популярными в народе сделались теперь крепкие настойки. Особенно востребованной для профилактики холеры оказалась тридцатиградусная перцовая горькая и не только местного производства, которую можно было запросто найти в любом винно-водочном отделе. Но и тут, по словам опытного алкогольного эксперта, имелась некоторая хитрость. Гораздо успешнее для оздоровления при одинаковой цене считалась более ядреная с изображением двух красных стручков на

этикетке вместо одного. Впрочем, независимо от количества перца на рисунке, крепость указывалась одна – тридцать градусов. Ее неплохой союзницей показала себя и двадцатисемиградусная «Стрелецкая», известная в народе, как «Мужик с топором». «Рябиновая на коньяке» представлялась приятнее на вкус, но уже находилась в пограничной зоне риска. Будучи крепостью всего в 24 градуса, она не давала полной гарантии уничтожения проникших в желудок возбудителей холеры и потому, по заверению Пашши-сапожника, требовала приема в гораздо большем объеме.

Хотя такую оперативно полученную информацию Максим считал гораздо более полезной, чем неоднократные призывы на каждом шагу мыть с мылом руки, овощи и фрукты, всё же не без ехидства заметил:

– А знаешь, Паша, ведь можно просто разведенную соляную кислоту пить! Тот же результат, и гораздо дешевле обойдется.

После таких слов сосед насупился и решительно возразил:

– Неа, по мне уж лучше Мужик с топором!

В первый же вечер после прилета Максим не выдержал и поспешил к Наташе. Путь к ее дому пролегал через местный «бродвей» или брод – стихийно возникшую пешеходную зону, место вечернего гуляния молодежи. Сюда приходили на других посмотреть и себя показать. Максим убедился, что всё здесь знакомо и обычно, будто в городе и не появлялось никакой холеры. Перебросился несколькими фразами со знакомыми, которых здесь хватало на каждом шагу, а потом увидел Наташку, прогуливавшуюся с двумя подругами. Она одновременно заметила его, и оба кинулись навстречу друг другу. Наташе сразу стало не до подруг, и остаток вечера они провели без свидетелей. Видя неподдельную радость девушки его возвращению, Максим твердо решил, что в следующий раз они обязательно поедут куда-нибудь только вместе.

От бабушки с дедом Максим узнал, что ему уже несколько раз звонили из деканата института и велели, как только возвратится в город, срочно явиться туда.

Все медики и студенты отзывались из отпусков и стройотрядов. Он решил не откладывать, и на следующий же день отправился в мединститут. Свой запоздалый приезд он рассчитывал оправдать задержкой в Москве из-за введенного в Астрахани карантина.

В деканате на него попытались наехать, но Максим представил предусмотрительно сохраненные билеты на теплоход, показавшие, что он отбыл из Астрахани еще до начала эпидемии. Разбираться с ним не стали, не до того сейчас было, срочно требовались кадры на борьбу с холерой. Собирали студентов всех курсов, кого только смогли найти. Его тут же направили в новую лабораторию, разворачиваемую на базе кафедры микробиологии в здании мединститута. Так что ходить далеко не пришлось – всего-то один коридор, да повернуть направо.

Внутренний ход из института оставался открытым. Сама кафедра находилась на четвертом этаже старинного учебного корпуса, и подниматься к ней следовало по железной дореволюционной лестнице. По пути на втором и третьем этажах оставались кафедры анатомии и нормальной физиологии. Но теперь многие помещения от них отделили под лабораторию, руководить которой назначили заведующего кафедрой микробиологии Юрия Дисановича Чиркина. Его предмет начинался у Максима в предстоящем учебном году, а сам завкафедрой по совместительству являлся деканом педиатрического факультета, но его прозвище у студентов было ему хорошо известно. Между собой все коротко звали его Чирком. Перед его-то взором и предстал Максим с направлением из деканата. Невысокого роста с пухлыми щеками и небольшими внимательными глазами заведующий не имел докторской степени и оставался пока кандидатом медицинских наук на должности доцента. Бывший фронтовик сразу определил Макса в приемщики, тогда как почти всех одновременно пришедших с ним записал на пересевы. Лаборатория открывалась со дня на день, и ребят сразу подключили к работе по ее обустройству. Они таскали мебель, привозимые ящики с приборами и реактивами,

ставили в указанные деятельным Чирком места.

– Всё, что попало в нашу лабораторию, отсюда уже не выносятся! – твердо напутствовал новых сотрудников заведующий.

Они и рады были стараться. Максим помог принести диван и мягкое кресло из парткома, их установили под лестницей, где предстояло размещаться вахтерам и приемщикам. Через некоторое время за ними явился возмущенный завхоз института с первокурсниками, отработавшими у него трудовой семестр. Чирок незамедлительно дал им от ворот поворот. Отныне здесь вам, товарищи, не хала-бала, а холерная лаборатория! После чего дверь во внутренний коридор здания не только заперли, но и заложили поперечным деревянным брусом.

– Эх, жаль, телевизор не сообразили из парткома заодно прихватить! – горько сетовал перешедший на шестой курс Валера, с которым Максиму предстояло работать в одной смене.

Максу поначалу показалось обидным, что его сунули в какие-то приемщики, чуть выше рангом сторожа-вахтера у входной двери. А он так загорелся энтузиазмом поработать на холерном фронте! Но потом убедился, что вовсе не прогадал, а его временная должность и обязанности вовсе не так уж и плохи. Работать предстояло в три смены через сутки отдыха, днем с 9 до 19, а в ночь с 19 до 9 утра.

Он с удивлением заметил, что самые бывалые продувные ребята, которым до заветного диплома оставался всего один год, сразу заняли три вахтерских места – по одному на смену. Казалось бы, кому, как не шестикурсникам идти в передних рядах борцов с опасной инфекцией? Но они сразу пристроились сторожами, в обязанности которых входило только открывать и закрывать двери, когда приезжали или приходили снаружи, а потом, соответственно, выпускать уходящих. Если днем от них еще требовалась какая-то деятельность, то ночи напролет они спали в оборудованном уголке под лестницей. Никакого материала для анализов после девяти часов вечера обычно не привозили.

Валера был невысоким черно-волосым пареньком с усами под белорусских песняров, только своим худым вытянутым лицом вовсе на них не походил. Макс как-то в шутку легко приподнял его на полметра от пола, после чего доморощенный песняр скорбно заметил:

– Есть у тебя сила, но не туда ты ее прикладываешь, Макс!

Как только лаборатория начала принимать материал, все этажи с первого по четвертый наполнились терпким запахом вареного агар-агара – основы питательных сред. Его нельзя было считать приятным, но и отвратительным он не казался. Только внизу на первом этаже, где недалеко от входа установили железную бочку с лизолом, на несколько метров вокруг запах этот перебивался едкой вонью дезинфицирующего раствора, от которой порой резало в глазах.

В обязанности Максима входило принимать привозимые для анализа пробирки с пробами, называемыми формой номер тридцать. Он делал это на столике, установленном на площадке второго этажа. В противочумном халате и надеваемых для такого случая перчатках он перекладывал из доставленных биксов закупоренные пробирки в лабораторные штативы, поштучно сверяя наличие каждого в приложенных направлениях в двух экземплярах. Перед тем, как отпустить курьера, расписывался о получении в его копии и только затем передавал в лабораторию для посевов. Анализы привозили из поликлиник, отделений больниц, развернутых временных госпиталей и обсерваторов.

По ночам пересевщики спали урывками по два-три часа недалеко от автоклавов, пока не подходило время очередного посева. Никаких условий для отдыха сотрудников не предусматривалось. Кто-то спал на свободных столах, кто-то на составленных стульях с мягкими сиденьями, которых на всех не хватало. Разумеется, о постелях речи не шло.

Большую часть времени Максим проводил в обществе Валеры в «красном уголке», как они называли обустроенное ими же место под лестницей. Валера недавно перенес болезнь Боткина и теперь слы-

шать не хотел ни о какой выпивке. Максим же считал, что близкое соседство с бочкой лизола принесет Валериной больной печени гораздо больше вреда, чем одна бутылка пива.

Случалось, днем они играли в покер на спички, пока как-то за этим занятием их не застучал потихоньку спустившийся по лестнице Чирок.

– Еще раз карты увижу, или курить тут начнете – безо всякой жалости отправлю на кирпичный завод кирпичи таскать!

Такая угроза вовсе не казалась пустой. Как-то двух проштрафившихся ребят с пересевов, что-то там ночью учудивших после перебора со спиртом, он выгнал с позором, и теперь они каждый день «пахали» на удаленном кирпичном заводе за городом в горячем цеху. Но вечерами, когда заведующий уже уезжал домой, к ним иногда спускались однокурсники Максима и уже вчетвером они расписывали «кинга», что нередко позволяли себе на лекциях. Играли всего по копеечке, чтоб намного не влететь, да и то в счет будущего заработка.

В один из первых свободных между дежурствами вечеров, Максим зашел за Натальей, и они отправились в городской парк культуры и отдыха имени Карла Маркса, прозванный всеми просто «карлушей». Еще он был известен в народе, как Аркадия, по оставшемуся с царских времен названию никогда не существовавшей страны удовольствий с беззаботными пастухами и пастушками.

Главной достопримечательностью этого места много лет оставался деревянный, возведенный еще в конце прошлого века без единого гвоздя трехъярусный театр. Резные кружева и сказочные остроконечные башенки вызывали гордое восхищение астраханцев и восторг всех гостей города. По сравнению с известными строениями Кижей он смотрелся просто расписным пряничным домиком или замком. Максим неоднократно бывал в нем и знал, что когда-то на его сцене пели Шаляпин, Собинов и Максакова, оставшиеся довольными его прекрасной акустикой. Но не это представлялось главной особенностью строения. Летний театр полностью оправдывал свое

название тем, что система входо-выходов и окон создавала естественную циркуляцию воздуха, и внутри него даже в самые жаркие дни всегда сохранялась прохлада.

По соседству с театром вытянулась одноэтажная веранда-ресторан в таком же резном стиле, с другой стороны – открытая допоздна пивная – десятка два столиков под общим навесом. В парке имелся небольшой летний кинотеатр с деревянными скамьями, накрытый большим тентом, лекторий и танцевальная площадка, работавшая по вечерам три раза в неделю. Но Максим и Наташа приехали не за этим. Им захотелось вместе покататься здесь на аттракционах, ничего подобного в полумиллионном городе нигде даже близко не имелось.

Прежде всего, они поднялись на колесе обозрения, пожалуй, самом впечатляющем из доступных развлечений. С высоты его двадцати метров увидели россыпь ночных огней. И нигде никаких свидетельств пришедшей этим летом в город и пока остававшейся холеры. Освещения не прибавилось и не убавилось. Всё выглядело привычно, как прежде, как год или два назад. Не обнаружилось ни метаний лучей прожекторов, ни машин с синими проблесковыми маячками на разбегавшихся от парка полутемных улицах.

То сцепляясь, то отталкиваясь на длинных цепях покрутились на цепочной карусели, от души на пару построили рожи у кривых зеркал в комнате смеха. Сесть на самолет, делавший мертвую петлю, уговорить Наташку не удалось, а без нее такое представлялось неинтересным. Дольше всего, пока остаток денег не закончился, покатались на лодочке, раскачивая ее до верхушек растущих рядом деревьев.

Обратно они специально выбрали дорогу подлиннее. Через пустырь дошли до трамвайных рельсов и поехали на круговом маршруте «А». Только на нем еще ходили несколько последних стареньких разбитых вагонов без дверей и с выставленными на задней площадке стеклами. Там они и встали у отполированного тысячами рук поперечного металлического поручня, тесно прижимаясь друг к другу. Ветер трепал их во-

лосы, врываясь сквозняком в проемы открытых окон, заставляя забыть об остатках дневной жары.

Тряский трамвай безбожно дребезжал всеми железками и уцелевшими стеклами на стыках рельсов, сыпал на поворотах голубыми искрами из дуги наверху, скользившей по натянутым проводам. Кроме них на передних сидениях вагона покачивались три-четыре пассажира, которым не было до парочки никакого дела, как и Максиму с Наташей до них. Невидимый с задней площадки вагоновожатый то и дело позванивал с непонятной целью, хотя никаких препятствий на пути не высматривалось.

Когда повернули на самую длинную по маршруту улицу имени Плещеева с тянущимися с обеих сторон одноэтажными деревянными домишками, Максим понял, что их безмятежный вечер близится к концу. Сколько раз он хотел узнать, кем был человек, в честь которого назвали земляную мало похожую на городскую дорогу, по которой пустили трамвай, но как-то не удосужился до сих пор поинтересоваться в областной библиотеке. На отдельных участках она поросла камышом из застарелых луж, не высыхающих полностью даже в такую жару. И сейчас эти заросли с метелками на концах оставались позади, высвеченные на миг огнями трамвая, чтобы тут же исчезнуть в мгновенно сомкнувшейся следом тьме. Наташа тоже не имела понятия, чем знаменит этот неведомый человек прошлого, оба сошлись на том, что это наверняка какой-то неизвестный им выдающийся революционер.

Потом они долго целовались у забора возле ее кирпичного двухэтажного дома с темной аркой подворотни, пока не отворилось окно на высоком первом этаже, и очень сердитый женский голос не позвал Наташку немедленно домой.

Как-то Максим привычно принимал за столик на площадке второго этажа очередную партию анализов. Перекладывая пробирок из привезенных штативов в лабораторные с самого начала напоминало ему игру в лото. Вытянутые стеклянные трубочки с пробками на конце обычно маркировались фиолетовым каран-

дашом-стеклографом. Главное, чтобы все номера совпали с приложенными списками фамилий. Привезшая материал незнакомая молоденькая медсестра из какого-то госпиталя внезапно вскрикнула, неловко пропустив между пальцами одну из пробирок. Скланка разбилась о пол и разлетелась в стороны мелкими осколками, разбрызгав содержимое чуть ли не на метр вокруг.

– Да не бойся ты так! – поспешил успокоить побледневшую от сильного испуга девушку Максим. – Сиди спокойно, не сходи с места. Перчатки не снимай. Отметь в своем списке, какой именно материал не сдала.

Он сделал всё по инструкции, как учили. Подошел к двери, ведущей с площадки в лабораторию, нажал кнопку звонка вызова. И сообщил тут же выглянувшему однокурснику, что только что произошло.

Минуты не прошло, как сам Чирок торопливо спустился сверху и принялся раздавать указания. Наверняка он заранее готовился к подобным случайностям. Выяснить, кто виноват, или «давать разгон» не стал ни сейчас, ни потом. Все двери тотчас заблокировали. Пол, столик и стены немедленно залили растворами хлорамина и лизола. То же проделали с обувью и ногами участников происшествия. После чего он велел им сдать халаты и перчатки и отправил обрабатывать руки.

После Максим не раз думал, что эти меры наверняка могли показаться излишними, холерные вибрионы, если бы они оказались в той злополучной пробирке, могли попасть потенциальной жертве инфекции только через рот. Но, разумеется, в таких случаях всегда лучше «перебдеть», так что Юрий Дисанович действовал совершенно четко и правильно.

Именно во время холеры в первый и последний раз состоялась прямая трансляция центрального телеканала фестиваля из Сопота. Без перерыва две ночи с вечера до четырех часов утра. Неизвестно, сколько астраханцев пересмотрело выступления Марыли Родович с ее разноцветными кибитками, изображавшей человека-оркестр, чешского соловья Карела Гота и многих других. Но гвоздем этого

года стали три песни гостей фестиваля – британского трио Кристи, с которыми они выступили уже под утро. Той ночью волосатые гитаристы и ударник завели не только весь фестиваль зал, но и миллионы телезрителей в разных странах. Элеонора Беляничикова, ведущая «Музыкального киоска» на первом канале, которая комментировала эту трансляцию, в праведном гневе любительницы классики громко вскричала, увидев громадные букеты роз, преподнесенные из зала лохматым парням в мокрых от пота майках: «Розы! Розы рядом с этим?!» Независимо от ее мнения вскоре на всех танцплощадках страны надолго зазвучал «Толстый Карлсон» – ничего общего с оригиналом не имевший незатейливо сляпанный текст на мелодию главного хита Кристи – «Желтая река».

С утра всем пришедшим на смену сотрудникам лаборатории от врачей до швейцаров раздавались талоны на питание с проставленными печатями. В обеденный перерыв они отправлялись пешком почти за километр в один из центральных ресторанов «Чайка», не просто какую-то затрапезную столовую, а место, в которое многие хотели попасть по вечерам. Это заведение в дневные часы обслуживало теперь исключительно медиков, задействованных в борьбе с холерой. Правда, как понял Максим, кроме них сюда ходили служащие областного и городского здравоохранения, располагавшихся неподалеку. Работники поликлиник и прочих медицинских учреждений здесь не обслуживались. Приходящий сюда лабораторный персонал невольно чувствовал собственную привилегированность. Кормили медиков неплохо приготовленными обстоятельно обедами из трех блюд. Вовсе не какими-то общепитовскими котлетами с хлебом на второе. То настоящим люля-кебабом, то фаршированными мясом перцами, рыбными или мясными пирогами и прочими, редко повторяющимися в следующий раз питательными вкусностями. Но прежде, чем занять места за столиками, посетители в обязательном порядке обрабатывали руки раствором хлорамина из висящего на входе рукомойника, а уже затем мыли

их с мылом возле туалета.

Максим и другие ребята из лаборатории сразу просекли постоянное наличие здесь свежего бутылочного пива двух, а то и трех сортов разом местного пивзавода. Разумеется, такое излишество не входило в гарантированный талонами ассортимент, за него приходилось доплачивать, пусть и не по ресторанной, а всего лишь по цене кафе. Но какое это имело значение? По одной холодной бутылочке на каждого из стеклянных фужеров на тонкой ножке всякий раз приходилось очень кстати. Вторая представлялась уже лишней, все-таки они находились на работе, и на большее количество обедавшие за соседними столиками врачи их смены наверняка посмотрели бы косо.

Как-то ранним утром трое однокурсников Максима, занятые на пересевах, заглянули в «красный уголок» под лестницей и разбудили его обитателей. Оказывается, у них за ночь вышло всё курево, и теперь приспичило найти хотя бы чинарик. Валера вообще не курил, да и Макс не имел такой привычки, они оба послали шатунов куда подальше. Но настырная троица пристала отпереть входную дверь, чтобы стрельнуть сигарет у случайных прохожих. Поняв, что снова заснуть не удастся, да и до пересменки осталось недолго, Максим присоединился к ним с целью проветриться.

Они вчетвером очутились на узкой спящей улице, проходящей мимо мединститута, ничего удивительного – все обычные люди в такой час еще не проснулись. Солнце только готовилось подняться над крышами домов с восточной стороны. В такую рань орудовали только дворники в центре, да, говорят, еще поливальные машины разбрызгивали дезрастворы у административных зданий.

Никто не переоделся, так что только на Максиме оставался один халат и шапочка, а остальные вышли, как были – в полной противочумной форме. Они свернули на более широкую безлюдную улицу и там, в свете первых лучей солнца увидели на тротуарах ранних пташек – двух спешащих навстречу пешеходов. Медики обрадовано развернулись широкой цепью и двинулись к ним, пере-

крыв всю дорогу. Прохожие, как по команде, синхронно притормозили и почти остановились.

– Эй! Мужики! Угостите сигареточкой! – зычно гаркнул самый нагловатый из пересевщиков.

Один из незнакомцев внезапно скрылся из вида, нырнув за ворота проходного двора. Второй растерянно заметался и вдруг резво припустил в обратную сторону. На бегу он старательно жался к стенам домов, будто опасался, что по нему откроют стрельбу вдогонку. Как ни смешно со стороны такое могло показаться, но ничего веселого Максим не усмотрел. Он представил, что сам мог вполне очутиться на месте любого из двух нарвавшихся на зловещий медицинский отряд. Повел бы он себя иначе? Вряд ли... Внезапное бегство здоровенных мужиков вполне объяснялось. Он слышал, как при выявлении первых признаков кишечного расстройства таких больных забирали в инфекционный госпиталь, по месту жительства немедленно учиняли тотальную дезинфекцию, а соседей принудительно отправляли в госпиталь для контактных.

Поняв, что на опустевшей улице ничего не обломится, жертвы никотиновой зависимости вместе с Максимом понуро повернули назад. Ему показалось, что встреча с жителями, испугавшимися одного вида идущих цепью медиков, придала пересевщикам значимости в собственных глазах, от которой их теперь чуть ли не распирало.

В конце первого месяца Чирок устроил общее собрание и сам выступил с краткой отчетной речью, в которой поблагодарил сотрудников за проделанную работу. В штате лаборатории трудились врачи-микробиологи, собранные на эпидемию из других городов. Заведующий мимоходом помянул нарушителей, отправленных в ссылку на кирпичный завод, но всех остальных только похвалил. В заключение своего краткого спича заверил, что все получают заслуженную оплату полностью. И тут же посетовал, что остался большой запас щедро выделенного на лабораторию медицинского спирта. Сам бывший фронтовик хорошо знал цену этому «белому золоту», но еще лучше представлял, что при обнаружении

неизрасходованных излишков хозяйственники тут же урежут его отпуск уже со следующего месяца. К радости студентов пообещал отныне выделять этанол для обработки рук каждому и пригласил всех собравшихся на символический банкет.

Столы на третьем этаже в одной из учебных аудиторий уже устали блюдами с бутербродами, фруктами, виноградом, помидорами и солеными огурцами. Даже где-то раздобыли парочку больших самоваров. Тем, кто оказался не занят в сегодняшнюю смену, не возбранялось отметить окончание первого месяца разведенным спиртом. Разумеется, умеренно и с надеждой на сознательность каждого.

Уже потом, когда лаборатория закрывалась перед началом учебного семестра, заведующий как бы невзначай признал, что за второй месяц работы, напротив, наблюдался значительный перерасход этанола. Кроме иногородних гостей, повторного банкета напоследок от него никто не дождался.

Перед самым окончанием работ накануне задержанной на месяц учебы всех желающих свозили на противочумную станцию. Существование такого заведения в Астрахани ни для кого не являлось секретом. Дело в том, что в астраханских степях в сторону Гурьева с незапамятных времен имелся постоянный эндемический очаг чумы. Природными резервуарами и распространителями этой особо опасной инфекции служили различные степные грызуны – суслики, тушканчики, полевые мыши. Со вспышкой холеры именно на базе противочумки, как ее окрестили в народе, развернули одну из наиболее оборудованных диагностических лабораторий.

Разумеется, Максим, да и прочие, кому предложили такое, не упустил возможности увидеть передний край борьбы с эпидемией. В самой мединститутской лаборатории на пару часов оставили только швейцара Валеру, да двух-трех сотрудников кафедры. Всю прочую публику повезли на автобусе, чтобы воочию познакомить будущих медиков, пока еще студентов, с их звучно знаменитым противником – холерным вибрионом Эль Тор штамма Инаба. Про-

тив этой мельчайшей твари они и сражались второй месяц.

Уже на противочумке к имевшимся у каждого халатам, шапочкам и маскам добавили белые хирургические бахиллы и только после этого повели на экскурсию. В затемненной комнате всем по очереди показали под микроскопом препарат холерного супостата. В люминесцентной подсветке вибрионы имели вид зеленовато-голубых закорючек, наподобие запятых, совершенно не воспринимавшихся чем-то изначально зловредным и опасным. Потом полных впечатлений экскурсантов отвезли назад на место их временной работы, приближаясь к завершению.

За неполные два месяца Максиму в сумме заплатили на руки после всех вычетов 320 рублей. Причем доплаты продолжались еще с месяц, почти каждую неделю. Только уже казалось на этом всё, как опять срочно вызывали в кассу институтской бухгалтерии. Разумеется, такое не могло не отразиться на посещаемости занятий, которые потом приходилось отрабатывать. Стоит ли говорить, каким богатством казались эти суммы на фоне ежемесячной стипендии в 28 рублей для первых курсов!

Максим по дешевке купил у однокурсника подержанный бобинный магнитофон «Айдас», а в центральном универмаге новенький болгарский светлый плащ и для себя же настольный хоккей в большой коробке. Какие-то мелочи подарил домашним, не забыл и Наташу. После чего осталось еще больше половины заработка, но остальные деньги как-то незаметно и быстро разлетелись вместе с выплаченной стипендией.

ВТОРОЙ ГОД

На следующий год возбудители холеры из Астрахани никуда не исчезли. К середине лета эпидемия возобновилась, появились новые случаи заражения в сельских районах. Но вовсе не в прошлогодних масштабах, и медико-санитарная служба оказалась гораздо лучше подготовлена отразить повторную атаку. Белые от щедрого хлорирования струи снова лились из водопроводных кранов. Купа-

ние в водоемах оставалось под запретом. Как и в прошлом году пойманных на месте нарушителей не только штрафовали, но и сразу отправляли на карантин в ближайший провизорный госпиталь без выдачи больничных листов, если они работали. Но таких оставалось немного, купаться в холерных реках мало кому хотелось. Одновременно возобновили запрещение на рыбалку и пользование частными моторными лодками.

Снова СМИ, настенные плакаты и листовки призывали чаще мыть руки, овощи и фрукты. Никаких упоминаний о болезни, название которой по-прежнему нельзя было официально произносить. Похоже, начальники всех уровней дружно продолжали придерживаться правила «не буди лихо», чтобы не накликать еще больших неприятностей. Да только это самое лихо снова повсюду шуровало в Астрахани, чем и вызвало возврат всех прошлогодних запретов.

Еще до того, как повторно ввели обязательную недельную обсервацию для покидающих город и, наоборот, въезжающих в него, в один из последних вечеров июня Максим через брод возвращался от Наташи. На уже почти опустевшей улице ему повстречалась шумная компания, почти бегущая в противоположном направлении. Он сразу узнал глупо и радостно улыбающееся лицо в ее центре. Довольно симпатичная девчуля, немногим старше самого Максима, цепко держала под руку усатого песняра Валеру. Гадать не пришлось – свежее испеченные выпускники мединститута торопились на давно начавшийся без них заключительный банкет. По традиции ежегодное обмывание дипломов происходило на открытой веранде ресторана в парке семнадцатой пристани.

Несмотря на ощущаемую даже вечером жару, бывший лабораторный вахтер нарядился в черный костюм с галстуком на белую рубашку. Валера представил спутницу и с гордостью похвалился, что с однокурсницей Мариной они месяц как расписались, и теперь вместе распределились в среднюю полосу России.

– А куда именно? – попытался дотошно уточнить Максим.

– В Псков! В Порхов мы едем! – весело сообщила молодая жена песняра.

– Да, хоть к черту на рога! Лишь бы подальше от нашей холерной дыры! – очень непатриотично подтвердил Валерик с возбужденным блеском в глазах. Похоже, его личный сухой закон после гепатита уже не действовал.

Едва холерный приятель ненадолго высвободился из рук приобретенной подруги жизни, Максим по старой памяти поднял его на прощание, убедившись, что тот нисколько не набрал веса за прошедший год. Марина тут же снова произвела тесный захват своего окольцованного мужчины, и они спешно разошлись с Максом в разные стороны.

В заново открываемую лабораторию на кафедре микробиологии Максима и большинство из тех, с кем он там работал в прошлом году, не взяли. Все места заняли по протекции чьи-то дочки-сыночки. Но повсюду уже развернули госпитали и обсерваторы, куда и направляли всех, за кого не замолвили авторитетное словечко. Максим попал в одно из таких временных учреждений для контактных, где его определили на санитарскую должность в приемном покое. На места среднего медперсонала могли претендовать только четверокурсники, а врачами туда зачисляли уже студентов шестого года, называемого еще субординатурой, и выпускников, только что получивших дипломы – интернов.

Правда, потом выяснилось, что все прошлогодние надбавки значительно урезали. Но по сравнению с их мизерной стипендией, лишь на третьем курсе ее повышали до 35 рублей, и то выглядело совсем неплохо. Просто все наивно рассчитывали на прошлогоднюю манну небесную. Но если в первый холерный год деньги по запарке швыряли направо и налево, то теперь источники значительно иссякли. Те, кто ими распорядились на местах, постарались, чтобы никто из рядовых сотрудников, тем более, студентов не получил на этот раз лишка. Это не касалось главврачей, заведующих отделениями и прочих администраторов.

В обязанности Максима входило отвозить материал для исследования, взятый у поступающих

через приемник и приносимый из отделений от уже госпитализированных. Всякий раз заодно забирал в лаборатории результаты предыдущих партий анализов, иногда приходилось ездить за одними только бумагами. В остальное время ему полагалось находиться на подхвате у сестер приемника, словом – «подай-принеси». Он помогал оформлять истории болезни, ездил за быстро кончающимися солевыми растворами для внутривенного введения и другими медикаментами в прикрепленную к госпиталю аптеку.

Но ему самому при малейшей возможности, даже не дожидаясь, пока наберется полный бикс пробирок для лаборатории, всякий раз хотелось смыться отсюда, чтобы подольше не возвращаться назад. За день приходилось совершать два-три рейса, а то и больше, последний нередко уже в вечерние часы. При госпитале круглосуточно дежурила машина от таксопарка с водителем. Из-за продолженного карантина работы у таксистов по городу значительно убавилось, и они охотно соглашались на подработку в госпитале. Чаше на дежурство присылали недавно полученные с завода новенькие светлые салатные «волги» ГАЗ-24, которые подвергались дезинфекции в начале и в конце смены. Но иногда случались старенькие побитые машины с большим автопробегом.

Водителей всего набрали на четыре смены, и дежурили они сутки через трое. С первой поездки Максим сразу нашел с одним из них общий язык. Едва передал анализы в лабораторию, как проработавший за рулем почти десяток лет Сёма тут же деловито спросил:

– Ну, что? Делаем программу?

Максим не сразу понял, что тот предлагает брать за плату попутных пассажиров. А когда таксист с некоторой досадой просветил непонятливого студента, тот снял халат и спрятал под сидение. В первый раз они подвезли двух человек гораздо дальше их госпиталя, а затем на обратном пути еще одного. Выручку Семён разделил с ним по-братски поровну. С его сменщиками из таксопарка вопрос быстро решился таким же образом.

Если Макс приходил в ночное дежурство, они успевали сделать хотя бы один рейс до лаборатории, а затем в поисках клиентов доезжали даже до центра города. На вырученные деньги закупали несколько бутылок крепленого вина и выставляли их на общий накрытый к ужину стол. Ночью машины практически не использовались, водители спали либо прямо в них, либо в свободной палате приемника. Если изредка возникала необходимость консултации узких специалистов, те прибывали обычно на собственном транспорте. В особо экстренных случаях прибегали к вызову нужной по профилю бригады станции скорой помощи. Но такое произошло всего три-четыре раза.

Несколько его однокурсников работали тут же дезинфекторами. Им отвели даже отдельную комнатушку, уставленную емкостями с концентрированными дезрастворами. На двери так и написали от руки: «ДЕЗИНФЕКТОРСКАЯ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Кроме подсобки, для них полагалось еще молоко и дополнительная денежная надбавка за вредность. Но оказаться на их месте и всё время вдыхать, пусть даже через респиратор, приготовляемые и разбрызгиваемые ядовитые жидкости Максим ни за что ни согласился бы.

Вход в приемник устроили через запасную торцовую дверь трехэтажного здания интерната, полностью занятого под госпиталь. Там-то на бетонных ступенях под козырьком он и проводил свободные минуты, которые, к его сожалению, выпадали не слишком часто.

Как-то почти к самому крыльцу, на котором он восседал, как наблюдатель на мачте корабля, подкатил густо зеленый армейский уазик с красными крестами на боках. Из кабины торопливо выбрался мужчина средних лет в противочумном халате, резиновых сапогах и шапочке, врач или фельдшер – кто там его сразу разберет! Кивнул поднявшемуся со ступеней Максиму, тут же спросившему:

– Откуда?

– Из Зеленги. Холерные. По санавиации.

Название оказалось знакомо. Село на одном из рукавов Волги

в самых низах, ближе к раскатам. Его однокурсник рассказывал, как с отцом бывал в тех краях на рыбалке по весне. «В половодье там здорово всё заливает. Представляешь, у них даже пивбар на сваях стоит, как на Борнео каком-то. А пиво только в деревянных бочках, моча просто... Обидно за местных чуваков – рыбы там зашибись. Только на одной рыбе и живут».

– Так вам же не сюда! У нас только для контактных...

Сопровождавший больных не обратил на его слова внимания. Возможно, не поверил неавторитетно смотрящемуся студенту и сам прошел в приемник.

Открылась боковая дверца фургона, и оттуда с трудом вылез смуглый согнутый мужичонка с нездоровым цветом лица. Был он горбат с непропорционально длинными руками при укороченных ножках. Очумело обвел мутными глазами нависшую торцовую стену госпиталя, боковой вход, Максима возле ступеней. И тотчас странной подпрыгивающей походкой, пошатываясь на ходу из стороны в сторону, устремился к приемнику.

За ним выбрался парень в белом халате, извлекаая из кармана пачку сигарет. Из салона наблюдали несколько напряженных пар глаз, уазик оказался набит под завязку. Максим посчитал второго сопровождавшего за санитаром из бригады этой неотложки.

Уже на подходе странный тип вытянул вперед руку для пожатия, от которой Максим увернулся, и кое-как преодолев ступени, дурашливым дребезжащим тенорком выдал речитатив:

– Здорово, парнишка! Ступай себе мимо! Уж больно суров ты, как я погляжу...

При последних словах он вошел в коридор, внезапно качнулся к стене и съехал по ней вниз, присев на корточки.

– Он, что? Пьяный или нарик? – поинтересовался Максим у закурившего коллеги.

– Не-а, никакой наркологии, – равнодушно затынулся коллега. – Алгидная форма холеры.

– Так вам точно не сюда! Даже не думай выгружать!

Тем временем вернулся врач или фельдшер, видимо, получив более весомое подтверждение сло-

вам Максима. Остановился возле горбуна и махнул рукой курящему подельнику. Тот сразу затушил сигарету, вдвоем они подхватили под мышки вяло сопротивлявшегося и распевавшего что-то уже совершенно невразумительное, кроме двух-трех узнаваемо матерных слов, доходягу. Когда за ними захлопнулись дверцы, и заурчавший уазик начал разворачиваться, Максим торопливо прошел в туалет и обработал руки хлорамином, хотя вовсе не касался больного.

Врач приемника тут же позвал дежурного дезинфектора обработать входную часть коридора, площадку и ступени крыльца. Максим всё еще не мог прийти в себя. Впервые за два года он увидел настоящего холерного. Сопровождавшему медику не было смысла врать. Алгидная форма – самая тяжелая степень течения болезни. Наверняка, спутанность сознания и неадекватность стали результатом обезвоживания организма и сгущения крови.

В одно из дневных дежурств Максиму велели заменить куда-то отправленную медсестру на заборе анализов. Учиться тут особо, оказалось, нечему. Взятие материала на форму тридцать не представляло никакой сложности.

Форма тридцать. Витой стержень из алюминиевой проволоки, нечто вроде шашлычного мини шампура. Только на конец его водружен ватный тампон, охваченный куском марли, крестообразно затянутой нитками. Его использовали безо всякой смазки, чтобы получить мазок из конечного отдела прямой кишки. При завершении акта этот инструмент намертво вставлялся в стерильную пробирку со средой, на стенку которой стеклографом заранее наносился порядковый номер. После чего она вместе с другими ставилась в штатив и в медицинском биксе отправлялась на исследование в лабораторию. На те же самые посевы в автоклавы, для работы с которыми в прошлом году его забраковал Чирок.

Но уж больно подобная процедура представлялась ему неудобной, а если поточнее, по-пацански выразиться – просто стремной. И вообще, как бы совершенно не для парня двадцати лет безо всяких

садистских и прочих скрытных патологических наклонностей.

Всех контактных или подозреваемых на носительство нередко доставляли к ним в приемник не только в сопровождении медиков, но и с милиционерами, которые не уезжали, пока их подопечный или подопечная не проходили все формальности и не отправлялись на койку. Охрана госпиталя, чтобы никто из находящихся в нем не сбежал, возлагалась уже на оцепление из служащих милицейского батальона, которых, как говорили, на период холеры находилось в Астрахани целых три. Максим узнал точно, что два из них были астраханским и минским из Белоруссии. Случалось, из госпиталя или обсерватора умудрялись сбежать сквозь оцепление, например, за выпивкой или просто искупаться. В таких случаях им лучше было не возвращаться назад, поскольку при поимке им и всем контактировавшим с ними срок пребывания в таком заведении продлевался на неделю с повторной сдачей анализов и получением тетрациклина, не говоря об административных взысканиях.

Максим третий час находился на столь неприятной работе, когда вместе с группой доставленных по направлению привезли симпатичную девушку примерно его лет. До сих пор, если кто и пробовал ворчать или возмущаться, то таких быстро умирал присутствующий милиционер. Если же такие доставлялись в сопровождении одних медиков, то их быстро убеждали в необходимости требовавшейся процедуры в их же интересах. О всех случаях отказа сдачи анализа на форму тридцать немедленно сообщалось по инстанциям, и этим же отказникам потом дороже выходило. Многие и сами хотели поскорее пройти обследование, чтобы получить справку и оказаться на свободе или иметь возможность уехать из холерного города.

Максим заполнял список и в порядке очереди заводил обследуемых в одноместную кабинку туалета. Больные спускали штаны, и акт взятия материала производился. Он уже настолько успел свыкнуться с навязанной ему чужой работой, что появился определенный автоматизм, лишь бы

быстрее исполнить необходимое и не смотреть на исследуемую задницу.

Но с этой девушкой вышло иначе. Он сразу почувствовал смущение, когда она прошла с ним в указанное место, демонстрируя явное нежелание подчиниться. Ее направили на проверку безо всяких клинических проявлений, то ли как контактную, то ли собиравшуюся выехать после повторного карантина. Максим внезапно оробел и не знал, как к ней подступиться.

Девушка уничтожительно обожгла его серыми лучистыми глазами:

– Что? Вам нравится здесь работать? Вы от этого кайф, что ли, ловите?

Максим совершенно смутился. Как назло, сейчас в приемнике не оказалось ни одной души, кого можно попросить провести процедуру вместо него. Он неуверенно возразил, будто оправдываясь:

– Нет, конечно... Нас же заставляют, я – студент, третий курс...

Девушка продолжала смотреть с насмешкой, не собираясь облегчать ему задачу.

– Но вам обязательно надо сдать анализ, от вас не отстанут...

– Максим попытался убедить ее, понимая, что этого не получится.

– А, ладно! – сдался он под ее презрительным молчанием и махнул рукой. – Вот вам, сделайте всё сами, только осторожно – это же проволока обернутая...

Он показал жестами, что надо делать, и плотно прикрыл дверь, оставив ее одну в кабинке.

– Спасибо, – поблагодарила она минутой спустя, передавая готовую для анализа пробирку. – Подумайте, не стоит вам тут работать: вы же совсем не такой!

С опозданием он сообразил, что ей вообще достаточно было просто плюнуть в пробирку, тогда там всё равно высеются какие-то обычные микробы. Если бы среда осталась стерильной безо всякого материала, то при посеве сразу поймут, что никакой соскоб или мазок не брался.

Когда потом ему опять не удалось увильнуть от столь неприятной для него работы, то молодым женщинам или девчонкам он так и советовал: плюнь в пробирку, да закрой. И пошло оно всё на фиг!

Он продолжал встречаться с Наташей, которая закончила в этом году среднюю школу и неожиданно для Максима поступила в медицинское училище на фельдшерское отделение. Если бы он узнал о том раньше, то, скорее всего, попробовал бы отговорить от такого шага. Но она не сказала, пока не начала сдавать вступительные экзамены. Никогда прежде Наташка не проявляла интереса к медицине, он думал, ей захочется идти в пединститут, она училась в школе с английским уклоном и неплохо знала в пределах программы, конечно, этот язык. Скорее всего, выбор за нее сделала мать, у которой имелся блат в медучилище, а значит гарантия, что дочь сразу поступит. Да и учиться там придется недолго, после средней школы там зачисляли сразу на второй курс.

Теперь перед Максимом маячила перспектива – после окончания учебы создать с Наташей медицинскую ячейку советского общества. Не очень-то вдохновляло, но пока такая возможность представлялась еще слишком далекой.

Всех зачисленных сразу же отправили на производственную практику санитарками. И по странному стечению обстоятельств она попала именно в приемное отделение госпиталя к Максиму. Несколько раз он совпадал с ней, когда работал в дневную смену, когда не особо нагружали поручениями, они вместе проводили время. У всех студенток медучилища проставлялся неполный рабочий день, и она освобождалась в совместные дежурства гораздо раньше него. А вскоре госпиталь свернули, холера явно шла на убыль, и интернат возвращался законным хозяевам.

Но Максима перекинули в другой, уже провизорный госпиталь, где ввиду нехватки персонала вписали медбратом на пост в полупустом отделении. С каждым днем количество свободных коек увеличивалось, объем работы уменьшался. Пациенты выписывались, а новые на освобождающиеся места почти не поступали. К концу второй недели и это временно развернутое в здании школы противохолерное заведение навсегда закрыли. Медики отправлялись

по местам основной работы, а студенты на учебу. Напоследок Максим забрал несколько упаковок с таблетками левомицетина, более сильного средства против холеры и прочих кишечных инфекций, чем ставший привычным тетрациклин. При сложившейся эпидемиологической обстановке подобное лекарство не помешает в домашней аптечке. К нему он присоединил три флакончика холосаса, неплохого желчегонного средства. Только густой сладкий сироп шиповника использовался персоналом вместо варенья, когда пили чай. Взять себе больше Максим постеснялся, да и это прихватил, только увидев, как поступают другие.

Первая зима после двух лет холеры принесла небывалые для их краев холода за минус тридцать градусов. В школах, техникумах, институтах к огромной радости учащихся отменили занятия. Возможно, эти морозы окончательно и добились вслед за медицинскими мерами властей остатки Эль Тора в речной воде, как немцев под Москвой и Сталинградом в зимы сорок первого и сорок второго года.

Вот так и случилось, что каникулы им продлили, но стипендию выплатили вовремя. У окошечка институтской бухгалтерии Максим встретил товарищей из группы, пришедших сюда, как и он пораньше. Обоих звали одинаково – Владимирами, но с первым они учились в одной школе. Этот Володя имел математические способности и родителей математиков, отец – преподаватель в пединституте, мать – его бывшая студентка, учительница в средней школе. Похоже, сын пошел в медицинский назло обоим, пыгавшимся навязать ему выбранное за него будущее. С другим они познакомились уже в институте. Причем второй Вова оказался сыном директора местного издательства, и потому к нему сразу пристало прозвище Директор.

После того, как в карманах появилась наличка, кто-то из них предложил махнуть по льду на городской остров, растянувшийся посреди Волги. Хотя идея показалась Максиму идиотской, он сразу, не раздумывая, присоединился. Там они намеревались разжечь костер. То есть уже и цель перед собой поставили.

Спустились по заснеженной наледи каменной лестницы на сковавший реку надежный лед. День выдался солнечный и безветренный, но мороз всё настойчивее хватал за щеки и нос. Шли, почти не разговаривая, стоило открыть рот, в морозный воздух вырывались белые клубы выдыхаемого пара. Вода, похоже, промерзла на полуметровую глубину, если не больше, но не лунку же долбить, чтобы проверить!

Когда миновали полпути, и чугунная загородка над высоким бетонным берегом уже казалась маленькой и далекой, случилось непредвиденное. Слегка заснеженный участок льда перед ними ничем не отличался от других, позади, по сторонам, далеко впереди, равномерно прикрытых белым припорошенным настом. И когда они дружно сделали несколько очередных шагов, не меняя темпа движения, поверхность под всеми тремя внезапно разом ушла вниз. На просевшую и продолжавшую опускаться льдину хлынула темная ледяная вода, уровень ее быстро поднимался, моментально дойдя всем до пояса и не остановившись на том. Опасность обострилась мозгом так, что никто не успел запаниковать. Все разом плашмя упали назад и, отчаянно извиваясь телами, и цепляясь пальцами в перчатках за мерзлый лед, принялись врассыпную выползать в обратном направлении, прочь от коварно прятавшейся майны. Никому из них не понадобилась дополнительная помощь. Минута, другая, и все трое выбрались из воды на сохранный ледяной покров. Но еще несколько метров продолжали продвигаться ползком в сторону города прежде, чем отважились подняться на ноги. Наконец, отдышались и смогли трезво оценить обстановку и только что происшедшее. Кроме облегченного мата и прочих не запомнившихся потом выражений, у одного из троих вырвался нездоровый истерический смешок.

– А вам не показалось, что лед, когда проваливался под нами, сказал: «Ууухх!»? – бодро спросил Максим.

Друзья не приняли его шуток, он и сам понял, что сморозил глупость.

Продолжать намеченный путь к острову и пытаться обогнуть попящуюся преграду никому уже в голову не пришло. Все сошлись на единственно подходящем объяснении. Если это действительно проделано прошедшим ледоколом, то же самое ждало их и справа, и слева. Еще раз убедившись, что под ногами снова прочная ледяная твердь, дружно двинулись назад. Только теперь пришлось спешать.

Еще задолго до того, как вернуться к берегу, брюки каждого и полы зимней одежды покрылись толстой ледяной коркой. На очищенной тридцатиградусным морозом набережной, насколько хватало глаз, царил полное безлюдье.

У каждого из них зуб на зуб не попадал, стало понятно, что до дома в таком состоянии не добраться. Они, не сговариваясь, согласно устремились в сторону кафе с насмешливо манящей в такой мороз вывеской: «Лето». В теплое время на площадке за решетчатым деревянным забором мог одновременно разместиться не один десяток посетителей. Однако сейчас от этого заведения общепита оставалось только небольшое помещение в двухэтажном доме с прилавком буфета и четырьмя столиками. В нем обнаружили две скучающие молодые официантки, одна из которых оказалась буфетчицей, и третья, дородная и румяная, похожая больше на повара.

Все три мгновенно всполошились при виде трясущихся обледеневших посетителей со стучащими зубами. А когда выяснили, что произошло, то разместили их за ближайшим к паровой батарее столиком и посоветовали не стесняться, а немедленно просушить одежду на радиаторе. Парни, не переставая лязгать зубами, объяснили, что они студенты, и заверили в своей платежеспособности. Догадливая буфетчица тут же по своему почину плеснула им в стаканы водки, сопроводив горячим кофе и свежеприготовленным салатом. Повариха объявила, что идет разогревать щи, быстро вернулась и под села к подругам.

После лечебных ста грамм появилось крепленое «Гратиешти», которым охотно угостились и работницы кафешки. Воспоминание

только что пережитой опасности быстро развязало языки ребят гораздо лучше выпивки.

Максиму почему-то вспомнился когда-то высказанный укор вахтера Валеры: «Сам же, Макс, постоянно создаешь себе проблемы, которые потом сам и преодолеваешь!» Но их совершенно глупая сегодняшняя попытка перехода Волги в лютый мороз, едва трагически не закончившаяся, воспринималась теперь с юмором.

– А вы, никак, порыбачить, что ли, собирались? – поинтересовалась одна из хозяек.

– Да не, просто так пошли, – путешественники переглянулись и покатались со смеху вместе с присоединившимися девушками.

– Искатели приключений, значит, – заключила понятливая буфетчица. – Фильм такой был ита-ло-французский.

– Ага, с Аленом Делоном, – показал свою эрудицию Директор, зубы которого уже прекратили выбивать морзянку.

– Кто ищет, тот всегда находит на свою... – глубокомысленно заметила полнотелая повариха.

От нескольких не очень приличных анекдотов для знакомства разговор быстро перекинулся на другие предметы. Разумеется, не обошлись без холерной темы, которая не прекращала будоражить умы астраханцев и астраханок.

Вот тогда-то Володя Директор, как бы по секрету, и поделился слышанным от своего отца, вхожего к первому секретарю обкома партии, а проще Хозяину Области, и его замам. Можно было, конечно, не принять всерьез, пошутить, посмеяться, и послать его куда подальше, но почему бы не послушать?

Согласно международному соглашению, в страны с не утихающей больше двух лет эпидемией для полной блокады очага вводятся войска других членов ООН и ВОЗ. Перспектива исполнять из-за холеры требования принятого и нашим государством договора представлялась унижительной и недопустимой. Начатая политика разрядки с предстоящим обменом визитами Никсона и Брежнева сделала невозможным односторонний отказ от принятых прежде международных медико-санитарных правил. Правительство

представило отчет о полной ликвидации холеры и заверило, что Советский Союз смог уже полностью справиться с эпидемией собственными силами.

Зарубежные эксперты не нашли в Астрахани незаменимых для страны промышленных производств, по сделанным расчетам выходило экономически выгоднее целиком снести город и построить новый. Большая часть застройки представляет собой ветхие, царских времен деревянные развалюхи, нередко даже и в центре. За исключением нескольких центральных улиц отсутствует ливневая канализация, очистные сооружения в плачевном состоянии. Ничто даже частично не отвечает общепринятым нормам санитарии. Было предложено целиком на средства международных благотворительных организаций возвести с нуля современный город в десятках километрах выше на правом берегу Волги и переселить туда всех астраханцев.

Этот план расценили очередной политической провокацией с целью унижить страну развитого социализма и показать мнимые преимущества западного образа жизни. Если Советский Союз мог собственными силами полностью покончить с холерой на своей территории, что помешает ему самостоятельно улучшить условия быта своих граждан?! Правительством уже принято решение, и теперь город ждут существенные перемены. Правда, какие именно, Директор еще и сам не знал, но его уверенность придала всем слушателям бодрости и оптимизма.

Больше ни одна душа не заглянула в маленькое кафе, и они проболтали с общительными девушками почти до сумерек, пока одежда полностью не просохла, чего уже нельзя было сказать о внутреннем состоянии чуть не провалившихся под лед путешественников. В медучилище из-за морозов тоже отменили занятия, и Максим обещал прийти к Наташе только на следующий день, поскольку сегодня ее мама осталась дома из-за выпавшего на работе выходного. Хотя гостеприимные работницы кафе с каждым часом представлялись им всё симпатичнее и симпатичнее, и благодарные спасенные напоследок обменялись

со спасительницами номерами телефонов, никакого продолжения ни для кого из них не последовало.

Максим ничего не знал об упомянутом приятелем договоре. Не учили тому ни в школе, ни в институте между политэкономией и научным коммунизмом. Да и в его любимом еженедельнике «За рубежом» не встречалось ничего близко похожего. Вряд ли Володя Директор нес пургу, взять и просто придумать – у него точно фантазии на такое не хватило бы. А если всё сказанное правда, то объясняло многое из потом происшедшего.

Действительно, потребовалось нашествие холеры, чтобы на Астрахань обратили внимание в столице. Региону выделили средства. Последние разбитые трамваи быстро заменили новыми. По указанию Москвы срочно разработали проект жилищного строительства и начали выполнять.

Так в черте города появился новый микрорайон, получивший название Юго-Восток номер один. Через несколько лет по соседству ударными темпами возведут Юго-Восток два, а там скоро подойдет очередь и третьего. Сплошь одинаковые девятиэтажки, безо всяких изысков и фасадных прикрас, собранные из панельных блоков, будто под копирку выпускаемых понастроенными комбинатами железобетонных изделий. Тут и там их тотчас разделяли полосами насаждаемых тополей. До первого Юго-Востока протянули троллейбусную линию, только несколько лет до этого появившегося нового для города электротранспорта. Все побывавшие потом в Астрахани руководители правительства с удовлетворением отмечали, что новый район невзрачных вблизи, но быстровозводимых и тут же заселяемых новостроек «очень хорошо смотрится с вертолета».

Но еще прежде, уже в конце второго года пандемии в Астрахани началась реконструкция и переоснащение северных очистных сооружений и строительство новых южных. Возвели по всем современным требованиям медицины новую инфекционную больницу в Покровской роще.

Пророческими, будто именно про Астрахань начала семидесятых, выглядят язвительные

слова одесского эпидемиолога Н.Ф.Гамалея про свой город. Только вот незадача: в 1908 году написано!

«За те большие заслуги, которые холера оказывала и оказывает до сих пор санитарии, она занимает особое место среди других инфекций. Уже давно она послужила названием сподвижницы гигиены».

Еще правильнее назвать холеру верховным санитарным инспектором с неограниченными полномочиями... Можно смело утверждать, что до сих пор всё, что сделано городом для обеспечения здоровья жителей, прямо или косвенно вызвано страхом перед холерой».

Со временем Максим разобрался в общей картине и масштабе холерной напасти. Что-то нашлось в газетах, чем-то поделились непосредственные участники. Холера вовсе не с неба свалилась на Астрахань, а подбиралась к ней не один год.

В советских СМИ не особо освещалось быстрое расползание по миру новой напасти. А если общали, объясняли результатом колониальной политики Запада в отсталых странах, лишенных элементарной санитарии. Первые случаи заболевания отметили в Индонезии на острове Сулавеси в 1961 году, затем в Макао и Гонконге, откуда холеру завезли в Саравак, а к концу того же года – на Филиппины. Это представлялось совершенно далеким от жизни советских граждан.

Однако уже в последующие четыре года холера Эль-Тор появилась на Тайване, в странах Юго-Восточной Азии, а позже в Южной Корее, Восточном Пакистане (Бангладеш), Африке. В 1964 году холерой Эль-Тор заболело около 20 тысяч человек в Южном Вьетнаме. Уже в следующий год она достигла Афганистана и Ирана, распространилась в районах, прилегающих к границам СССР. В середине того же 1965 года произошла первая вспышка этой эпидемии на территории СССР в Узбекистане в Каракалпакской АССР и Хорезмской области, о чем официально нигде не упоминалось.

По данным ВОЗ к лету 1970 года число заболевших холерой за рубежом превысило миллион, а

умерли от нее десятки тысяч. Эль-Тор из Ирана проник на территорию нашей страны через Кавказ и Астрахань, а из африканской Гвинеи, Индии или Индонезии, скорее всего, морским путем в Одессу. С главными портами этих стран – Конакри, Бомбеем, Калькуттой, Джакартой черноморское морское пароходство имело многолетние связи. Не исключалась вероятность завоза инфекции в Одессу и воздушным путем. Поначалу подозревали в появлении Эль-Тора в «Жемчужине у моря» астраханский след, но версия не подтвердилась. Все лабораторные исследования показали совершенно разные серологические типы вибрионов: в Астрахани – Инаба, а в Одессе исключительно Огава.

Не составило труда найти официальные данные первого года. В Астраханской области, принявшей на себя основной удар холеры, диагностировано 1270 заболевших, из которых 35 человек умерли. Кроме того, выявлено еще 1120 вибрионосителей.

При Минздраве СССР создали Всесоюзную чрезвычайную противоэпидемическую комиссию с широкими полномочиями. К разработке мероприятий по борьбе с эпидемией привлекли ведущих ученых-медиков. В очагах действовали оперативные штабы из представителей власти, усиленные специалистами из других городов.

В результате принятых мер к концу сентября холера на территории Астраханской области отступила.

Однако кульминацией пандемии в других странах стал следующий год. Если по опубликованным данным в 1970 год в мире зарегистрировали 45 тысяч больных холерой, то в 1971 год уже свыше 171 тысячи! Только в странах Азии в 1971 год выявлено 102 тысячи случаев холеры; наибольшая заболеваемость отмечалась в Индии, Индонезии, Бангладеш и на Филиппинах. В Африке поставлено 69 тысяч подтвержденных диагнозов, наибольшая заболеваемость отмечалась в Гане, Нигерии, Чаде, Нигере, Мали, Марокко, Камеруне, Верхней Вольте.

Если в Астрахани в первый год оказалось больше всего заболевших по сравнению с другими оча-

гами внутри страны, то во второй 1971 год вполне закономерно их число должно было значительно сократиться. Дело в том, что медики подготовились встретить здесь вторую атаку уже во всеоружии. Кроме санитарно-карантинных мер проводилась массовая профилактика тетрациклином, научились оперативно бороться с летальным обезвоживанием организма при алгидной форме, появилось три вида противохолерных вакцин. Но вот беда – статистики 1971 года по холере в Астрахани нигде не найти. Даже по Одессе, второму главному очагу начала пандемии в стране, приводятся данные областной санэпидстанции – число заболевших в августе-сентябре 1971 не достигло и полутора сотен человек, из которых умерло 20. О смертях же в Астрахани в это время ничего не сообщалось, если даже они имели место, то единичные. Можно допустить, что их не было вовсе, иначе «сарафанное радио» не замолчало бы такие новости. Но с годами в редких официальных упоминаниях о холере или в «воспоминаниях очевидцев» Максиму попадались только одни и те же, как бы сами собой разумеющиеся, утверждения, что холера в Астрахани победили за два месяца в 1970 году! Такое вполне объяснялось тем, что поведал когда-то Володя Директор.

Но если бы это было на самом деле так, для кого, интересно, на второй год снова разворачивалась сеть десятков госпиталей и обсерваторов с оцеплением из военнослужащих? Через них опять прошли тысячи, а может, и десятки тысяч леченных и обследуемых. Почему тогда снова вводились карантинные запреты на купание, рыбную ловлю, пользование моторками?

Может, еще одна причина замалчивания действительной обстановки в том, что в 1971 год холера Эль-Тор неожиданно обноружилась в странах Европы: Португалии, Испании, Франции, Швеции. А значит, это заболевание оказалось уделом не только отсталых развивающихся стран с низким санитарно-гигиеническим уровнем жизни! И как захотелось сразу утереть нос этим проклятым капиталистам, показав, насколько легко и окончательно советская

медицина расправилась с этой инфекционной напастью в отличие от них! Но было совсем не так. Максим прекрасно помнил странного горбуна с алгидной формой из Зелениги, в августе семьдесят первого доставленного по ошибке вместо инфекционного к ним в контактный госпиталь. Хотелось верить, что его довели куда положено и спасли, успев начать введение солевых растворов.

В следующем уже третьем с начала пандемии 1972 году карантин не потребовался, как и новое развертывание сети временных госпиталей и обсерваторов. То, что с холерой в Астрахани покончили, косвенно доказывала и отправка Максима со всеми его однокурсниками на сестринскую производственную практику в обычные стационары города. Учебным планом предусматривалось обучение студентов навыкам среднего медперсонала по две недели в терапевтическом, хирургическом и гинекологическом отделениях.

Вот только годом позже случайно попала на глаза Максиму такая заметка: «В связи с эпидемией холеры 27 июня 1972 года, приказом № 420 по Астраханскому Горздравотделу, на основании решения городской ЧПК № 16 от 21 июня 1972 года на базе больницы им. Бехтерева был развернут холерный госпиталь на 320 коек».

Выходит, не всё оказалось так радужно, как в победных реляциях, а холера в Астрахани не исчезла, а продолжалась и третий год подряд?! Наверняка не в таких масштабах, как в первые два года, но тогда в каких? Значит, были и еще заболевшие, вот только статистика по ним отсутствует, как и полностью за предыдущий сезон.

Еще в свободные часы между дежурствами в не закрытом временном госпитале Максим пытался набрасывать на бумаге рассказы об интересных случаях из недавней практики. Он добавлял их к уже имевшимся литературным прозам. Но только через год собрался с духом отослать в редакцию журнала «Юность». И хотя не особо ожидал отклика на исписанные от руки листы, про себя надеялся: а вдруг?

Ответ действительно пришел через месяц. Он вернулся домой с начавшихся две недели назад за-

нятий и нашел в почтовом ящике большой конверт «Юности».

От волнения срочно приспичило в туалет. Вскрывал письмо и просматривал его содержание уже в кабинке дворовой деревянной уборной.

Только прежде, чем ознакомиться с приговором, закурил болгарскую сигарету с фильтром из припасенной на всякий случай заначки. Хотя он так и не научился затягиваться, просто не мог себя заставить, тем более, не приобрел зависимости от этой пагубы, но держал в кармане давно вскрытую пачку, так, на всякий случай. Сейчас момент показался подходящим.

На типографском мелованном бланке журнала под отпечатанной зеленой краской шапкой скудно смотрелись несколько машинописных строк за подписью литконсультанта «Юности» с ничего не говорящей фамилией.

«Присланные рассказы нам не подошли. Вам предстоит много работы над стилем. Больше читайте классиков и просто хороших современных писателей. Не огорчайтесь: всё еще впереди».

Максим перечитал сообщение несколько раз, особенно последнее, милостыню оброненное «всё еще впереди». Страхнул на него выросший на кончике сигареты пепел. Неожиданно в голову пришло вызванное «отлупом» журнального литконсульта возражение: «зато холера уже позади!» Одно он знал совершенно точно, благодаря знакомству с этой инфекцией, навсегда избавился, как и многие астраханцы, от привычки пить сырую воду.

НЕУГОМОННЫЙ

*«... Как дождевая капля с тугого листа лотоса,
скатывается с меня Желание...»*

Иван Бунин «Ночь отречения».

Владлен КОЗИНЕЦ

Живет в г. Екатеринбурге.

Праздничный турнир в Доме спорта «Горняк» был украшен пикантным явлением. Курчавый красавец-атлет явился в сопровождении аж четырех потрясающих фемин, которых он демонстративно усадил в самый первый ряд – в непосредственной близости от борцовского ковра. Да еще и на места, предназначенные исключительно для начальства. И что интересно – никто и не пикнул! Потому что... В высокой статной шатенке без труда узнали диктора местного телевидения, всеми обожаемую Клавочку. Сегодня она была в классическом костюмчике «пье де поль» – ей так шел этот черно-белый принт! – а весь город давно, сколько здесь существовало телевидение, стремился одеваться «под Клавочку»! Вторая дама – брюнетка чуть постарше на вид, не уступающая ей в росте – была величаво облачена в черный брючный костюм, подчеркивающий ее превосходную фигуру, да еще эта рыжая прядка в безупречно стильном каре! Две другие помладше были как фарфоровые сестрички-голубоглазочки: лаковые личики, белые блузочки в тон коротеньким стрижкам такого же цвета, вздернутые наивные носики. Ну просто парад обаяния!

Атлет молниеносно, с огромным преимуществом выигрывал схватки одну за другой, уверенно идя к победе в полутяжелом весе, завершая все поединки досрочно! И возвращаясь в зал в тренировочном костюме с надписью «СССР», неизменно располагался на полу у ног прелестниц, эффектно клал голову на колени одной из очаровашек – каждой по очереди. Болелам только и оставалось гадать – кто же из них является его возлюбленной?

...Реваз был просто рожден для борьбы: легкий, прыгучий, стремительный, не по годам перевитый по всему телу крепкими, совсем не юношескими мускулами. Ему явно не хватало уроков физкультуры: на каждой переменке первым мчался к теннисному столу, где успешно высаживал навывлет всех, включая старшекласников. А как только наступали теплые деньки – в школьный двор: на турник, на параллельные брусья, где выкручивал такие кренделя!

Куда бы завела подростка неумная натура – один бог ведает. Но на его счастье совсем недалеко от их поселка при шахте «Северная» – в Доме спорта «Горняк» – появился тренер из Молдавии и объявил набор в группу вольной борьбы. До этого в Воркуте культивировалась в основном только «классика»: самбистов готовили в «Динамо» в очень ограниченном количестве, про дзюдо слышали разве что по радио и телевизору.

Отец поддержал: тут на автобусе – всего ничего. Для сына он не делал исключений, хотя был по местным меркам человеком весьма титулованным: бригадир передовой проходческой бригады, неизменно лидирующей в социалистическом соревновании и родного предприятия, и всего комбината.

Разговор происходил в выходной: как раз в гости заглянул с бутылочкой «Столичной» сосед по лестничной клетке Наливайко, помощник отца, «правая рука» – как про него говорили в бригаде.

– Слыхал я про него. Еврей! За деньгами приехал!

– За деньгами на шахту надо! – мотнул головой отец. – А он, вишь, на рядовую зарплату тренера пошел. Когда еще ему «северные»

накапают! Может, и покруче цели перед собой ставит! И вообще, Марьян Богданович – не мели языком почем зря. Давай по рюмочке – и в шахматилки раскинем. Давно я тебя матом не прикладывал, умник! За такие разговорчики во времена оные...

– Дальше Воркуты бы отправили?

– Не все заведения и у нас тут позакрывали в честь оттепели. Слышал про такую исправительную организацию – ОЛП?

– Ну, в Отдельный лагерный пункт так просто не законопатят. Я ж не со зла. Факт констатирую.

Отец подобные разговоры не любил. Член парткома предприятия, он и в быту не терпел всякие «левые» суждения.

– Ты б хоть при детях-то...

– Дурак он, что ли, под землю лезть? Там не побелено! – нахально гнул свою линию Наливайко. Вне бригады он мог себе позволить шефу.

– А мы с тобой, получается, полные придурки? Зачем-то приперлись через всю страну: ты с Черновцов, я – с Кабулети? Проблема с вами хохлами! Бандеровцы через одного, прости Господи.

– А то грузины все медом намазаны! Одного Сталина на всех хватило – считай, половина нашего городка через него с вечной мерзлотой познакомилось не по своей воле! Если не больше.

Реваза записали сразу же после медосмотра – наметанным глазом тренер Томас Барба, еще с десятков лет назад серебряный призер чемпионата СССР в категории «мухач», увидел в нем то, о чем догадывался отец – тут, если приложить силы и умение, может получиться серьезный результат!

– На занятия попрошу не опаздывать! Автобусы регулярно с поселка ходят?

– Если понадобится – я и бегом добегу!

– И в мороз сорок градусов?

– Я ж тутошний, местного разлива. Когда уроки в минус тридцать три актируют, мы на лыжи – и в овраг, слалом крутить!

А еще Реваза тянуло всё красивое. Первый раз увидев в пять лет северное сияние, он так и остался

стоять с открытым ртом чуть не битый час. На уроках рисования без труда угадывал, какую краску лучше взять, чтобы огурец был как свежий – яркий, с пупырышками – будто сам в рот просится. В классах постарше его все настойчивее стала волновать красота девочек. Почему-то одноклассницы казались ему совершенно неинтересными, блеклыми какими-то. Зато старшие! В восьмом классе он по уши втрескался в десятиклассницу Людку Иванцову. Да так, что норовил каждую переменку как бы ненароком покрутиться около дверей их класса: а вдруг она мимо пройдет?! Десятиклассники заметили это и всю подтрунивали над девчонкой: смотри, вон опять твой жених караулит! Людмила не смущалась, наоборот – наряды ее становились все откровеннее – насколько это возможно было при школьной форме: то юбочка как бы сама делалась покороче, то чуть заметно глазки подкрасит, то серезжки наденет.

Но полная революция в сознании Реваза о женской красоте произошла, когда их класс повели на экскурсию в Телецентр. Мимо этого здания он уже два года трижды в неделю бегал в спортзал и даже не подозревал, какие чудеса творятся за этими стенами. Такие богини шествовали мимо! Как они были шикарно одеты! А какие у них были прически! Как сверкали их ярко окрашенные губки! Особенно «убила» его Клавоочка – диктор, ведущая программу и выпуски «Новостей».

Ну, в Клавоочку-то была влюблена вся Воркута: Реваз был не первый – не последний. Но зрители-то видели ее только на экране телевизора, а тут она стояла совсем рядом, о чем-то шутила с верзилой в пушистом шерстяном свитере с оленями – самый северный шик! Тот улыбался во весь рот, сверкая золотыми коронками, а она так залиvisto хохотала! Каккой у нее звонкий был смех! Будто колокольчики звенели!

Вместе с растущими на глазах бицепсами росло и его внутреннее желание. С которым чем дальше, тем труднее было справляться. И оно свершилось! Он учился в де-

вятом, когда в школу приехала по распределению выпускница Ленинградского университета Шона Мамедовна Асадова. Стремительная походка, соблазнительная броская восточная яркость. Лицетаторша выглядела как кинозвезда! А как она наизусть читала стихи – без бумажки, от души, с таким вдохновением!

Понятно, что молва о новенькой мигом облетела поселок: с мамой и ребеночком припожаловала, и – без мужа. Так что... Реваза как магнитом тянуло к ее пружинистому телу волейболистки первого разряда – экс-чемпионке города на Неве среди студенток. Но как подойдешь? Он искал случая, и вскоре тот представился.

Как-то после первой смены разыгралась такая пурга – света божьего не видно! Хотя и так темень-теменью уже в два часа дня. Учительница растерянно стояла на школьном крыльце в раздумьях – справиться с двумя тяжеленными сумками, когда ветер с ног сбивает, не представлялось возможным. Реваз опрометью кинулся помогать. Что ему эти сумки – он уже боролся тогда в весовой категории восемьдесят килограммов! Да он и ее бы донес на руках вместе с грузом.

Когда заснеженные они переступили порог квартиры, учительница, отряхнув целый сугроб с шапки, благодарно улыбнулась.

– Да ты просто атлант! Наверное, тебя на фото можно снимать для обложки журнала! Как бульдозер таранил улицу! Раздевайся, чайку попьем.

Дома никого не было. Эта оглушительная тишина и сдетонировала! К черту чай! Он рывком срывал с нее всё подряд и сам не понял, как остался в одних трусах. Она нежно погладила своей мягкой ручкой его вздувшиеся мышцы пресса... Первая близость пронзила Реваза так остро и невероятно быстро, что он тут же захотел повторить сначала. И ему это удалось. Теперь Шона уверенно вела его за собой, умело подводя в одновременному финишу. И тут же, делово поглядев на часы, строго велела, снова мгновенно став учительницей:

– Тебе пора! Скоро мама Айну приведет из садика. Хороши мы с тобой будем в таком виде!

Поселок – что деревня. Мигом обо всем разнесли. Отца пригласил на беседу секретарь парткома.

– Автандил Галактионович! У меня к тебе серьезный разговор. Не знаю, как и начать.

– Что уж тут... Я всё понимаю... Недоглядел...

– Ты не торопись. Дай мне высказаться. Я три дня мучился, пока решился. Мы ж с тобой в этом кабинете совсем другие вопросы обычно обсуждаем. Но, однако, у партии до всего должны руки доходить. Есть такое мнение... В общем, думаем, мы тебя, если и дальше такие показатели за бригадой будут, не только на орден – с орденом-то всё проще. Хотим вырастить из тебя Героя Социалистического Труда. Это ничего, что ты даже без среднего образования – не всем же в инженера идти, кто-то должен и непосредственно уголек стране давать. Орден-то скоро будет, я не сомневаюсь. А вот насчет Золотой Звезды... Понимаешь ли, этот вопрос будут в нескольких инстанциях обсуждать – райком, горком, а затем – и обком партии. И мы должны быть уверены, что ни на каком этапе не возникнут какие-либо щекотливые вопросы.

– Да понимаю я, Иван Иванович, к чему ты клонишь. Сам уже голову сломал об... Ну, сам догадываешься.

– Давай тогда по прямому, на чистоту. Парень у тебя вырос мощный не по годам, красавец.

– Мне что ж, его женить теперь по-быстрому? В таком-то щенячьем возрасте? Может, на этой, прости господи...

– Погоди, погоди. Не пори горячку. Ты вот со сколько пошел работать?

– Ну, сравнил! Нас в семье девять детей было, когда отец, царство ему небесное, с лошади в пьяном виде свалился – и прям головой об камень! Тут же, за околлицей, и схоронили бедолагу. А я второй в семье – старшая сестра в институте на агронома готовилась, остальные – мал-мала. Какая уж тут учеба? С тех пор я к алкого-

лю... Пару рюмок себе позволяю – и всё, ни-ни! А тут одного с грехом пополам выродили – жена второго никак не желает, не в кайф ей наши севера – и на тебе. Все условия – учись, человеком становись! Дак ведь нет...

– Просто нам с тобой надо понять – парень вырос. Не хулиган, не обалдуй. В спорте имеет большее будущее – видел я, как на первенстве города всех под орех разделал! А там не хилые соперники были.

– Это у него от меня. Наследственное. По молодости в Кабулети мне почти что равных не было в чидаоба*.

– Вот я и говорю – удачно он к этому молдованину, очень даже вовремя попал. Когда тренер весом не давит – он сам ученику показать всё может, не надо на пальцах объяснять. Я ведь тоже и боролся, и штангу тягал. Кой-что понимаю. И вот что тебе скажу. Ревазик в таком периоде, когда начнутся соревновательные циклы: первенство нашей республики выиграл – изволь на чемпионат РСФСР. Там успешно выступил – дальше чемпионат страны. А потом, бог даст, пойдут первенства Европы, мира. А школьные учителя разве это понимают? У них одно на уме: вот школу закончишь – делай что хочешь. А пока не смей уроки пропускать! С этим тоже придется когда-нибудь хорошенько разобраться – не дело подрастающему поколению крылья резать из-за отдельных консерваторов. Историю про Володю Косинского не слышал? Там целый анекдот получился!

– Не в курсе. Это кто?

– Был у нас в городе такой перспективный пловец. В восьмом классе, когда он уже мастером спорта – в четырнадцать лет выполнил норматив – первый раз стал чемпионом страны в брассе на сто метров среди юниоров, ему нужно было на чемпионат Европы по молодым. А его в школе за двойки хотели на второй год оставить. На чемпионат ехать – нужна характеристика. А какую ему могут

* Чидаоба – грузинское национальное единоборство – борьба в одежде. (Здесь и далее – комментарии автора).

дать при таком раскладе? Тренер Генрих Яроцкий, не будь дурак – не зря ленинградской школы воспитанник – двинул прямиком в Горно: мол, прославлю вас на всю Европу, если кандидата в олимпийцы не выпустят на первенство. Там быстро смекнули, что дело швах и аттестат переписали – все двойки на тройки исправили, перевели в девятый. В Сыктывкаре тренер сходил в Министерство образования: посмотрите, как мы перед Москвой позоримся! Переправили тройки на четверки. А в Москве на оценки и смотреть не стали – туда ж с плохими аттестатами не привозят. Этот Косинский берет серебро на Европе, его зачисляю во взрослую сборную СССР для подготовки к Олимпиаде. И они с тренером тут же переезжают в Ленинград, прихватив с собой еще ряд перспективных воспитанников. В прессе – тарарам, в «Комсомолке» статья разгромная «Звезды в багаже» – какая сволочь этот тренер Яроцкий! Отобрать у него диплом! А Косинский тем временем на чемпионате мира уже среди взрослых берет золото на 200 метров! Ему – звание заслуженного мастера спорта! У нас до него такого золота никто не выигрывал отродясь! И все разом заткнулись! Тренеру – звание заслуженного. На Олимпиаде у Косинского – серебро! А парню – всего семнадцать! Ему еще плавать и плавать! Вот я и думаю – а что, если этот Барба Томас Натанович вовсе не за деньгами из своей благословенной Молдавии к нам причапал? Может, он тем же путем идет, что и тренер Яроцкий? А вдруг он захочет из Ревазика тоже мирового чемпиона сделать? Разве мы не должны ему помочь? В конце концов – это же престиж страны! Или мы – не коммунисты?

– Что-то я совсем запутался, Иван. К чему ты клонишь?

– К тому, что парню пора работать. В вечерней школе доучится. И поменьше дури в башке будет. А то он нам в поселке всех девок перепортит. И мою Наташку – до кучи. Ведь еще в шестом учится, а сиськи вон как выперли! Может, мы их перекармливаем, а? Вот и вызревают вперед возраста! Буд-

то нечистая сила за уши тащит куда попадя!

– И что он на шахте будет делать?

– На шахту, ты прав, рановато. А вот в «Ремстройбыте» как раз ученики нужны по рабочим специальностям. Хоть на столяра, хоть на слесаря, хоть на токаря будут и учить, и зарплату платить ученическую.

– Нужна мне его зарплата...

– Не тебе – ему нужна. Чтоб мужиком себя чувствовал, когда не приходится у папы денег на мороженое кланчить. Можно в ДОСААФ его учиться на водителя направить. Полезно будет перед армией.

– Да он на нашем раздолбанном «Москвичке» чаще меня гоняет. Хоть и без прав. Ладно хоть за поселок не выпускаю.

– Ну дак пусть права получит. Всё в гору!

– Понял. Поговорю!

Не знал бригадир, как разговор с сыном начать. На работе-то всё проще. Берешь, бывало, провинившегося за шкварник, и прямо ему в харю спрашиваешь: тебе хороший рубль надоел? Может, тебя в уборщицы перевести? На сколько сотен карман у тебя, мудила, зараз усохнет? А был еще случай: ушел его подопечный к чужой жить. Жена – в партком! Мигом вернули в семью!

– Мы твою должность, кобель драный о трех детях, под сокращение подведем! И примем на работу через день на ставку стажера! Ты не только в тарифе – все «северные» потеряешь мигом! А их у тебя, дубина стоеросовая – за две с лишним сотни! Уразумел?

Однако с сыном-то так нельзя. Молод еще, не дорос до взрослых разговоров. Реваз удивил в очередной раз.

– Я, пап, и сам об этом давно думаю. За что это унижение? Меня, если вовремя не побрился, с уроков выгоняют. Давиташвили! Опять усы отрастил! У нас комиссия, открытый урок – а он в таком виде! Марш бриться! И потом – сколько я могу на кино просить? Талоны на питание, которые в секции выдают, на деньги меняю. Я слышал – на Телецентре нужны

ассистенты оператора в студию. У меня ж уже паспорт есть. Может, возьмут? Как ты думаешь?

– На телевидение? Это что-то новенькое.

– Учителя считают, что у меня сильно развитое творческое начало. По рисованию, литературе, истории – одни пятерки, сам знаешь. Про физкультуру вообще молчу.

– Ага. Особенно по литературе ты преуспел.

– И до тебя уже докатилось! Вы только Шону не трогайте. Это всё я. Сам. Она не виновата.

– Ну понятно! Ты ж бой с тенью вел. Или, как у вас на секции – с чучелом в паре приемы отработывал.

– Я еще и потому хочу из школы уйти, чтобы разговоры утихли. Ей всё равно ничего не будет – молодой специалист, одинокая женщина. Быстро отстанут!

– И больше к этой... Чтоб ни шагу!

– Согласен! Как хорошо, что мы с тобой общий язык так легко нашли!

На телевидении всё было интересно, загадочно. Реваз куда только не заглядывал – в монтажную, звукоцех, постижерскую, на режиссерский пульт. И везде встречал благожелательное отношение. Ему охотно рассказывали, объясняли, что к чему, давали попробовать. А вдруг пареньку понравится еще какая-нибудь профессия? Здесь же такой выбор! Камеру в павильоне освоил буквально за несколько недель. Ведущий оператор внес в блокнот расписание Реваза в школе.

– Не обессудь! Придется тебе все субботы работать – иначе не наберется нужное количество смен!

– Да моя б воля – я бы отсюда совсем не уходил!

Женщины, которые так поразили его когда-то – он и сейчас буквально пожирал их глазами – относились к нему снисходительно. Вот ужo вырастет мальчишка – лихой мужик из него получится. А пока... Пусть любит, раз готов хоть на край света бежать – хоть о чем его попроси. Это ж так тешит женское самолюбие!

– Вот скажи, Ревазик, – в шутку как-то пыталась его пожилая режиссер Берта Соломоновна, – на ком бы ты женился из наших девуль, если бы тебе предложили? Ну, про Клавочку я не спрашиваю – тут и так отбоя нет, хотя мужик у нее – мужчина основательный, богатый. А вот интересно – есть у нее конкурентки на твой вкус?

Чуть подумав, Реваз серьезно ответил:

– Ну, если не Клавдия Николаевна, то, наверное, Кармия Павловна! Она так зажигательно-стремительно ходит! И еще – при ее росте и фигуре ей очень идут брючные костюмы. Прямо как модель!

– Хороший вкус! Еще кандидатки будут?

– Ну, еще в редакции информации обе Люды – ассистентки режиссера. Они одна другой лучше – как куколочки. Будто фарфоровые – даже подойти, не то что дотронуться страшно!

– Всё понятно с тобой, парень! При твоём психотипе тебя всю жизнь будет тянуть к взрослым замужним теткам! И они, поверь, не останутся равнодушными. Я не цыганка, но какие-то вещи наперед вижу!

Год пролетел стремительно, и для Реваза начался тот самый соревновательный цикл, о котором прозорливо предупреждал отца парторг. Юношеское первенство Коми АССР – первое место! Зона первенства РСФСР в Дзержинске Горьковской области – тоже первое. Финал РСФСР в Рязани – тоже чемпион. Наконец, первенство страны в Ленинграде – до первого места было рукой подать. Второе. И, как результат – включение в сборную СССР среди юношей. Международные турниры в Будапеште, Берлине, Риге – везде первые места! Но на чемпионат Европы в Амстердам поехал более удачливый соперник из сборной москвич Ромка Абдулхаков.

– Не тушуйся, Реваз! Я последний раз по молодым выступаю. На будущий год всё золото – твое!

Тренер решил не ждать. Пора.

– Давай поговорим ответственно, Реваз!

Они сидели в просторном холле Ленинградской гостиницы «Англетер» – в самом центре города. Даже обстановка настраивала на возвышенные темы – тени великих людей будто молча бродили по коридорам: кто только не останавливался тут с давних времен! Это здесь же Есенин вены себе резал?

– Я ведь не навечно в Воркуту приехал, как ты понимаешь. С моей-то язвой... Нелегко вес до 52 килограммов держать было, гниет желудок-то по старой памяти. Только жена и знает, как меня кормить надо. Но в Воркуту Розу Абрамовну на аркане не затянешь. Она на Москву-то с трудом согласилась.

– Вы, стало быть, в Москву переезжаете?

– Не суетись под клиентом – как в анекдоте напутствовала бандерша девочек на планерке. У нас с тобой беседа о серьезной перспективе. Большой путь начинается с истоков. Мой ученик Ваня Лаптяну – да-да, тот самый – чемпион и мира, и Европы, призер Олимпийских игр – стал большим человеком в Москве. Хлопочет мне о звании. Но не это главное. Ему поручено при одном очень могущественном ведомстве попробовать организовать что-то вроде Школы олимпийского резерва. Опытный проект, так сказать. Планируют создать такое специализированное учебное заведение для перспективных спортсменов, где школьная программа будет подстраиваться в индивидуальном порядке под каждого – в зависимости от тренировочного процесса. Если получится – по всей стране начнут внедрять. Даже предполагается лишний год обучения ввести – для тех, кто не будет успевать по общеобразовательным предметам из-за спортивных нагрузок. Ты спросишь – а как же армия? Так вот – на службу откуда будут призывать исключительно в погранвойска. Надеюсь, теперь ты понял, о каком ведомстве я говорю? А кто изъявит желание продолжить образование без отрыва от спорта высших достижений – будет поступать в училище пограничных войск. Мне Ваня поручает вести факультет борьбы. Я ведь, грешным делом, на северах

не только тренировал – диссертация вчерне готова, в этом году защищена. Конечно, я согласился. Ты со мной? В столице подготовлен пансионат – комната на двоих, пищеблок круглосуточный: даже если тренировка или соревнования закончатся глубоко за полночь, спортсмена будет ждать горячий ужин. Или там ранний завтрак – в зависимости от ситуации. То есть – все условия! Посоветуйся с семьей. Времени на принятие решения у нас с тобой – одна неделя.

И завертела-закружила Ревваза большая спортивная жизнь Москвы! Ему порой чудилось, что невидимый эскалатор непривычно-стремительно несет его всё выше и выше, без передышек и остановок. Призер первенства Вооруженных Сил СССР среди юниоров – и тут уже зачисление в юниорскую сборную страны с такой стипендией, что не знаешь, куда ее и потратить, когда живешь на всем готовом. Зачисление в училище почти без экзаменов – в основном через собеседования и зачеты в конце каждого цикла обучения. Следующая Вооруженка – теперь уже первое место – как серьезная заявка на успехи во взрослых соревнованиях! На втором курсе – призер Вооруженки уже среди взрослых. Еще через год – золото Вооруженки и кандидатский билет во взрослую сборную страны: пока что пообещали вызывать на сборы для просмотра.

На третьем курсе он снял квартиру недалеко от спорткомплекса. Правильнее было бы сказать – не он снял, а его. Смазливая повариха Настасья однажды не попросила, а скорее потребовала:

– Реваз! Ты ж мужчина! Помоги перетаскать слабой женщине сумки в машину.

Пришлось делать две ходки – основательно отоварила общепитовка. Старенькая, но еще ходкая «Победа» аж просела, кажется, от обилия этого добра.

– Умоталась в лоск! Может, отвезешь? – и протянула ему ключи.

Квартира ее оказалась совсем неподалеку. Да какая квартира! «Трешка» в сталинском доме, где потолки – так потолки, коридоры – как в комфортабельной гостинице!

– А вот эта комнатуха совсем пустая стоит. Муж неизвестно когда вернется.

– То есть? Сегодня? Или – вообще?

– Ноги он сделал из столицы – чтоб ты знал и не дергался! Заведующим овощебазы был. Да сплыл – менты на хвост сели после капитальной ревизии. Через людей передал – скоро не жди, пусть всё утрясется, я в надежном месте у друзей. Будут деньги нужны – знаешь, через кого передать весточку. Да разве ж мне эти бумажки мужика заменят? В тридцать шесть – самый бабий век. А тут такое добро пропадает! Ну, чего стоишь истуканом? Не знаешь, что с такими, как я, делают? Или вовсе тебе не глянуть?

Они год прожили как муж и жена, и ни в чем Реваз не мог упрекнуть подругу: накормлен, наглажен, выхолен как скаковой конь. В училище старшекурсникам разрешали жить на квартирах, если есть успехи в учебе и спортивные результаты. А у него с этим всё было в полном ажуре. Как раз близко к выпуску он стал бронзовым призером чемпионата России, эта медаль означала, что ворота в главную сборную страны для него распахнулись. Пока не во всю ширь, но...

Не успели обмыть лейтенантские погоны, как сборная СССР выехала на сборы в Болгарию. В Варне вовсю цвели розы – как они дурманили голову! А море! Оно манило бирюзой – ни единого облачка вплоть до самого горизонта. Июнь во всю силу своей красоты и блаженства.

Эта-то красота и подвела под монастырь Ревваза. Живя у поварихи, он как-то совсем забыл, что существуют еще и другие женщины. Да и зачем от добра добра искать? Один случай заставил его задуматься всерьез.

– Вот что, Реввазушка! Женить тебя надо. Да основательно! Чтоб намертво за Москву зацепиться! Я тебе и невесту уже приглядела – пришлось твоей двоюродной теткой сказаться. В нашем же доме живет. Там денег – тьма тьмущая! Отец какой-то начальник в Моссовете.

– Да ладно! Больно надо!

– Не трюнди, – нахмурилась повариха. – Мой весточку прислал – через полгодика возвратится. Знать, все концы подчистил, кому надо сунул «барашка» в конверте. Да и тебе скоро в офицера выходить. А ну как распределят, куда Макар телят не гонял? А с моссосветовским-то тестем теплое место всегда найдется. В воскресенье днем на обед к ним пойдем. Готовься!

Квартира у моссосветовца оказалась – ого-го! Не сосчитать, сколько комнат. Один холл с гардеробной – квадратов на тридцать, а то и больше! Как украдкой шепнула всезнающая подруга, в старых домах Москвы специально строили такие хоромы для начальства – с выходом на два подъезда.

Перед обедом недолго посидели в домашней библиотеке, где на стеллажах покоилось различных фолиантов несметное количество – на все вкусы.

– Нонночка у нас на юридическом учится, на втором курсе в МГУ, – суетилась хозяйка, одобрительно поглядывая на Реваза. – Малость задерживается, вот вот подскочит. Она у нас – точная, минуточка в минуточку. Давайте чуть погодим.

Хозяин же, докурив «Беломорину», напротив, стал проявлять нетерпение.

– А чего годить, мать? Время вышло! Ну, догонит попозже. Четверо одного не ждут!

От предложенного марочного коньяка Реваз отказался.

– У меня тренировочный период в самом разгаре. Так что, извините, мне нельзя.

– Нельзя так нельзя, – примирительно согласился глава семьи. – А мы, девчата, можем себе позволить малеха? Дайте-ка я за вами поухаживаю!

Дочка появилась через полчаса. Скромно присела за стол, лениво поклевала салатик.

– Мы с девочками в кафешку утром заскочили – пару отменили. Так что пока неголодна. Я пойду – завтра коллоквиум по римскому праву, кучу литературы нужно перелопатить!

Они тоже вскоре ушли – и как будто не было этого, как назвал Реваз про себя, «культпохода». Через неделю всё же решил спросить. И – нарвался.

– Забей! Не подошли мы им!

– Чё так? Деваха-то, видно, занозистая. А так – ничего себе. В теле, и ножки длинные.

– Говорю – завязали! Да пошли они!

– Что-то ты не договариваешь... Колись!

– Уверен, что хочешь знать всю правду? Ну, тогда не обижайся!

– На тебя-то за что?

– Хотела как лучше. Эта дура знаешь что сказанула? «На кой черт чурку позвали»? И добавила: «В гробу я видала этих черных!» Расистка долбанная! Сталина на таких нет!

Злая обида жестко хлестнула по сердцу! Вот, значит, как! Тут хоть олимпийцем стань, а всё равно найдутся... Ну, ничего! За нее другие бабы ответят! Любая, что приглянется, будет у ног моих валяться! Чурка им не подходит, видите ли!

...Какая нелегкая ушибла второго тренера сборной, ответственного за резервы, взять с собой в Варну жену?!

Игорь Саввич уже заждался третьей звезды на погон. Страшила противная мыслишка: чем ближе к полтиннику, тем вероятность всё ниже и ниже. Вроде послужной вполне – мастер спорта международного класса, заслуженный тренер СССР, высшее образование, три языка свободно. В чем же дело? Может, пронюхали? С недавних пор одергивать стало некому: жена уже третий год покоилась на Калитниковском вместе с тестем-генералом, дети жили своей жизнью, виделись редко. Такая тоска порой накачивала – хоть в петлю! Вот и стал себе позволять рюмочку-другую. Хотя на службе – ни-ни!

Буквально за месяц до юбилея наконец-то свершилось! Как водится – банкет с треском на всю Ивановскую, трам-тарарам. Снял «Посольский» зал в «Праге» на 70 персон – честь по чести. А на завтра обнаружил себя в госпитале с трубкой в носу. Кабы не лапоч-

ка-медсестричка Аннушка, так напоминавшая своей молочной белозубой, красными щечками и носиком-уточкой жену... Разузнал всё про нее. Приезжая – с Урала. Вот ведь еще совпадение – Наташенька тоже была из Свердловска – упокой Господь ее душу. Жила девчоночка на птичьих правах у родственников в Звенигороде, до работы в мерзлых электричках да на перекладных добиралась день за днем – как придется. Решился! Предложение девушка приняла без жеманства – как должное: видела, какими глазами смотрел на нее этот полковник! А то, что разница в годах больше чем вдвое... Тут уж как судьба распорядится!

Впервые на море Анна попала, когда они с мужем выехали в Сочинский санаторий Министерства обороны. Как же она раньше без этой прелестной стихии обходилась? Такое дурманящее чувство охватывало – будто в другую жизнь окунулась! Ловила на себе обожающие взгляды молодых офицеров, докторов, водителей – да всех подряд. Но грешные мысли гнала от себя прочь! Она ведь действительно очень уважала немолодого супруга, даже мысленно звала его про себя по имени-отчеству. Однако полковнику всё труднее давался интим, да и она сдерживала себя – вдруг сердчишко подведет? Первый-то звоночек уже прозвучал!

Полковник сам предложил поездку в Варну.

– Может, не надо? Ты же там будешь занят с утра до вечера, а мне что делать одной?

– Не преувеличивай. Не такие это сборы, где придется пахать. Сборная перед Олимпиадой практически сформирована, вывозим молодняк – приглядеться к ним на будущее. Главный даже не собирается ехать – всё на меня свалил. Пара недель тестов, общеукрепляющих тренировок, недолгие занятия в аудитории по тактике. Не перегрузимся!

Неделя пролетела незаметно. Молодежь стремилась изо всех сил себя зарекомендовать, так что никого не нужно было подгонять: кроссы, тесты на силу, тактику, выносливость, отработка комби-

наций на ковре – всё шло как по маслу. Да еще погода стояла замечательная, как всегда здесь в конце июня – еще не наступила оглушающая жара июля, которая подходит не всем. Анна вдоволь накупалась, назагоралась на мягком солнышке. Они вдвоем сгоняли на денек в столицу – вернулись нагруженные покупками, вспоминали Витошу* – какой оттуда открывался грандиозный вид на прекрасный город! Как вольно дышалось на вершине!

Всё бы хорошо, но этот взгляд новичка сборной Давиташвили всё больше и больше преследовал ее, волнуя и маня! Она как будто даже физически чувствовала, как он раздевает ее донага. И, что самое страшное – ей это было невыразимо приятно!

И тут... Полковника вдруг вызвали в Москву – буквально на один день: предстояла защита планов сборных на заседании Спорткомитета СССР.

– Специально назначили на выходной – чтоб жизнь медом не казалась. Неймется этим чиновникам – успокаивал он жену. – Конечно, им завидно – мы на морях, они в душных кабинетах. Ты и не заметишь, как я обернусь: отправлюсь самым поздним рейсом, тут лету-то два часа с хвостиком, отзаседаем – и тут же назад.

Такси заехало за мужем около десяти. А уже через час... Вкрадчивый стук в дверь – и сердце будто выпрыгнуло из груди. Он! Кто же еще! Как отворяла дрожащей рукой, как застыла на пороге соляным столбом, как этот стокилограммовый гигант поднял ее, будто пушинку – ничего она не помнила! Только ласково-властные объятия, страстные губы, ласкающие ее грудь, острый горячий ток, прошивший снизу доверху и отключивший голову, и опять всё снова, снова, снова... Они лежали, замерев, обессиленные... Может быть, час, а может, всего несколько минут – время будто ушло в другое измерение. И опять эти страстные губы, эти крепкие, перевитые мускулами руки, этот настойчивый влажный язык, проникающий,

казалось, в самые глубины ее полыхающего от страсти тела. Они даже не услышали, как открылась дверь...

Турецкие ВВС начали учения в воздушном пространстве, через которое проходила глиссада самолетов «Аэрофлота». По радио объявили: почти все рейсы откладываются до утра, минимум на 8–10 часов. Ночевать в переполненном аэропорту? Несерьезное это занятие, когда до отеля – полчаса езды!

...Формулировка отчисления из сборной звучала неожиданно мягко: «Из-за неудовлетворительного уровня подготовки». Видать, раздувать скандал не был заинтересован никто.

– Тебе, считай, еще повезло, – угрюмо констатировал Барба. – Думаю, на время нужно из Москвы исчезнуть. Какие есть мысли на этот счет?

– В Воркуту поеду. Родителей давно не видел, школьных друзей.

– Не поеду, а переведусь. Не забывай – теперь у тебя на плечах погоны. Дело говоришь, правильное решение принял. Будешь и тренироваться, и тренировать в нашей с тобой секции в «Горняке». За годик всё, глядишь, и поутихнет. По деньгам еще и в выигрыше окажешься – двойной лейтенантский оклад станешь получать. И постарайся там... без выкрутасов. Большой уже мальчик, пора научиться думать головой. Кстати, можешь в поселок свой при шахте не забираться: я позвоню, чтобы тебе выделили служебное жильё поближе к работе. У нашего ведомства возможности немалые. Будем на связи! Когда придет пора вернуться – дам знать.

Квартирка оказалась так себе – первый этаж старого насыпного двухэтажного дома, печное отопление – еще гулаговские заключенные строили. «Без проблем – зимой к родителям перееду, буду держать эту халупу за дачу». Зато прилагался к жилью кирпичный, недавней постройки гараж. Куда и перекочевала, за ненадобностью владельцу – куда в поселке ездить? – отцовская «Волга» экспортного исполнения, врученная Герою Социалистического Труда

Давиташвили вместе с Золотой Звездой год назад.

Ноги сами привели Реваза на телевидение. В бравом лейтенанте погранвойск не сразу узнавали бывшего ассистента оператора. Как вырос, возмужал! Это ж сколько лет-то прошло!

Он двинул прямиком к директору. Тот от неожиданности аж в кресле привстал!

– Глазам своим не верю!

– Василий Иванович! Я не займу у вас много времени. Вы по-прежнему испытываете острый дефицит кадров летом? У меня руки чешутся встать за камеру!

– Конечно! Если занятость тебе будет позволять... Всем нужно в отпуск именно сейчас! А ты ж знаешь, какие они у нас, отпуска северные – 45 рабочих дней. В студии – всего два телеоператора! Да и с кинооператорами обстановка не лучше. Я вот третий год летом в отпуск не хожу – как на mine замедленного действия сидишь тут. Богу молюсь, чтоб один из тех же телеоператоров не вздумал заболеть, или еще там что, – директор выразительно щелкнул себя пальцем по шее. – Передачи ж полетят!

– Ну так вот он я, берите! У меня времени – вагон с маленькой тележкой! Девать некуда!

– Значит, прибыл по месту службы, или как?

– Да моя служба – спортзал «Горняк», пятнадцать минут ходу от телецентра. И до служебной квартиры – столько же, только в другую сторону. Это ж только в газетах пишут, что у нас профессионального спорта нет. Буду и тренировать, и форму поддерживать. Какие часы возьму – такие и дадут. Долгосрочная командировка, считайте. Начальство – в Москве, никто проверять не будет, какой у меня режим. Сам себе хозяин!

– Это-то хорошо! Только... Мы ж тебя на категорию аттестовать не успели. Смогу по договору взять только на ставку ассистента. И «северные» твои прерваны, их не засчитать – стало быть, только поясной коэффициент пойдет. Который пол-единицы оклада. Негусто!

– Разве ж я за деньгами пришел? Ни жены, ни детей! Много ли мне одному надо!

* Витоша – горный массив, у подножия которого расположена София.

На первой понедельничной летучке Реваз помалкивал, разглядывал всех, прислушивался. Как бы немало годков пролетело, а народ практически не поменялся – люди на Северах за работу крепко держатся! Понятно, что разглядывали и его. С немалым удовлетворением Реваз отмечал – ах, какие томные взгляды бросали на него дамы! На следующей летучке решил взять слово:

– У меня есть предложение: а что, если разнообразить нам подачу «Новостей», вернее, концовку – положить на прогноз погоды кадры нашего прекрасного города? Когда и не поснимать, как в сплошной световой день. Если мне выделяют кинокамеру и немного пленки, я готов в воскресенье поделаться сюжеты – и видовые, и с людьми. Тем более что у нас такие красивые женщины – модели для видеоряда и не понадобится искать!

Первой к его ногам пала, конечно же, Клавочка. Начинать игру – так с козырного туза! Восьмой год брака для многих становится критическим. Хатанзейский все чаще стал пропадать с друзьями, приходя домой «в дрова». Закусывал, видать, обильно – живот рос прямо как на дрожжах. Куда девался пылкий влюбленный, соривший деньгами по малейшему капризу, не сводя с нее глаз с утра до ночи и с ночи до утра? Шубку? Да хоть весь меховой магазин! Сапожки? Да бери три пары зараз! Не зря бабы трепались, когда обхаживал – бабла у заведующего отделением сельхозуправления комбината «Воркутауголь» было немеряно! Еще бы! Бочки икры – хоть красной, хоть черной, другие деликатесы – да вообще северный завоз продуктов питания шел через него щедрой рекой! С Клавочкой они жили гражданским браком, но законная жена-армянка хоть раз бы пикнула! Он и ее, и двоих детей обеспечивал всем выше крыши – безбедно жили в своем Эчмиадзине! Только вот заряд влюбленности иссяк что-то уж больно быстро. Неужели правда люди судачат, что коренные северяне коми поголовно склонны к алкоголизму? Но вот ее же, например, на

водку вовсе не тянет! И кому теперь жаловаться, что согласилась на отношения вовсе не по любви – а потому, что подружки нашептывали: мужик казался им надежным, уверенным – как каменная стена. Теперь что – в застенке так и жизнь свою единственную коротать?!

Именно ее, Клавочку, и усадил Реваз в воскресенье днем в ставшую фактически своей броскую «Волгу» цвета воронова крыла. Он снимал ее на колесе обозрения в городском парке – в кадре прекрасно были видны длинные, модельной красоты ножки; а как выразительно откидывала она назад волосы, когда их трепал легкий ветерок! И в лодке – когда она пересекала городской пруд на веслах, обнажая точеной формы ручки, какие щедрые эффектные ракурсы находила его вдохновленная камера!

Сюжет удался – показывали всю неделю. Первым его отметила проявщица Аграфена Степановна.

– Как классно парень снял! Клавочка наша – ну прям вылитая Мэрилин Монро! Хоть и не блонда. Вот что значит с душой человек подошел к делу!

– А то и с телом! – недвусмысленно хмыкнул старший кинооператор Донат Петрайтис.

– Это вам не личит, Донат Юозович! – строго одернула его проявщица. – Так недолго и семью человеку разрушить!

– Да побойтесь бога, тетя Феня! – поднял руки оператор. – Я ж только хочу подчеркнуть, что Реваз постарался увидеть в Клавдии женщину – во всей красе. И это ему удалось на славу!

Петрайтис оказался недалек от истины. После сытного обеда в центральном ресторане города «Москва» инициатор съемок пригласил Клавочку домой – «на кофе».

– В «Военторге» при штабе удалось прикупить никарагуанский в зернах, совсем без вытяжки. Запах – от ума можно отойти! Не пожалееете! Да еще и время детское.

Раздевались они стремительно, молча, практически не глядя друг на друга. Как накинута она на это литое тело, какой темп зада-

ла! Реваз старался всю угодить изголодавшейся по ласке требовательной партнерше, предвосхищая ее напористый ритм! А потом... Он достал привезенную из ГДР «Практику»*, выставил художественный свет... И пошла такая горячая фотосессия! Модель сама находила самые выигрышные позы, дерзко смотрела в объектив, будто говоря всему свету: нате, смотрите, я еще и не такое могу! Конечно, Реваз стал уверять, что никто, кроме них, эти фото никогда не увидит. Она пальчиком как бы запечатала ему рот.

– Молчи! А то всё испортишь!

И, конечно, на дорожку они снова слились в яростном экстазе!

Второй моделью Реваза стала режиссер Камочка.

– Ты о чем, мальчик? Живешь юношескими воспоминаниями? Мне без пяти минут сорок. Уже и замуж никто не зовет. Особенно когда узнают о ребенке. Папочка-то их и года здесь не прожил – леса ему не хватало, видите ли. Моментом вернулся в свою Ревду. И новым семейством оброс. Кроме алиментов, уж сколь лет ничего от него не имеем. Какая из меня модель? Смех на палочке!

– Превосходная! Вы в брючном костюме, Кармия Павловна – прям Марлен Дитрих! А если к образу добавить туфли на высоких каблуках и мужскую шляпу – все от ума отойдут, вот увидите! В Германии фильмы с ее участием крутят без остановки во всех кинотеатрах. Зрелый гламур манит ничуть не меньше, чем юность. Да и не так уж у вас велика разница в возрасте с Клавочкой. А как все на ура восприняли нашу совместную затею! Разве это не ваша миссия – облагораживать эфир?

Они проехали к площади перед Дворцом культуры шахтеров и строителей, где в воскресный день было полно народу – несмотря на летнюю пору, когда Воркута заметно пустеет. Кармия просто прошла несколько раз на камеру, надменно поглядывая на зевак, и вызвала такой фурор!

* Фотоаппарат «Практика» – зеркальная фотокамера с безупречным качеством линз и механизмов производства ГДР.

– Никак Дом моделей! Из Москвы, или из Сыктывкара.

– А может – ленинградские? Как в прошлом году!

– Поди, во Дворце выступать будут? Афиши пока не вывесили – и так все валом повалят, как узнают!

– Интересно, почему будут билеты продавать?

– Да я за любые деньги пойду! Когда еще такое живьем увидишь?!

На домашней фотосессии она просто отшвырнула ставшие ненужными брюки, щедро расстегнув блузку – пиджак и шляпа остались на месте.

– Бебихи* выруби! Буду я тебе все свои родинки показывать!

Отдавалась без энтузиазма – надменно, холодно, как вышагивала по площади – будто из роли кинозвезды так и не вышла. Как бы заявляя: тебе надо? Бери, не жалко! Этого добра навалом!

Тридцатидвухлетняя старшая из Людочек – ассистентка режиссера редакции информации – выглядела как вчерашняя школьница. Все у нее было миниатюрное – и носик, и попочка, и яркие выразительные глазки, и холеные ручки с длиннющими алыми ноготками. А уж улыбочка – во все ослепительные зубки. Только близкие подруги знали, как непросто удавалось ей мажорно держаться на все сто процентов!

Муж уже пятый год мотал срок в ИК-24, что в Азанке на севере Свердловской области. Еще три года было ждать! И сел-то по дурусти – за драку, и вел себя на суде по-дурацки вызывающе – будто до конца не верил, что и правда останется за решеткой. На него всё и свалили – в том числе и труп, который он в глаза не видел. Был бы помирнее – отбывал бы где-нибудь поблизости. А так... Не наездишься с передатками!

С мечтой о высшем образовании пришлось вскоре расстаться – слишком накладно было мотаться дважды в год в ЛГИТМИК**, да и не к чему. Какой из нее режиссер?

* Бебих – сленговое название фонарей подсветки на телевидении.

** ЛГИТМИК – Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии.

И – ради кого? Детей не завели, теперь уже и не заведут. А одной ей не так-то много и нужно. Когда всё было как у людей... Пырников зарабатывал крепко, сам образование получать не спешил, а ей триндел неустанно: учишься, не вечно же нам на северах кантоваться, пригодится. Центральный нападающий в русском хоккее и футболе команд шахты № 40 – неизменно-го чемпиона города – под полтыщи зашибал. На солидной добычной ставке горнорабочего очистного забоя был оформлен. У чемпионов и полочки чемпионские! Между сезонами – южные сборы – не хуже, чем у столичных спортсменов. Когда ему было за учебниками сидеть? Всё на потом откладывал. Отпуска они проводили вместе больше дикарями – то в Сочи, то в Ялте – чтоб поближе к теплему морю.

Что уж теперь... Как будто стержень из девушки вынули – на чем только оболочка держится? Работа – дом. Да еще книги. Читала запоем, всё подряд, правдами-неправдами выписывала все приложения к журналу «Огонек». Классика – вся, современные писатели – тоже. В книжных магазинах ее хорошо знали, привечали – звонили, как новинки поступят. Лучшего и более благодарного читателя было не найти! Книги стали и ближайшими друзьями, и смыслом жизни. С ними она проживала яркие судьбы героев: в мечтах, особенно перед сном, она становилась то Шарлоттой Корде***, то Екатериной Великой, то Марией Спиридоновой****. Как-то так всегда получалось в этой выдуманной судьбе, что мужикам от нее крепко доставалось «на орехи»!

Иногда Людочка всё же позволяла себе вольности. Когда совсем отказывали тормоза. Но никогда не опускалась до пошлых интрижек с женатыми. Семья – это святое!

Реваз в эту категорию не попадал. Был он настолько оглушительно холост и молод, что не мог пройти мимо ее внимания. Когда и

*** Шарлотта Корде – героиня Французской революции.

**** Мария Спиридонова – лидер левых эсеров в годы Великой Октябрьской социалистической революции.

сюжет с Кармией под аплодисменты прошел на летучке, Людочка мысленно прикинула: а как бы она могла показаться в этом проекте?

Самой напроситься? Еще вспомнит о себе! Они такие прилипчивые, эти кавказцы – имела определенный опыт в результате поездок в санатории Черноморского побережья.

А Ревазик – тут как тут.

– Людмила Олеговна! Я знаете какой ход придумал? Вы в Хальмер-Ю***** никогда не ездили?

– Нет. Что я там забыла?

– Да и я там всего разок был – еще подростком. Нас на соревнования возили во время Спартакиады школьников. Туда же только узкоколейка ведет, иначе не добраться. Я что хочу сказать... Как только наступает весна, да и летом – вся тундра на несколько километров усыпана белыми куропатками. Просто как снежное поле! Вот было бы интересно отснять вам на этом фоне! Белое на белом! Предвосхищаю – будет просто шик!

Кроме них, на дороге, идущей параллельно железнодорожному полотну, не было ни души. За тот час, что шли съемки, прошел только один поезд из двух вагончиков.

– А следующий – только через восемь часов. – Реваз помнил и это. – Два поезда в сутки всего. А что, если... я попрошу вас снять кофточку? Исключительно ради фото в разряде ню! Должно стильно получиться! Естественно – даю слово: кроме нас эти фото не увидит никто! Я же хочу стать фотохудожником, а для них обнаженная натура – пропуск в искусство.

– Ну, если только ради большого искусства!..

Задний диванчик «Волги» будто специально предназначен для любви! Просторно – особенно, если откинуть спинку переднего сиденья. А когда партнер тренированный, гибкий, а партнерша – миниатюрная куколка! Если бы в Заполярье в это время года были сумерки, «фотосессия» завершилась бы точно в темноте. Но стоял сплошной полярный день, когда

***** Хальмер-Ю – горняцкий поселок при одноименной шахте в 60 км от Воркуты.

луна и солнце располагаются на небосводе одновременно с наступлением ночи. Они прервали объятия, только когда почувствовали, что ужасно голодны. Реваз взглянул на часы.

— Мама дорогая! Но мы еще успеем в ресторан. У меня там одноклассник работает.

...Людочка-младшая с треском провалилась после окончания школы в Сыктывкарский пед, куда махнула вместе с подружками. Не в горный же техникум идти — еще в шахту загонят. Учителя ее любили и оставили в школе старшей пионервожатой. Там ее и обнаружил диктор телевидения Юрий Прокушев, когда его пригласили провести праздничный концерт на День Победы. Так страстно обнаружил, что вскоре развелся с женой и повел Людочку под венец, а потом устроил поближе к себе — помощником режиссера.

Так себе работенка — принеси-подай, и зарплата детская, сколько на нее льгот ни накручивай — 60 рублей есть 60 рублей. Однажды диктор заметил, как его женушку плотно оглаживает по пятой точке главный оператор Юрка Барсуков — заядлый холостяк. Это был последний день ее работы в павильоне — отныне Людочка стала ассистентом режиссера в редакции информации. Потом родила, год просидела дома — и снова в ту же редакцию, под начало Людочки-старшей. Скучота, если разобьются. Каждый день — одно и то же. Новости создают журналисты, операторы — а ты их только выдаешь в эфир. Хоть и разница с Пырсиковой у них составляла всего четыре года, она по-прежнему называла ее на вы и слушалась во всем. Пыталась копировать, но прочитать столько книг было выше ее желаний и возможностей. Хоть и старалась. Увидев сюжет в «Новостях» с участием наставницы, тут же приняла решение — и мне надо. Поймав Реваса за рукав, она решительно взглянула ему в глаза:

— Я тоже хочу в кино. Ты так ярко снял Людмилу Олеговну — будто она из снегов выходит посреди лета из стаи этих птиц!

И, потупив глазки, добавила:

— И на фотосессию я тоже согласна!

«Ну, бабы! Растрепали! А я-то в страшном секрете всё держал! Дела!»

В свои двадцать восемь младшая Людмила внешне так и оставалась пионервожатой. Ее даже однажды сняли в детской передаче с красным галстуком на тонкой шейке — ну пионерка-пионеркой! Именно этот образ и решил обыграть Реваз.

— Будете идти в школьной форме впереди отряда под барабанный бой. Съёмки проведем в моем поселке, я обо всем договорился в своей бывшей школе.

На «фотосессии» Реваз почувствовал себя последним педофилом — модель по своей воле осталась в одном галстуке!

...День шахтера всегда празднуют в последнее воскресенье августа. На шахте отца, как всегда, собрали расширенный оргкомитет по проведению праздника. Давиташвили-старший, давно желавший поглядеть на сына в деле, предложил.

— Мы вот всё футбол да футбол. А высока ли квалификация у наших футболистов? Выше первого разряда никто и не вырос. Давайте поднимем планку. Я сына попрошу — он сюда друзей из сборной страны подтянет. Конечно, олимпийские чемпионы к нам не поедут. Но ведь найдутся мастера помоложе, только еще нацеленные на высокие звания. Оплатим им дорогу — они все в Москве кучкуются, невелики расходы. Установим призы от профкома. Дом спорта «Горняк» нам подшефный. Хороший подарок народу сделаем, а?

Когда участники турнира выходили на парад, Клавочку попросили объявлять их титулы. Она с чувством, во всю силу легких громко называла: «Мастер спорта международного класса, чемпион мира среди молодежи Александр Колотовский (Киев)! Мастер спорта международного класса, серебряный призер молодежного чемпионата Европы Завен Аветисян (Ереван)! Мастер спорта международного класса, чемпион мира среди молодежи Николай

Смирнов (Москва)! Трех «сборников» молодежной в разных легких весовых категориях оказалось вполне достаточно, чтобы родился ажиотажный интерес к турниру. Каждый раз публика взрывалась громом аплодисментов. Местных борцов такими объявлениями не баловали. Чтобы никого не обижать, Клавочка аккуратно предвараля свои тирады фразой «Среди участников...», а завершала «...и другие».

Когда настал черед представлять Реваса, он не стал, как все, идти в строю. Разбежавшись, засадил посередине ковра такое арабское сальто! Все вскочили с мест, топая ногами и восхищенными криками приветствуя земляка не меньше, чем приезжих сборников! Он и на поединки выходил, предвараля каждую крутым рондат-фляком*.

...Чемпионат Европы в Париже 26-летний полутяж Реваз Давиташвили — давно москвич, давно женатый отец двух замечательных дочурок, чемпион Грузии, Москвы, СССР — ждал с нетерпением. Наконец-то доверили ему это право — бороться за честь страны! Юношеские проказы если и вспоминались, то с легкой усмешкой: у зрелого мужчины и задачи должны быть зрелыми. И решать их придется по-взрослому!

* Рондат-фляк — боковое «колесо» с приземлением на две ноги с последующим переворотом назад.

СТИХКОР

Никита СУТЫРИН

Режиссер, сценарист, поэт.
Уралмаш, Екатеринбург,
Москва.
Журфак, Универ, ВГИК.
Фото, литература, кино.
Финалист, лауреат, призер.
Вертов, Годар, Триер.
Маяковский, Коган, Летов.
Левак, совок, атеист.
Женат, сын, дочь.

1

я заново учусь писать стихи
ни дня без строчки
больше чем поэт
я выплеснул себя из той стихии
где кое-что по молодости лет
умел. войду ли снова после сорока
подскажет слог ли
поведет рука?
подгрузится ли стиль, что некогда качал
смешки и ропот сеял в полусферы
эстрад дощатых и едва половозрелых
подмостков актовых —
начал моих начал
зачем мне это? я ли не отрекся?
стихов и рифм не я ли убежал?
точить ленился стилус как боек?
и самолюбие пришибленное врет
юлит и прячется в гробнице кинозала
так от тайги до западных морей
от (вдруг!) залысин до седых бровей
растерянный болтаюсь, ноунейм
наивно пафосно, но страшного в пред-
дверье
стихи — последнее чему я верю
затравленным усталым вором
я заново ищу опору
клубок как нахлобучил балдахин
я заново учусь писать стихи

2

это было случайно,
это было ни в счет
как из этой связи коверканной
ты вдруг отразилась второй зубной щеткой
в моем заплеванном зеркале?
И про это случайное с нами
ты вдруг сказала «мы будем».
и подернулся легким орнаментом
битый кафель моих буден.
Половицы в пустых комнатах
отозвались. А за порогом
моя северная кОндопога*
жгла и резала кондопогу.
Присягала в высоких палатах
распиналась в имперских паласах
и как прежде в черных бушлатах

* Город в Карелии, где в 2006 году прошли массовые беспорядки на межэтнической почве. Комментируя те события, журналисты подчеркивали, что правильно ставить ударение в названии города именно на первый слог.

гнала по площадям несогласных.
Догоняла на мокром асфальте
в универах, дворах и школах —
ты ведь тоже капризничала
но спать
любила в моих футболках..
я тайком на улицу выскочу —
когда спишь, ты еще красивее
словно найденная в чулане лампочка
в моей холостяцкой России.

3

мы стояли и нюхали запах метро
когда я поцеловал тебя в рот.
ты терпеть не могла городской суеты,
ты любила котов и цветы,
а потом
мой язык маялся и бился пирсингом
о твои
брекеты
Это были еще не стихи — так, побеги...
как, помнишь, в тринадцать побеги
из дома —
я тогда лишь ронял свои тэги
в случайных девичьих альбомах.
— Кстати, в одном из таких альбомов, —
сказала ты чуть глуше,
— ты впервые узнала про... —
я тогда впервые тебя не дослушал
и впервые поцеловал в рот.
Ты подумала:
вот урод,
а я —
то-то люди вокруг прутся.
и вот
мы болтались по городу
болтая языками
стуча зубами
и металлоконструкциями.
И тогда мне чудилось вроде
да что там — стопудово верилось мне
будто нету нежнее нег,
чем ныкаться с тобой в анфиладах
подворотен
и кутаться в ржавый снег.
Те дни, словно пальцы вонзались веером,
и ногти в спину,
и предки припрутся —
нас спалили скрипучие половицы
и сосед, слишком рано гулявший
с терьером.
Твой сильно расстроился, когда узнал,
что я тебя

в рот
в метро целовал.
не было драк, слез, причитаний
ты все рассказала папе и маме —
а они терпеть не могли городской суеты
я сопли мотал на кулак,
а ты
ты слезы вытирала кулаками.
Ты залетевши рвалась на крыши,
ты бросалась об лед и в пролеты лезла
сдувала полосы и срывала голос
я каждым волосом в ржавую зиму
выкрашенным
чувствовал твои закидоны и выкидыши
чувствовал,
но не знал, что так близко
знал, но был так далеко
зацепился бы языком
за твои скобы
и не отпускал бы
держал бы
тискал
стискивал
А мир разлетелся на пиксели-точки
года рассыпались в расстоянья и виды
тополя незаметно листья скидывали
как мы — ганджубас в унитазаы и форточки.
и перед тем как города укрощать
траффики ломать и расщеплять сутки
не читай на прощанье убогих граффити
на облезлых трансформаторных будках
знакомых спальных районов:
там саднят вмятины на асфальте
и пятятся эскалаторы
зацелованные

4

Нас пустые чужие столицы спешат
Разлучить, но на фишки прыткий
я тебе пару строк неумелых стишат
Черкну на дежурной открытке
Смешная нелепость письма писать
Владельцу айфона. Но может ты
Месяц-другой — улыбнешься нелепому
Ямбу из Воркуты.
Я конечно всего сказать побоюсь —
знать бы мне, сколько когда-то
Излитых томятся и тлеют чувств
Не дошедших до адресата.
Повторю в сотый раз, что все сложно
Опущу, что не пробовал я.
Отложу, как тысячи слов
лежат
До
востре-
-бова-
-ния.
Напишу бесполезно красивых
И бессмысленно вычурных строф
Наша жизнь словно Почта России
Цепь проё... и косяков

5

это не поэзия — так, поток сознания
но для приличия постараюсь наверное

в рифму
этими строками я сам себе на закляние
отдал: ставлю первое, что можно
в строфу приткнуть
пишу, что попало на оборотках
в случайной кафешке
потому что туплю опять на заданную тему
озарение, вдохновение, чудо —
надеждами тешу
себя — вдруг высеку искру, но опять —
ни му
ни хрю, а кроме анжамбеманов бродских
неизбывный глухой беспросветный ступор
лишь транжирю бумажные оборотки тупо
а по теме — ни образов, ни набросков
я хочу стихи про войну, про повестку,
про Новый Ларс
и Красный Лиман, что некуда ни драть
ни отступать, что одинаково в окопы ли
на нары
и на лапу нечего и стыдно за фарс
и за форс-мажор, а идти все равно
придется
потому что кому еще, родина, деды, ну
потому что россию ли, украину
лю — только так под собою и чую страну
вот скатился в пафос дешевый опять,
а хотел ведь поток сознания
и тошнехонько сразу: скомкать
картинно — и в Лету
как писать, куда ехать, что делать
не знаю
оборотки кончились, кофе
а искры нету

6

вселенная сжималась вокруг моей
неудобной кровати
ты парила, сшибая с орбит дорожные
спутники
и болтались вокруг, отвлекали
и маялись будни
тусклым маятником
как на цепочке твое распятие.
ты ловила его и стыдливо за спину прятала
меж лопаток украдкой
и снова моя
и планета опять ходуном.
но оно по цепочке опять скользит,
бесноватое
и ну плясать между нами
худым золоченым христосиком.
между нами и так бытие навалило
по самое хватит
обязательства
роли
предрассудки
стереотипы
мы шатаем устои в моей неудобной кровати
как бы вместе
и я тупо люблю тебя
типа.
пляшет виттом святым на цепочке
бабушкин крестик
во все стороны мечется, окаянный,
попеваает по всем фронтам

мы отступаем, отстреливаемся,
держимся вместе
запускаем спутники.
да куда там...
и еще не проживши всего уже
мучительно больно —
что ни книга — ересь
что ни мысль — кощунство
что ни встреча — грех
в журналистской курилке нашей
до того намолено
что хоть вешай топор
хоть вешайся
хоть пляши от бессилия на алтаре.
и когда над моей кроватью опять
сожмется вселенная
и опять снизойдет на меня твой
бабушкин бог
я поймаю ртом его, рвану зубами,
поперхнусь, глотая
я спасил его и сохранил
да тебя не смог

7

Бегичев
Чекин
Чичагов
Челюскин
первопроходцы земли русской
честные северные че гевары
пусть не известные на земном шаре
хоть незнакомые во всем мире —
увековечены здесь, на Таймыре.
Было прорваться к нему непросто
этот огромный седой полуостров
льдами закованный по границам
скалами жалил
давил торосами
Лаптевых, Прончищевых, Вилькицких
Помнит полярная строгая карта
пальцев тепло, что ее чертили
все кириллические закорючки
почерк озябший
оттиски нарты
Прончищев
Лаптев
Чекин
Челюскин

В

ПРИЗРАК ГОРЫ МАНАРАГА

Александр БОЛЬНЫХ

Член Союза писателей России
с 1993 года.
Лауреат литературной премии
им. Александра Беляева.
Родился 1 февраля 1954 года
в Таллине.
Живет в г. Екатеринбурге.

Безмолвно и неподвижно, словно огромный красно-бурый утес, он стоял, пристально оглядывая свои владения. Маленькие глаза видели плохо, поэтому он больше полагался на запахи и звуки. Он еще мог различить лося или кося, когда те неосторожно выходили на открытое место из зарослей, но мелких зверей уже если и видел, то смутными тенями. Вот и сейчас он стоял неподвижно, глядя на поднимающуюся впереди пятипалую вершину, напоминающую когтистую лапу. Она манила, притягивала к себе, однако он прекрасно помнил, что однажды уже побывал в этом месте, и второй раз идти туда не стоит, осторожность и память удерживали его. Память? Кто говорит, что у него нет памяти?

Он стоял на самом краю скального уступа. Внизу вилась долина, скалы рассекала широкая трещина, по которой он и поднялся наверх. Уступ порос густой мягкой травой и пестрыми цветами, но его не трогали эти красоты, разве что мелькала странная мысль разлечься и погреться на солнышке. Лето в этих краях недолгое, нужно успевать воспользоваться теплыми днями, июль уже шел на убыль.

Он с хрустом потянулся, скребанул когтями землю. По правилам следовало пометить место, потершись загривком и дерево, поставить повыше заметную отметину когтями, чтобы знала лесная мелочь, кто здесь настоящий хозяин. Однако он и не помнил уже, когда в последний раз встречал здесь себе подобных, а ради волков каких-то стоит ли утруждать себя?

Он рыкнул довольно и, не спеша, начал спускаться в долину. И вдруг резко остановился, потянув

влажным черным носом. Запах! Знакомый... Он волновал, но не вызывал никакой тревоги, потому что сразу узнал виновника. Если бы он только мог, то рассмеялся бы, а так лишь фыркнул пренебрежительно. Повертел лобастой головой, пригнувшись, чтобы точнее определить, где сидит этот нахал, а потом злое, как отдаленный гром, рычание вырвалось у него из груди. Кто смеет становиться на пути владыки этих мест?

Ответом стало раздраженное шипение. Это что? Вызов? Он никак не мог с этим примириться, глаза зажглись красным огнем, и он рывком так, что эхо прокатилось по долине. В ответ слышался истерический взвизг, и крупный рыже-серый котенок с кисточками на ушах чуть не кувырком скатился с дерева. Втянув голову в плечи, искоса оглянувшись, неуверенно мявкнул и припустил со всех лап побыстрее да подальше. То-то! Не рыси становиться поперек дороги хозяину. Можно было бы попробовать догнать его, только зачем?

Он даже не думал прятаться. Стоял и красовался на солнце, ничуть не заботясь о том, что кто-то может его увидеть? Кто?! Он не прятался. Стоял, рисуясь на фоне гор. Размеры его были просто чудовищными, какой-то оживший колоссальный гранитный валун, только лоснящаяся шерсть отливала на солнце золотисто-коричневым блеском. Лапы были толщиной с человеческий торс, если не еще толще, кривоватые черные когти длиной в пядь взрезали землю, точно ножи. Маленькие глазки видели неважно, он больше полагался на слух и нюх. Верхние клыки имели длину два вершка, а мо-

гучие челюсти могли перекусить ногу лосю.

Неприступные вершины гор вздымались в небо, однако он их почти не различал, так, смутная черная тень на голубом фоне. Только заветная пятипалая вершина была видна совершенно отчетливо, он не задумывался почему, просто принимал, как должное. Сильный, одинокий, величественный, он был под стать суровым северным горам. Таким его создал Торум, чтобы равных ему не было ни в долинах, ни дальше, в темных лесах. Медведи, лоси, рыси, волки какие-то... Он их презирал.

Любой, кто осмелится бросить ему вызов, был обречен. Ни одна схватка не была длительной, исход всегда был одинаковым – смерть наглеца или неосторожного, по неразумию оказавшегося на пути властелина. Горный дух царил здесь, в долинах, на склонах гор, в близлежащих лесах сотни лет, и всё живое было покорно ему.

Вдруг он ощутил еще один запах. Порыв ветра принес что-то смутно знакомое, только он никак не мог вспомнить, кому запах принадлежит. Его ненавидели, как тот же кот, перед ним трепетали, как тот же кот, а вот он сам оставался равнодушным. Но что сулит этот новый запах? Если бы он мог, то пожал бы плечами, однако выяснить все-таки требуется. Запах не находил себе названия и не вызывал никакого определенного образа. Угроза? Нет, не угроза.

Какое-то время он сидел неподвижно, словно чудовищное извращение. Но потом ветер переменялся, запах начал слабеть и исчез совершенно. Приподняв уши, он прислушался, но ничего не услышал. Медленно повернулся, оглядывая вокруг – никого и ничего. И теперь, когда воздух был снова чист и свеж, он сразу забыл этот странный запах. Он опустил на четвереньки и бесшумно двинулся вперед.

Вдруг перед глазами мигнула ослепительная вспышка, раздался резкий отрывистый треск. Он невольно шарахнулся назад...

Тьфу! Черт бы всё побрал! Отставной секунд-майор слегка дрожащей рукой вытер вспотевший лоб. Бабушка, бабушка, тяжелое ты наследие оставила. С одной стороны, вроде бы и хорошо, полезно, много прибытков дало, но с другой эти видения, когда он сам начинает сомневаться: а не в бесовского ли оборотня его это наследие превратило? И Ваньку жалко, сейчас он сам всё на себя берет, а что будет потом, когда его не станет? Неужели сыну на плечи вся эта тяжесть рухнет, выдержит ли он? Ведь ума лишиться от таких картин запросто можно. И ведь наверняка он что-то уже чувствует, только скрывает, что именно. Впрочем, и сам секунд-майор в свое время батюшке рассказал, лишь когда тот к стенке припер, да и то далеко не обо всем рассказал, стыдно было. Так что и Ванюша наверняка о чем-то умолчит. Хотя, пока не время ему в душу лезть или рассказывать, что, откуда и почему. Одно знакомство с хозяином Камня чего стоит, никак ведь не определить, к добру такое или к худу. Пока помогает, а вдруг как-нибудь плату за это требует, и еще неизвестно, какой та плата будет.

Секунд-майор вздохнул тяжело, но тут же по-простецки хлопнул себя по лбу. Как же он мог забыть про странный запах. Вот ведь паршивцы, никак не успокоятся, что с ними не делай. Услышав, о чем они шепчутся, едва не рассмеялся.

– Трус ты, Никишка, никогда ни в жисть не решишься.

– Сам ты, Антипка, такой! Только болтать можешь, а залезть, так сразу в сторону. Ни разу тебя там не видели. Всё тишком да молчком.

– А чего? Я ничего, не боюсь его, и всё тут.

– Самого Дикого Барина не боишься? Ну, ты сказал.

– Чего бояться, – неуверенно промямлил Антипка. – Барин как барин.

– Говорят, что он медведем может оборачиваться, – втянув голову в плечи, прошептал Никита. – Перевернется через шкуру медвежьей и превратится. Вот по-

падешься ему тогда и помолиться не успеешь. От того и прозвание такое получил, а как его зовут, никто даже и не упомнит.

– Ты еще скажи, что он настоящий Медведко, выше пояса человек, ниже пояса медведь.

– Не поминай к ночи, – одернул приятеля Никита. – Ладно, хватит лясы точить. Идем или не идем?

– Может, не стоит? – засомневался вдруг Антип.

– Ты же сам меня подначивал, а сейчас на попятную?

– А, идем, – решился Антип, отчаянно махнув рукой. – Уж больно яблоки в господском саду сладкие. Собак Дикий Барин отроду не держал.

– То-то и оно, не любят собаки медвежьего духа, – тихо прошептал под нос Никита, чтобы только друг не услышал.

Перемахнуть невысокую изгородь труда не составило, Дикий Барин не слишком берег свой сад. Похоже, он надеялся, что дурная слава будет охранять его сад лучше высоких заборов и злых собак. Только крупные, сладкие яблоки помогали мальчишкам побороть страх, слишком силен был искус. А больше того хотелось свою личость показать, чтобы деревенские мальчишки уважали больше. Две юркие фигурки, сторожко прислушиваясь, перемахнули изгородь и, пригибаясь, пошли к деревьям. Антипка сослепу ткнулся лбом в корявую ветку, зашипел от боли, хорошо еще глаз не выколол. Никита шикнул на него, чтобы аккуратнее был и не шумел попусту. Есть собаки – нет собак, только опасаться всё равно следовало.

– Вот они, – прошептал Никита, еще днем присмотревший деревья, на которых зрели круглые сочные яблоки. – Не надо однако идти, заплутаем, и опасно оно как-то.

Они принялись рвать яблоки, складывая их за пазуху, только на всякий случай пришлось потуже штаны подпоясать, чтобы добыча не вывалилась. Вдруг Антипка дернулся, ему почудился какой-то странный звук, не то шорох, не то хруст. Нет, не почудился! Вон, красные глаза светятся и со-

пит кто-то преужасно, большой и злобный, сразу понятно.

Взвизгнул тоненько, повернулся и пустился со всех ног. Однако чудом каким-то на деревья не налетал, глаза себе об ветки не выколол. Опаматовался уже далеко за изгородью, почти на окраине деревни. Остановился, почуял, что что-то здесь не так и побагровел, аж ушам горячо стало. Портки-то мокрые насквозь! Хорошо – ночь, не видит никто. Ой, ошибся...

Рядом засопели, Антипка дернулся было дальше бежать, да опомнился. Так это же Никишка! Посмотрел на приятеля и едва не засмеялся. А портки-то и у него не сухие, придется сейчас на речку топтать, позор смывать. Вот только яблок так и не добыли. Хотя нет, одно за пазухой таки завалилось.

А секунд-майор, стоя у окна, смеялся в голос. Так им паршивцам мелким и надо. Хотя, пусть их, если еще раз осмелятся, не будет больше их пугать. Сам ворованные яблоки в детстве любил. Он тяжело вздохнул, как-то неловко на сердце стало, от Ванечки никаких известий, всё ли ладно у него? Кому-то его благородие господин поручик, а для него всё равно мальчик Ванечка.

– Иван Николаевич, что с тобой? – потрясли его за плечо.

Он очнулся, протер слегка дрожащими руками глаза, помотал головой, окончательно приходя в себя.

– Что-то муторно мне, Алексей Назарович. Давит что-то нехорошее.

– Ну, это всегда перед боем бывает, особенно перед первым, – многозначно успокоил его приятель.

– У тебя-то самого который по счету, Лешка? – не смог удержать смешка Иван. – Давно ли ветераном стал?

Подпоручик помялся, потом ответил:

– У меня первый.

– А у меня не первый! Я в Финляндии в девятом году был.

– О чем беседуете, господа? – прозвучало вдруг из-за спины.

Они дружно обернулись и вскопили, увидев капитана Андреева, но тот лишь рукой махнул.

– Не нужно, не тянитесь. Вы что плац-парад где-то увидели? Мы в походе, да и лес вокруг, как бы вам волков не перепугать. Давайте без чинов и потише.

Услышав про волков, оба молодых офицера невольно дернулись и переглянулись.

– И вы поверили в эти мужицкие сказки? – как-то невесело усмехнулся капитан.

– Как не поверить, – угрюмо пробурчал подпоручик Филиппов. – У нас уже два покойника за последнюю неделю. Причем вы, Иван Афанасьевич, прекрасно знаете, что они не застрелены и не зарублены. Загрызены! – он невольно дал петуха.

И действительно, что-то неладное творилось в последние дни вокруг. Витебские леса густые и дикие, хотя они не ровня мрачным и угрюмым уральским. Да и Беловежская пуца пострашнее будет, только это всё слова, а вот когда утром труп караульного находишь, все слова разом из головы вылетают.

Исправные солдаты были, поручик Телепнев мог за то головой поручиться, но ведь кто-то же напал! В полку хватало солдат, набранных в пермской губернии, многие привычны были к лесам и охоте, но ведь не сумели совладать. Когда Иван увидел первый труп, у него в голове помутилось, комок к горлу подступил, и он самым немужественным образом в кусты сбежал, где его долго и мучительно выворачивало.

Тело солдата было всё изувечено и лежало в луже еще не до конца засохшей крови. Раны были страшные, глубокие, сразу понятно было, что человека терзал впавший в бешенство огромный дикий зверь. Горло солдата было вырвано, а правая рука просто откушена в локте и валялась рядом. Непонятно лишь, откуда здесь могло взяться такое чудовище. Офицеры гадали, кто это мог быть. По всему выходило, что зверь никак не меньше тигра, которого кое-кому привелось видеть. Но ведь под Витебском самый страшный хищник – это волк, а он всяко меньше полосатой кошки.

Если первый случай кое-как удалось замять, то после второго в полку началось что-то вроде легкой паники. Шеф полка князь Гурьялов настрого приказал офицерам пресекать панические слухи, но справиться с ними никак не получалось. А тут еще и священники подложили офицерам изрядную свинью. Они на всех углах кричали, что узурпатор Бонапартий суть воплощение антихриста, явившийся покарать грешников, нетвердых в вере. Имя «Наполеон» сравнивается с ангелом бездны Апопилоном, о котором повествуется в «Откровении Иоанна Богослова». Наполеон должен сокрушить «Цареградскую державу» и занять Иерусалимскую землю. Большого вреда измыслить было трудно, солдаты начали откровенно бояться ночных караулов, да и в дневные ходили с великой неохотой. Они страшились удаляться от лагеря, даже кулаком в зубы не всегда получалось их заставить. Его превосходительство ругался страшно, однако и он ничего не мог поделывать. После долгих споров и ругани до хрипоты решено было ставить дозоры не менее как по три человека и проверять их как можно чаще. На время паника улеглась, но вот страх потаенный никуда не делся.

Капитан дернул щекой и продолжил:

– Нам придется схватиться с королем Неаполитанским. Наши казачьи пикеты видели французские разъезды, даже поймали одного лейтенанта, вот он и рассказал про Мюрата. Тоже самозванец, но кавалерист знатный.

– Да, взлетел он высоко, Бонапартий тот хоть дворянин, пусть и мелкопоместный, а этот из трактирщиков в короли махнул, – подпоручик даже не попытался скрыть зависть. – Вот бы...

– Но-но! – погрозил капитан. – Не нам оспаривать божественные установления, король есть помазанник божий, а всё прочее от лукавого, что Бонапартий и делает. Не для России это вольнодумство!

– Так-то оно так, – тяжело вздохнул подпоручик.

– Ладно, спите, завтра будет жаркий день, – капитан встал.

Иван молча кивнул и подбрoсил валежника в костер. А ночью ему привиделся всё тот же сон-морок, вспомнился поход на север по Урал-камню, в который отправил его батюшка, сказав, что получит там дар, заповеданный от предков. Вот только не спросил сына, нужен ли ему этот дар, прабабка ведь была язычницей, это он точно знал. Хоть и крестил прадед дочку тойона иноподродческого, чтобы жениться на ослепительной красавице, только ведь не стала она настоящей христианкой, как веровала в духов и колдунов, так и не поменяла веру. Да и сама колдуньей была знатной, от нее дар потомкам перешел. Для пробуждения его нужно было сходить до горы, называемой Манарага. Она была отмечена ударом лапы Небесного Медведя, и там следовало ждать, проявят духи свою волю или нет. Батюшка говорил, что не каждому они являются и одаряют, потому как не всякий достоин. Иван вот получил, и не понимал, что ему с этим даром делать. Батюшка только смеялся да говорил: «Как время придет, сам поймешь».

Правда, Иван приноровился девок купающихся пугать. Спрячется в кустах поодаль да рыкнет по-медвежьи. Вроде бы и негромко, только девки визжать заполошно начинали и бежали врассыпную – смешно ведь! Да и посмотреть было на что, они с перепугу одежду на берегу забывали. Хотя все это детские забавы были, баловство, сам не очень понимал, как оно получается.

Гораздо больше надежд он возлагал на батюшкин подарок. В свое время секунд-майор сумел выписать из Англии предиковинную штуку – скорострельный штуцер мастера Фергюсона*. Заплатил, правда, за него золотом, но ни разу не пожалел о том, а уж как он сумел уговорить англичанина продать его, ни слова не сказал.

*Первый в мире скорострельный казнозарядный штуцер, сконструирован в 1775 году английским майором Патриком Фергюсоном. Из-за сложности производства и дороговизны в массовое производство не пошел. По скорострельности, меткости, дальности боя значительно превосходил обычные пехотные гладкоствольные ружья.

Только улыбался и отмалчивался. И правда, оружие было знатное, дорогое и очень редкое – ствол красного булатного железа, ложе полированного ореха. Но главное – стрелял штуцер вдвое дальше обычного пехотного ружья, и даже поначалу Иван успевал сделать шесть выстрелов в минуту, а как наловчился, так и еще больше. Ни пехотинец со своим ружьем, ни тем более егерь с обычным штуцером с ним состязаться не могли. Правда, батюшка строго-настрого приказал в рукопашную с ним не лезть, потому что хрупкая вещь была, при лихом ударе легко по затвору переломиться могла, не смотря на булат. Батюшка весьма отличился в последнюю турецкую войну при штурме Очакова, отстреливая пашей и янычар, за что сам Суворов пожаловал ему орден Святого равноапостольного князя Владимира четвертой степени с мечами. Батюшка очень им гордился. А штуцер отдал Ивану, когда тому пришло время в армию отправляться, правда, пока достойных целей он не видел. Офицеры в полку завистливо косились на штуцер, но просить не смели, понимая – семейная реликвия, такие не продают ни за какие деньги. Кстати, Иван не раз и не два просил перевести его в егерский полк, там он со своим штуцером был бы очень полезен, но командир дивизии раз за разом оставлял его просьбы без последствий.

Король Неаполитанский, маршал Франции, зять Наполеона Иoaхим Мюрat был недоволен. Поход в Россию шел совсем не так, как хотелось императору и его маршалам. Русские упорно не желали принимать бой, который мог закончить войну в один день. Мюрat командовал кавалерией, шедшей в авангарде Великой Армии, и уже удостоился жестокой выволочки от императора. Он опоздал захватить Вильно и тамошние продовольственные склады, которые были уничтожены.

Вообще эта война не походила ни на одну из прошлых. Армия попала в неизвестную, чужую страну. Неширокие дороги извивались в густых, высоких, не-

проходимых лесах. Страна обезлюдела, армия входила в пустые деревни и селения, где ее встречали черные глазницы покинутых домов. Жители бежали и прятались в чащах, уводя с собой скот, они жгли и уничтожали всё, что могли захватить французы. Это была совершенно неправильная война!

Мюрat посмотрел на сидящих за столом своих генералов. Нансути, Сен-Жермен, Брюйер, Шастель – опытные вояки, прошедшие рядом с императором десятки сражений, сейчас тоже были невеселы. Всё шло наперекосяк. Не было сражений, не было побед, не было славы. Была жара и бескормица, которая каждый день косила кавалерийские дивизии не хуже русских пуль. Пустая грязная хибара никак не подходила королю, но другого жилья адъютант не нашел. Даже хорошее бордосское вино не скрашивало уныние.

– Чертова страна, чертова война, – брюзгливо сказал Нансути.

– Мне начинает казаться, что мы гоняемся за призраками. Бесполезная и бессмысленная погоня.

– Не падайте духом, генерал, – Мюрat постарался, чтобы его голос звучал уверенно, хотя сам он этой уверенности не испытывал.

Сен-Жермен хорошо отхлебнул из бокала и хотел что-то сказать, но не успел. Негромкий, протяжный, невыразимо токсичный вой влетел в окно и заполнил комнату. Он начался с жалобного стога, но постепенно нарастая, перешел в глухой рев, а потом понемногу затих. Мюрat невольно вздрогнул, почувствовав, как по спине прошелся холодный вихрь. Он не боялся ничего, ну почти ничего, хотя как всякий гасконец был немного суеверен.

– Что это?

Брюйер усмехнулся.

– А это у Шастеля надо спрашивать, где он отыскал это чудо.

– Какое? – не понял маршал.

– Сторожа, – уклончиво ответил Шастель. – Мне его в Лангедоке подарили, маркиз д'Апше.

– Тот самый? – удивился Мюрат.

Шастель вместо ответа лишь пожал плечами.

– А вы, часом, не родственник тому Шастелю? – заинтересовался Нансути.

– Нет, я родился в герцогстве Савойском, – сухо ответил генерал.

А на следующее утро трясущийся, как осиновый лист, прапорщик рассказывал, что случилось с его дозором. Опаски ради, они развели большой костер, никто даже и не думал спать, все жались к огню. Известно ведь, что дикие звери боятся жаркого пламени, но, как выяснилось, не все. Неожиданно из темноты вынырнуло настоящее исчадье ада. Огромная тварь, похожая на волка, только размером с корову, с очень широкой грудью и вытянутой мордой. Глаза огнем горят, из пасти торчат длинные клыки, шерсть серая, но с темной полосой по хребту.

Тварь бросилась на солдат так стремительно, что никто сначала даже шевельнуться не успел. Зверь схватил ближайшего за ногу и потащил за собой в кусты. Человек кричал и пытался вырваться – напрасно. Потом зверь встряхнул добычу и перехватил солдата за горло, крики сразу стихли. Опомнившиеся дозорные выстрелили, только пули отскочили от шкуры зверя, как от камня. Прапорщик плакал и тряс своим пистолетом, повторяя: «Я стрелял... Честное слово стрелял...» Потом зверь схватил тело поудобнее и скрылся в темноте, искать солдата ночью никто не посмел. Утром командир роты послал на поиски целый взвод, иначе солдаты просто отказывались идти, а ведь ротному объясняться и с командиром батальона, да и с командиром полка. Довольно быстро посланные нашли место кошмарной трапезы. На сей раз зверь не просто убил солдата, он его сожрал почти целиком, остались несколько костей и обглоданные руки. Поколебавшись, командир полка решил все-таки не предавать огласке то, что случилось, перед сражением это было бы совершенно неуместно.

За завтраком офицеры не столько ели, сколько обсуждали ночные события. Все ведь отлично знают, что наедаться перед боем – желать смерти самому себе. А ну как штыком попадут в живот? Да и пулей ничуть не лучше, но пустые кишки хоть какой-то шанс дадут. Зато фляжки ходили по рукам, это ведь полезно для нервов.

– Нет, господа, что бы вы ни говорили, только здесь наверняка нечисто, – хлопнул носом прапорщик. – Определенно здесь нечистая сила отметилась. Дикая охота...

– Егор, брось, – снисходительно возразил капитан Андреев, подметив, что прапорщик немного поплыл. – Мы ведь не темные крестьяне, которым что батюшка скажет, в то они и верят. В наш просвещенный девятнадцатый век образованному человеку, офицеру, верить в нечисть просто неприлично даже. Ты же не думаешь, что Бонапартий воистину антихрист, пришедший со своими чертями. Зато подлomu сословию очень даже полезно так думать.

– Так оборотень же это! Верно вам говорю, оборотень! – прапорщик даже петуха дал. – У нас на черниговщине такие встречаются, не часто, но и далеко не редко.

– А, ты же у нас из Малороссии! – улыбнулся подпоручик Войнович. – Там у вас эти, как их... – Он пощелкал пальцами. – Среди казаков... Черт, забыл.

– Характерники, – ответил Хоменко. – Они могут оборачиваться волками и рыщут по степи. Запросто глаз отвести могут, и не только от себя, но и ватагу небольшую укрыть способны. Проползет такой во вражеский лагерь, всё высмотрит, да своим расскажет, чтобы знали куда и как бить. И железа он не боится, рукой саблю остановить может. А еще зачаровать врага может так, что каждый перед собой свой самый потаенный страх увидит.

– Да уж, наговорил ты, Егорий Петрович, – немного нервно произнес Войнович и головой закурил, оглядываясь, словно боялся кого увидеть.

Остальные офицеры посмеялись немного, только не слишком веселым смех был.

А вот Иван не смеялся, ему сразу вспомнилось прошлое, давнее и не очень. Да, в детстве любил он пугнуть ребятишек сельских, не со зла, а просто пошалить хотелось. Только не превращался он ни в кого, не превращался! И батюшка иногда прабабкиным даром пользовался, но тоже не всерьез.

Зато во время Финляндской войны выпал случай, когда пришлось поработать ему в полную силу, только совершенно не в радость это стало. Как та деревня называлась? Не помнит, да и черт с ней.

Шведские солдаты появились перед лесом неожиданно – вот никого не было, и вдруг возникла одна цепочка, за ней вторая. Ротный едва успел солдат построить. Пройдя немного, шведы остановились, отделилась небольшая группа, отошла чуть в сторону и вскинула ружья. «Проклятье, это же чухонские стрелки», – прошипел ротный. Это было плохо, даже очень плохо. Финские чухонцы уже не раз доказали, что стрелять они умеют прекрасно, недаром их шведы штуцерами вооружали.

Взлетели дымки, и несколько солдат упало. Ротный выругался, стало видно, как чухонцы торопливо заряжают штуцера, а вот шведские шеренги не двигались. Иван торопливо вскинул свой штуцер, выстрелил. Один из вражеских егерей упал. Он поспешно, даже руки тряслись, перезарядил штуцер, снова выстрелил, и снова попал. Вот когда пригодился папенькин подарок! Иван стрелял впятеро быстрее чухонцев, и группа егерей начала таять. Русские солдаты смотрели на Ивана с испугом, а кое-кто и рот разинул. Он сам ничего не видел и не слушал, кроме крошечных фигурок на опушке. Передернул скобы, открыл затвор, пулю в ствол, сыпанул порох, снова дернул скобу, закрыв затвор. Выстрел. Еще один чухонец падает. Отличное ружье сделал мастер Фергюсон.

Чухонцы падали всё чаще и чаще, они уже перестали отстреливаться. Со стороны шведов долетели истошные вопли, шеренги шведкой пехоты, а следом и оставшаяся горстка чухонских егерей

откатились к деревьям, однако в бегство не обратились. Оттуда вдруг долетел страшный звериный рев, и снег взвихрился смерчем, который поднимался все выше. По ушам ударил резкий визг, а среди деревьев появилась исполинская фигура, впятеро выше самой высокой ели. Русские не выдержали, судорожно крестясь, они начали пятиться, а самые малодушные и вообще назад побежали. Только ротный да Иван остались стоять на месте, хотя ротный побелел и губу до крови прокусил.

Иван понял, что сейчас ему придется пустить в ход прабабкино наследство, и не шутейно, как раньше делал, а во всю силу. Это не девок крестьянских на пруду пугать, силу против силы нужно поставить. Только сумеет ли Манарага одолеть чухонских колдунов?!

Он бросил штуцер и поднял руки, перед ним возникла белесая полупрозрачная стена, и рев лесного чудища стал тише. Стена медленно поползла к опушке, и чудище лесное не выдержало, закрутилось вихрем и улетело куда-то в небо, растаяв без следа. Потом стена исчезла, и оказалось, что шведов тоже и след простыл.

Иван вдруг понял, что мир перед глазами выцвел, в одно мгновение потерял краски. Он повернулся к ротному, но тот шарахнулся от него, истово крестясь. Много времени потребовалось, чтобы собрать разбежавшихся солдат, кое-кого и недосчитались, но обвинять в дезертирстве ротный их не захотел. Понадеялся, что со временем вернутся, не каждому по силам такое испытание выдержать.

Зато Ивану он дал отличную рекомендацию и приказал от роты отбыть немедленно, сказав, что колдунов ему не нужно, постарается сам обойтись. Ведь именно из-за Ивана на роту едва не напал чухонский леший Хийси прозвищем. Конечно, Иван молодец, прогнал порождение нечистого, но лучше было не вызывать, однако он постарается добиться, чтобы Ивана произвели в новое звание. И действительно, за отличие в делах против неприятеля Иван вне

очереди получил звание поручика. Он попытался было добиться службы в егерях, где его штуцер пригодился бы лучше всего, но не получилось, определили в Екатеринбургский мушкетерский полк, благо, сам он был родом из Пермской губернии.

Генерал Остерман-Толстой получил приказ не допустить прорыва французов к Витебску. Дорога петляла по лесной просеке, перекрыть которую было более чем легко, но генерал решил, что русскому воину невместно прятаться от врага в лесу, и вывел свои две дивизии на опушку, развернув их, соответственно, в две линии. Екатеринбургский полк занял место на крайнем правом фланге позиции во второй линии, где стояла дивизия генерала Бахметьева. При этом солдаты то и дело опасливо оглядывались назад, явно ожидая появления чудища, хотя оно ни разу еще не пыталось нападать днем.

Иван зябко поеживался на утренней прохладе и даже позевывал слегка, но штуцер свой проверил тщательно и зарядил. Правда, из второй линии стрелять было не в кого, однако он, испросив разрешения у ротного, прошел в первую линию. Чужие офицеры косились на него, но ничего не говорили, потому что французы пока ничего не делали. Левее городка Островно они выстраивали свою кавалерию, но не двигались с места. Можно было полюбоваться всадниками в цветастых на прекрасных конях. Ближе всего к правому флагу русского корпуса стояли кирасиры, что вызвало недовольное перешептывание офицеров.

Пока что французы начали выдвигать вперед артиллерию. Иван прикинул расстояние – далеко даже для его штуцера. Видимо, офицеры чужой дивизии заметили, как он присматривается, и послышались приглушенные смешки. Ну да, они судили по своим солдатам, стрелять так далеко никто из них не мог. Иван поддался внезапно вспыхнувшему раздражению, прицелился как можно тщательнее и выстрелил. Один из кирасиров в передней шеренге

взмахнул руками и вывалился из седла.

– Ого! С такого расстояния попасть...

– Невозможно.

– Но вы сами видели, господа.

А Иван покраснел, потому что целился он совершенно в другого человека. За спиной послышалось вежливое покашливание. Он повернулся, перед ним стоял незнакомый майор.

– Господин поручик, извольте вернуться к своим солдатам, – проскрипел майор раздраженно. – Екатеринбургский полк, как вижу. Вот и отправляйтесь во вторую линию, вас, наверное, уже потеряли. Здесь вам не охота на французов, а регулярное сражение! Каждый офицер должен быть на своем месте, а не где ему вздумается.

– Слушаюсь, господин майор, – вздохнул Иван.

Вернувшегося Ивана встретил насмешливой улыбкой майор Издемиров.

– Ну что, господин поручик, славно поохотились?

– Одного кирасира таки подстрелил.

– Вот потому и не буду наказывать за недозволенную отлучку. Но на будущее советую запомнить: здесь вам не дикий Уралкамень, а императорская армия, и самовольства я не потерплю. Извиняю из снисхождения к вашей молодости и неопытности, хотя вы давно не зеленый прапорщик, это не первый ваш бой. Но далее буду спрашивать по всей строгости, запомните.

– Слушаюсь, господин майор.

А что еще оставалось сказать.

Сражение разгоралось понемногу, но пока действовала артиллерия и полки первой линии дивизии генерала Лаврова. Екатеринбургскому полку оставалось только стоять и ждать, пока наступит его час. Французские кирасиры попытались было атаковать как раз правый фланг русских, но пехота открыла такой жаркий огонь, что они предпочли повернуть обратно.

– Этак до нас дело вообще не дойдет, – кисло заметил прапорщик.

– Успокойтесь, Егорий Петрович, дойдет, еще как дойдет. Французы – вояки упорные, а это только разведка, а не бой, – ответил капитан. – Я с ними встречался, знаю. Хлебнем еще горячего.

И действительно, русские драгуны попытались было обойти французов с фланга, но сами были остановлены фланговым ударом польских шеволежеров, покатались назад в полном беспорядке и едва не опрокинули свою же пехоту. Всё это происходило на противоположном фланге, и было с трудом видно сквозь пелену дыма, поднимающуюся над полем боя. Артиллерийская дуэль становилась всё жарче и жарче. Видно было, как в дыму полыхают языки выстрелов, и тут же рядом взлетают столбы дыма от разрывов бомб. Вот взлетела и перевернулась в воздухе пушка, подброшенная прямым попаданием. А через несколько минут на позиции батареи поднялся огромный столб пламени, окруженный вихрями черного дыма – это бомба попала прямо в зарядный ящик, разметав всё и всех. Но это происходило на русских батареях, что творилось вдалеке на французских, никто не видел за дымом.

Очень быстро умолкли все русские пушки – у них или поломало лафеты, или перебило прислугу. Ядра били в землю, засыпая солдат щебнем и кусками земли, выли над головами. Если бомба попадала в ровную шеренгу пехотинцев, изломанные, искалеченные тела летели в стороны. Однако, повинувшись команде, смыкали строй и ждали новой бомбы.

Офицеры мрачно переглядывались, было похоже, что перевес клонится на сторону неприятеля, однако, скованные дисциплиной, были вынуждены ждать, скрипя зубами от бешенства. «Что делать? Стоять и умирать!» – таков был приказ командира корпуса Остермана-Толстого. А тут еще французские стрелки выдвинулись вперед и начали осыпать русских градом пуль. Генерал приказал отогнать их, но двинувшиеся вперед батальоны были опрокинуты французской кавалерией, которая в запале ворва-

лась даже на позиции артиллерии и едва не захватила две пушки. С большим трудом удалось отогнать неприятеля.

– Что делается?! Что делается?! – рычал подпоручик Филиппов.

– Успокойтесь, Алексей Назарович, – прошипел Иван. – Солдаты же слышат, не давайте волю нервам.

Хотя, сказать по правде, спокойствие его было напускным, внутри klokотали смесь злости и страха. Поэтому все испытали облегчение, когда примчался послынный и сообщил, что Остерман-Толстой приказал двигаться вперед, чтобы ударить по французам и с другого фланга. Правда, Иван сразу засомневался, стоит ли такое делать. Ведь прямо перед ними маячили всё те же самые кирасиры, никогда еще пехоте не приказывали атаковать тяжелую кавалерию. Смахивает на самоубийство. Но, как говорится, наше дело служивое, нам приказывают – мы исполняем. Командир корпуса лучше знает, что следует делать. Впрочем, большой радости на лицах офицеров он не увидел. Видимо, чтобы подбодрить солдат, пришел командир бригады генерал Окулов и стал рядом с шефом полка генералом Гурьяловым. Они решили, что сейчас их место именно здесь, где опасность больше всего.

Сухо ударили барабаны, и полк зашагал навстречу смерти. К удивлению Ивана, французы сначала даже не стреляли по ним, а потом стало уже поздно. Кирасиры стронулись с места. Это было бы полбеда, если бы полк должен был отбить атаку кавалерии, построились бы в каре и встретили врага штыками. Конечно, тяжелая кавалерия и в этом случае имела бы шансы на успех, но гораздо меньше. А вот развернутые шеренги могло спасти только чудо.

Впереди всадников, одетых в стальные кирасы и сидящих на огромных конях, мчался человек в мундире, богато расшитом золотом. На его кивере трепетал султан павлиньих перьев, а на крупе коня вместо чепрака красовалась полосатая тигриная шкура. Это делало его похожим на циркового

артиста, а не генерала кавалерии. Он что-то кричал, иногда оборачиваясь к несущимся следом стальным шеренгам.

– Огонь! – истошно крикнул командир полка.

Солдаты на мгновение остановились, вскинули ружья и дали залп. Грохнули выстрелы, первую шеренгу окутало облако едкого дыма. Иван заметил, как несколько всадников упали, но это не остановило кирасиров. Разряженный всадник оказался совсем рядом. «Так ведь это сам Мюрат!» – промелькнула мысль. «Бейте каналей! Бейте!» – кричал король Неаполитанский. Французского Иван, понятно, не знал, если не считать ругательства. Он вскинул штуцер, однако король уже пролетел мимо него, и стрелять пришлось в какого-то усача, уже замахнувшегося тяжелым палашом.

А в следующее мгновение кирасиры врубались в шеренги полка, и начался сущий ад. На земле копошились и корчились в предсмертных судорогах люди и кони. Русские и французские ругательства, казалось, заглушали треск выстрелов. Окровавленный и поредевший Екатеринбургский полк держался из последних сил. Огромные кони топтали солдат, кирасиры стреляли в них из пистолетов в упор, рубили их палашами. Солдаты кололи штыками и всадников, и коней, кто-то даже пытался стрелять, но было понятно, что долго полк не продержится.

На Ивана что-то накатило, да так, что глаза затянула красная пелена. Он забросил штуцер за спину, дорогая же вещь, и схватил палаш убитого им кирасира. Потом заорал что-то непонятное и, размахивая палашом, точно дубиной, бросился на ближайшего всадника. Он сам не понял, что происходит, потому что конь жалобно взвизгнул. Встал на дымы и шархнул в сторону, выбросив всадника из седла. Этого не могло быть, но это случилось. Им овладело подлинное безумие, завывая нечеловечески, поручик кинулся на следующего врага. Но и тот не сумел справиться с конем, который понес его прочь, не дав схватиться.

Вдруг откуда-то из-за спины по полю прокатилась полупрозрачная мутная волна, и в небе раздался рев огромного зверя, медведя – не медведя, непонятно кого, чудища невиданного. Он становился все громче и громче, басовитее и басовитее, больно надавливая на уши. А потом вдруг смолк, растаял. Нет, он не затих постепенно, а оборвался внезапно, как отрезало. И в тот же самый миг ударило! Колдовство – не колдовство, нечто непонятное, так ударило, что в глазах помутилось, а по спине холодный пот ручьем потек. Иван стиснул зубы так, что они хрустнули, и удержался на ногах, хотя несколько солдат рядом с ним упали без памяти.

Зато кони кирасиров словно взбесились, и всадники никак не могли с ними совладать. Кто-то летел из седла прямо под копыта, кто-то, с трудом уцепившись за гриву, беспомощно мчался в тыл, это уже конь выбирал, куда ему скакать, а не всадник. Еще минута-другая, и окровавленная толпа людей, еще полчаса назад бывшая Екатеринбургским полком, начала отходить назад. А что? Приказ выполнен, неприятеля отразили. Последним скакал конь в тигровом чепраке, но без всадника.

– Божьим попущением уцелели, – пробормотал капитан Андреев, осторожно трогая окровавленную щеку. – И что такое с ними случилось? Не понять, кого-то испугались, но кого?

– Иван Афанасьевич, радуйтесь, что всё закончилось, и не задавайте ненужных вопросов, – запалено дыша, ответил Иван. – Не стоит пытаться объяснить чудеса.

А вечером по приказу командира корпуса дивизия генерала Бахметьева отошла на несколько верст к Витебску, перекрыв лесную дорогу. Эх, если бы они расположились здесь утром, не было бы этого кровавого кошмара, на узкой лесной дороге французская кавалерия просто не сумела бы вернуться.

Помятый и злой, Мюрат в разорванном и грязном мундире метался по комнате, ругаясь в голос. Генералы, стоящие перед ним,

сели, а не вытянулись в струнку, но всё равно помалкивали.

– Сен-Жермен, я вас спрашиваю, что произошло? Почему ваши кирасиры так позорно удрали?! Да и вы сами где были?

– Но ваше величество, вы же сами всё видели, вы были там же, где и мы все.

– Вы должны были нанести сокрушительный удар и опрокинуть русских, а вместо этого бежали.

Командовавший легкой кавалерией генерал Брюйер незаметно вздохнул. Его дивизия тоже сегодня действовала не лучшим образом, но все-таки добила кое-каких успехов. Зато кирасиры Сен-Жермена, если говорить прямо, опозорились, поэтому Сен-Жермен, Брюно и Бессьер скромно помалкивали.

– Кстати, а почему я не вижу генерала Кёно? – Мюрат остановился перед Сен-Жерменом, пристально глядя на него.

– Бригадный генерал Кёно... – Сен-Жермен ненадолго замаялся, – немного пострадал во время атаки.

– То есть, он тоже вылетел из седла, как и другие?! – вскипел Мюрат. – И это лучшая кавалерия империи! Ветераны не держатся в седлах как... Как... Как моряки, вчера впервые увидевшие лошадь!

– Ваш конь, ваше величество, благополучно вернулся в лагерь, – постным голосом сообщил Брюйер, который недолюбливал бывшего трактирщика.

Это вызвало новый припадок ругани, однако потом Мюрат неожиданно успокоился.

– Давайте все-таки попытаемся понять, что именно произошло.

А произошло нечто совершенно непонятное. В тот самый момент, когда кирасиры уже опрокинули было русский полк и готовились добивать бегущих, вдруг все, вся дивизия, как один человек, услышали жуткий звериный рев. Что это был за зверь, откуда он взялся – никто не понял. Больше того, никто чудовище так и не увидел. Генералы наскоро опросили офицеров

уже у себя в лагере, когда паника улеглась. Офицеры переговорили с солдатами. Все в один голос твердили, что слышали этот рев, Сен-Жермен и Брюно, нехотя, сквозь зубы, признали, что и они тоже слышали этого зверя. Полбеда, если бы его слышали люди, они кое-как могли перебороть страх, однако его услышали и кони, которые совершенно взбесились. Причем этот страх был настолько силен, что самые опытные всадники не могли с ними справиться. И вряд ли завтра дивизия сможет продолжать бой, понадобится не менее пары дней, чтобы привести полки в порядок.

Потом командир второй бригады Бессьер, помявшись, признался, что он и его адъютант не только слышали рев, но и видели огромного медведя, выскочившего из леса. Прямо исполинского, в холке он был выше всадника на коне, а ведь кирасиры и их кони были совсем не малышами. Медведь как-то проскочил мимо русских и врезался в ряды его бригады. И кирасиры, бесстрашно ходившие на штыки и на картечь, поспешно повернули обратно, не в силах противиться нахлынувшему ужасу.

– Сатанинские происки, – сипло добавил генерал, крестясь дрожащей рукой.

Мюрат угрюмо промолчал, потому что он тоже видел это чудовище, именно его рык заставил короля и маршала вылететь из седла, что для него было величайшим позором.

– Мало ли какая чертовщина может водиться в этих диких русских лесах, – мрачно сказал Сен-Жермен. – Кой дьявол занес нас сюда?

– Приказы императора не обсуждают, а исполняют, – настаивательно ответил Брюйер.

– Ладно, господа, – уже тихо закончил Мюрат. – Сегодня мы все были не на высоте, зато завтра будет новый день. Мы расквитаемся с ними за всё. Подошла пехотная дивизия генерала Дельзона, с ее помощью мы вышибем русских из леса и выйдем к Витебску. Да, пригласите генерала

Шастеля, это ведь он у нас специалист по всякой чертовщине, – зло прошипел он.

Ужин получился мрачным, полк понес тяжелые потери. Погиб командир бригады генерал-майор Окулов, который стал первым русским генералом, убитым в войне 1812 года. Иван в разговорах участия не принимал, он отлеживался, укрывшись шинелью, его лихорадило, глаза резало. Точно так же он чувствовал себя тогда, в Финляндии, и мир снова стал серо-белым. Не проходило даром обращение к колдовским силам инородческих шаманов. С одной стороны, и хорошо, отогнали французов, только Иван понимал, что еще два-три таких случая, и неизвестно, чем это для него закончится.

Офицеры продолжали обсуждать дневной бой, все удивлялись тому, что французская кавалерия вдруг отступила. Гадали, почему да как, предположения были совершенно невероятные. Но, в конце концов, согласились на том, что лошадь вдруг выбросила из седла Мюрата, уж почему, бог весть. Но только после этого кавалеристы смешались, потеряв командира, наверное, еще испугались вдобавок, что Бонапарт им это припомнит. Бросились искать короля Неаполитанского, подхватили и ускакали от греха подальше. Но завтра точно придется жарко, второй раз так уже не повезет. А потом пришел приказ Остермана-Толстого отступить по дороге вглубь леса верст на семь. Эх, если бы этот приказ да утром пришел!

Бивак разбили в лесу, хотя какой бивак. Так, костры да лапника нарубили лежать, разгар лета, никто не замерзнет. Но караулы выставили по всей строгости, все боялись повторения старых неприятностей. Иван, ухитрившийся немного подремать, сам вызвался караулить ночью. Было у него нехорошее предчувствие, что снова заявится тварь проклятая, а потому могут понадобиться его способности.

Небо тем временем затянула какая-то хмарь, с реки пополз мутный промозглый туман. Карауль-

ные испуганно крутили головами и жались друг к другу, даже Иван, как ни хорохорился – офицеру не должно показывать страх перед солдатами – начал нервничать. Снял штуцер с плеча и тщательно проверил заряд, прикрикнул на караульных, чтобы сделали то же самое. Если тварь появится, некогда будет ружье с плеча рвать, а тут вскинул и стреляй сразу.

Когда окончательно стемнело, у Ивана появилось странное ощущение, что за ним следят, причем следят с не самыми добрыми намерениями. Недаром ведь говорят, что человек чувствует, когда на него пристально смотрят. Видимо, и караульные это почувствовали, потому что Иван заметил, что ружья так и пляшут у них в руках.

– Соберитесь! – прикрикнул он. – Не солдаты, а бабы трусливые!

– Так ваше благородие, мы на штыки готовы идти, как давеча было. Но с адской силой нам не совладать.

– Какие адские силы... – начал было Иван, но тут увидел среди деревьев две красные точки и осекся.

Он потряс головой, отгоняя навязание, проморгался. Точки исчезли. Зато туман подполз еще ближе, и это поручику сильно не понравилось.

– Приготовьтесь, – приказал он, поднимая штуцер.

Как оказалось, Иван угадал, внезапно послышался дробный топот, и из тумана вылетела смазанная черная тень, плохо различимая в ночи. Он вскинул штуцер к плечу и замер, словно парализованный. Это была собака, но какая! В холке она была больше полуаршина, совершенно черная, как оказалось вначале. В широко разинутой пасти сверкнули длинные клыки. И все-таки это была всего лишь собака, никакое не чудовище ростом с корову.

В два огромных прыжка она подскочила к людям, сшибив по дороге одного из солдат, который был парализован ужасом. Рыкнув, она прыгнула на Ивана, который в самый последний момент спустил курок. Но кремневые ружья стреляют с небольшой задержкой, и выстрел не остановил нападение,

прозвучав в самый последний миг. Собака визгнула, и сквозь пороховой дым поручик еще успел увидеть налитые кровью глаза. Но тут же сильнейший удар опрокинул его навзничь.

Боль и жажда мести удесятирили силу собаки. Короткий взвизг показал, что она тоже уязвима, однако тварь не хотел умирать, не отомстив. Она повалила Ивана и примеривалась, как бы лучше схватить его за горло. Единственное, что он успел сделать – выставить перед собой штуцер, отчаянным усилием вбив ствол в разверстую пасть. Зубы скрежетнули о булатную сталь, но Иван понял, что не сможет долго удерживать взбешенного зверя, слишком неудобной была его поза. Если солдаты не опомнятся, ему конец.

Он уже готовился проститься с жизнью, когда раздался противный хруст, и в лицо ему брызнуло что-то теплое и липкое. Иван почувствовал, что чудовище обмякло, оно еще дергалось, пытаясь дотянуться до него, но теперь он уже уверенно удерживал врага. Потом он услышал еще два или три глухих удара, и собака замерла. Он с трудом откинул в сторону тяжелое тело и поднялся, чувствуя, что ноги подгибаются.

Рядом стояли двое солдат, один из них ошеломленно разглядывал свое ружье с переломившимся в шейке прикладом.

– Экая сволочь, – с чувством сказал солдат. – Теперь от ротного попадет.

– Не... беспокойся, – задыхался, промолвил Иван. – Улажу. Обоих наг... радим...Ф-фу...

Привлеченные выстрелом к месту схватки сбегались люди, держа в руках горящие головни вместо факелов. Они столпились вокруг мертвой твари, которая валялась с разmozженной головой.

– Да уж, – только и сумел произнести капитан Андреев.

– Никогда таких не видел, – покрутил головой Войнович.

– Зато видишь, Егорка, никакой это не волколак, – ехидно подколол Филиппов.

Иван трясущейся рукой вытер мокрый лоб и дернулся, потому

что это были кровь и мозги мертвой собаки.

— Где только такую громадную нашли, — поморщился Андреев. — И ведь наверняка натаскали охотиться на людей. Обычная собака на человека не кинется, разве что бешеная. А эта прямо как охотилась.

— Я слышал, римляне когда-то специально собак обучали, чтобы с гладиаторами в цирке дрались, в сражениях участвовали, — Войнович толкнул мертвую тварь сапогом. — И ведь пудов шесть потянет, подумать страшно с такой встретиться. Мало нам Бонапартия, так еще такую страховидлу нашли и привезли. А ну как не одна окажется?

— Повезло вам, Иван Николаевич, что успели выстрелить, — согласился Андреев.

— Повезло, — не стал спорить Иван. — Но, господин капитан, прошу отметить обоих солдат.

— Ну, знак ордена им не положен, потому как не в бою офицера спасли, однако отмечу своей властью, — кивнул капитан. — И за разбитое ружье не волнуйся, новое получишь. А третий где?! — неожиданно зло поинтересовался он. — Разобраться! И, господа, идите отдыхать. Завтра будет новый день и новый бой.

— Я еще слышал, будто во Франции где-то объявился преужасный волк-людоед. Правда, давно это было, но кто знает, может, отловили того волка и сюда привезли, — неуверенно сказал прапорщик.

— Егор, не надо на ночь страшные сказки рассказывать, — поморщился капитан.

— Но я точно слышал...

— Иди лучше выпипись! — оборвал его Андреев.

Чуть позднее Иван, сидя у костра, вдруг понял, что по какой-то причине Манарага не пришел к нему на помощь. В Финляндии он его вызвал на помощь, а сегодня днем всё случилось как-то само собой. Даже подумать не успел, как дух сам появлялся в трудную минуту. Или он знал, что никакая особая опасность Ивану не грозит? Поручик истерически захихикал и успокоился, лишь отхлебнув хо-

рошо из фляжки. Дурная водка, вонючая, но нервы успокаивает хорошо.

Три генерала сидели вокруг стола, скинув шитые золотом мундиры, и радовались жизни. Несколько бутылок были пусты, но полных пока еще оставалось больше.

— Слава богу, закончилась эта паршивая война! В Египте не было так жарко, как в России.

— Бросьте, Шастель, не пове- рю.

— Вот честное слово, — Шастель размахисто перекрестил- ся.

— Ладно вам спорить, — махнул рукой Брюйер, цепляя новую бутылку. — Главное, что всё закончилось, и мы сейчас имеем право отдохнуть.

— Закончилось ли? — не скрыва- вая сомнения, пробормотал Сен- Жермен.

— Закончилось, — твердо отве- тил Брюйер. — Даром что ли мы в этом Витебске уже неделю тор- чим. А раньше император только хлыстом армию не подгонял.

— Верно, — кивнул Шастель. — Сам видел. Когда император со своей гвардией прибыл сюда, он в штабе швырнул саблю на разло- женные карты и сказал: «Я оста- навливаюсь здесь! Я хочу здесь осмотреться, собрать армию, дать ей отдохнуть, хочу орга- низовать Польшу. Кампания 1812 года кончена! Кампания 1813 года сделает остальное!» Так что от- дышаем спокойно.

Брюйер криво улыбнулся, под- нял бокал, посмотрел на свет, хлебнул.

— Мюрат ходит злой, как со- бака. Император устроил ему еще одну выволочку. Целых два дня провозился, пока прорвался, пока прорвался к этому городиш- ке. А безумная атака кавалерии по лесной дороге на второй день?! Не мог простить русским, что накануне слетел с коня, и его при- везли, перекинув через седло, как мешок.

Сен-Жермен согласно кивнул.

— Чуть не погубил мою диви- зию, к-король Неаполитанский. Сколько коней ноги переломали,

подумать страшно. Не подойди пехота, всё могло закончиться хуже некуда.

— Пехоте тоже досталось, — вздохнул Шастель. — уже под вечер погиб генерал Руссель. Кажется, первый генерал, погибший в этой войне. Даже не поняли, кто и откуда стрелял. Судя по всему, какой-то егерь издал палец наудачу и ведь попал, сволочь та- кая.

— Кстати, генерал, а где ваш пес? — вскинулся Брюйер. — Что- то я его не вижу и не слышу.

Шастель пригорюнился над очередным бокалом.

— Пропал Люпус, пропал без следа. Я его, как обычно, выпу- стил вечером поохотиться, и он не вернулся. А какой был пес! Мне его из Америки привезли, специ- ально был обучен беглых негров ловить. Золото, а не собака.

— Нет, а точно Жак Шастель вам никаким троюродным дя- дюшкой не приходится? — спро- сил Брюйер.

— Нет, — помотал головой Ша- стель.

— Жаль. Я вот так думаю, что здесь Жеводанский волк был бы более к месту, чем американская собака, пусть даже обученная.

— Или Дикая охота, — скри- вился Сен-Жермен. — Похоже, с русскими совладать получит- ся только с помощью нечистой силы.

— Не поминайте всуе, — пере- крестился Шастель. — Давайте, лучше выпьем еще раз за успеш- ное окончание войны и гений им- ператора Наполеона!

Вот только ошибался генерал Луи Пьер Эме Шастель, не закон- чилась война. Наполеона впереди ждала сожженная Москва, отсту- пление и Березина.

А поручика Ивана Телепнева ждало Бородино и золотая шлага за храбрость.

В

Рустам САИТОВ

Окончил литературное отделение Екатеринбургского государственного театрального института.

Автор пьес, инсценировок и либретто к спектаклям и мюзиклам

«Флорентийская мистерия», «Преступление and наказание», «Точка невозврата», «Муса Джалиль».

Моабитская тетрадь» и др., песен для российских фильмов и сериалов «О любви в любую погоду», «Дальнобойщики», «Парни из Стали», «Стервы, или странности любви» и др.

В 2005 организовал «Литературный театр «На Пушкина, 12»

Екатеринбургского Дома писателя.

Член правления Екатеринбургского отделения СП России (2007–2016).

СВЯТИТЕЛЬ

Историческая повесть
(журнальный вариант)

Multi sunt vocati, pauci vero electi

Пролог

Летний солнечный день. Маленький мальчик бежит по лугу и выбегает к большой реке. Останавливается и смотрит на открывшееся вдруг бесконечное пространство. Оно завораживает и притягивает к себе, устремляясь ввысь, в необъятное небо. Звучит необыкновенная, завораживающая музыка...

В небе появляется белый голубь-турман. Он кувыркается в воздухе, вновь набирает высоту... и превращается в свое изображение на иконе Троицы...

1. 18 января 1868 г. Благовещенск. Покой владыки

Вечером в домовый церкви высокий и статный, с окладистой бородой и глубоким умным взглядом, семидесятилетний архиепископ Иннокентий стоял перед иконостасом и читал молитву:

– «Ослаби, остави, прости Боже, прегрешения наша, вольная и невольная, яже в слове и в деле, яже в ведении и в неведении, яже во дни и в нощи, яже во уме и помышлении: всё нам прости, яко Благ и Человеколюбец»...

От автора: Два месяца назад, в ноябре 1867 года Россия осталась без патриарха. В Москве скончался митрополит Филарет. Страна скорбела и жила ожиданием нового назна-

чения. Вместе со всеми скорбел по невосполнимой утрате архиепископ Камчатский Иннокентий.

Закончив, он вышел из церкви, находящейся на втором этаже дома, и начал спускаться по лестнице. В это время из прихожей послышалась чья-то громкая речь и выкрики секретаря. Иннокентий остановился, не доходя нескольких ступеней. Появились секретарь и офицер фельдсвязи.

– Владыка! – громко произнес секретарь, – Фельдъегерская почта! Вам срочная депеша из Москвы!

Вперед вышел офицер и доложил:

– Ваше высокопреосвященство! Срочная депеша от обер-прокурора Святейшего Синода. Лично в руки!

Офицер подошел к Иннокентию и подал запечатанный конверт. Владыка взял его и обратился к офицеру:

– Спасибо за службу. Устал, поди, с дороги-то?

– Наше дело привычное, служба такая, – ответил офицер.

– Да уж, знаю я, что значит, по нашим-то местам на перекладных мотаться, – заметил владыка, – кому ж, как не мне знать... иди пока в трапезную, перекуси, с дороги.

– Проводи служивого человека, накажи келейнику, чтобы баньку для него истопил, да в кабинет ко мне поднимись, – приказал он секретарю.

Иннокентий благословил офицера, и они с секретарем вышли.

Владыка зашел в кабинет и сел за стол, близоруко разглядывая конверт. Вернулся секретарь.

– Всё исполнено, владыка.

Иннокентий показал жестом на стул подле себя и дал секретарю конверт.

– Читай, ничего сам разобрать не могу.

Секретарь сорвал печать, открыл конверт и начал читать:

– «Государь Император всемилостивейшее назначил Ваше Преосвященство митрополитом Московским; искренне поздравляю Вас и с Вами московскую паству; желательно было бы, если бы скорее прибыли в Москву, если здоровье позволит. Потрудитесь сообщить, кого бы полагали иметь своим преемником на Амуре...»

Владыка изменился в лице, некоторое время оставаясь в задумчивости, потом попросил перечитать текст еще раз. Затем сказал секретарю:

– Оставь меня одного, иди с Богом.

Секретарь тихонько вышел. Иннокентий сидел в задумчивости, и нахлынули воспоминания...

2. Похороны отца. Село Аннинское под Иркутском. Начало 1800-х гг.

На деревенском кладбище около свежей могилы с деревянным крестом стоял семилетний Иоанн с матерью Фёклой, дядей Димитрием (диаконем сельской церкви) и двумя старшими сестрами, одна из которых держала на руках младшего братишку.

Мать тихо плакала, прижимая к себе маленького Иоанна. Дочери тоже плакали и жались к матери. Наконец, Фёкла обрратилась к сельчанам:

– Спасибо вам, люди добрые, что не забыли моего Евсевия,

пришли проводить в последний путь. Пойдемте к нам. Не погнушайтесь, помяните, чем Бог послал.

Сельчане со скорбными лицами, будто виноватые, отошли от могилы, глядя на Фёклу. Та сделала несколько шагов к ним, потом обернулась на холмик свежей земли и бросилась на него с плачем. Иоанн присел рядом, положив руку на плечо матери, и погладил ее по руке. Дядя Димитрий обратился к племяннику:

– Пойдем, Иоаннушка, пусть мамка одна тут побудет. Пойдем. Людей надо в дом вести.

Он взял Иоанна за руку и повел. Иоанн обернулся назад. Мать всё так же лежала на свежем могильном холмике.

В бедной избе бывшего сельского пономаря сидели за столом сельчане, Фёкла и Димитрий. На руках у Фёклы был младший сын. На столе немудрящая деревенская еда, в основном, рыба да овощи. Посуда деревянная, старая. Несколько кувшинов с вином, разномастные стопки. Димитрий налил себе вина, подождал, когда то же сделают остальные и встал:

– Помянем сельчане новопреставленного раба Божия Евсевия, пономаря нашего. Пусть земля ему будет пухом...

Иоанн, чтобы не разреветься на глазах у всех, выскользнул на улицу.

За столом началось движение. Гости начали выпивать и закусывать. Послышались голоса: «Хороший был человек», «Мало Бог ему отпустил», «Парнишков жалко – малые еще. Как Фёклато теперь одна с ними»...

Димитрий показал гостям, чтобы самостоятельно продолжали поминать, и обратился к снохе:

– Пойдем, Феклуша, поговорим.

Фекла поднялась из-за стола, передав мальчика дочери, и они вышли в сенки.

– Трудно тебе с четверыми будет, Фекла.

– А куда деваться-то, сколько Бог дал, столько и поднимать надо. Да мир не без добрых людей. Справимся. Евсевий за всегда так говорил.

Димитрий помолчал немного, словно решался на что-то, потом вздохнул и сказал:

– Я тут вот что подумал. Девки у тебя уже заневестились, скоро замуж выдавать будем. Пока с малым тебе помогут. Как-нибудь обойдется всё. А Иоанна я к себе заберу. Пора парня грамоте учить, да и мне веселее будет, а то одному тоже не шибко весело живется. Будет со мной в церкви прислуживать, а годика через два, глядишь, и в Иркутск в семинарию отправлю. Как и Евсевий будет Господу служить. Так как, Фекла?

Фекла посмотрела на Димитрия:

– Спасибо тебе, Димитрий. У тебя и верно парень к делу пристроен будет. Да ведь не на чужбину отдаю. Быть потвоему.

– Так я пойду его покличу?

– Да уж иди.

Димитрий вышел из избы. Фекла закрыла лицо ладонью и заплакала.

С улицы послышался крик Димитрия:

– Иоанн, Иоанн!

3. Благовещенск. Покой владыки. 18.01.1868 г.

Иннокентий сидел в своем кабинете. Напротив него стоял сын, пятидесятилетний протоиерей Гавриил. Иннокентий обрратился к сыну:

– Приведи в порядок все дела свои здесь. Поедешь со мной в Москву. Письмо в конси-

сторию я уже отправил. Возьму тебя, да пономаря Федора Никифорова. Будешь глазами моими. Совсем плохо видеть я стал. Да и родной сын рядом. Всё мне легче будет.

– Спасибо, отец. Рад и горд за тебя несказанно. Так всё неожиданно. Всё смотрю на тебя и думаю, вот митрополит Московский сидит, а я с ним запросто разговариваю. Вчера бы сказали, что такое возможно, ни за что бы не поверил. Да и сейчас еще не верится.

– Да мне и самому не верится. Видно, долго привыкать придется. Да ладно, что об этом говорить. Надо делом заниматься.

Постучался и вошел секретарь:

– Владыка! К вам адъютант генерал-губернатора князь Вяземский!

Иннокентий благословил сына, и тот вышел. В кабинете появился молодой, статный, одетый с иголки поручик. Секретарь сразу вышел.

– Здравствуйте, Ваше Высокопреосвященство.

Вяземский приблизился к Владыке и приложился к руке. Владыка перекрестил его и поприветствовал:

– Здравствуй, здравствуй князь. Сколько проехал-то, а любо-дорого на тебя посмотреть. Всегда, как с картинки. Эх, бедные, бедные иркутские барышни...

Иннокентий рассмеялся. Поручик начал улыбаться, но усилием воли заставил себя сделать лицо серьезным, что не ускользнуло от внимания Владыки.

– Его высокопревосходительство Михаил Семенович откомандировал меня к вам, Высокопреосвященнейший Владыка, для принесения вам искреннейшего и душевного поздравления со всемирнейшим выбором, которым дер-

жавная воля нашего Государя удостоила отметить ваши, Высокопреосвященнейший Владыка, заслуги в пользу церкви.

– Спасибо, спасибо Михайло Семенычу, да благословит его Господь на его многотрудном поприще. Дай ему Бог здоровья и счастья.

Князь, после небольшой паузы, сказал, волнуясь:

– Владыка! Я прислан в ваше распоряжение, дабы сопутствовать вам, приняв на себя все заботы о безостановочном, удобном и благополучном проезде вашего Высокопреосвященства в Москву!

Иннокентий подошел к князю, взял его за плечи и, глядя в глаза, ответил:

– Голубчик мой, видит Бог, я рад несказанно такой заботе генерал-губернатора. Другого от него и не ждал. И тебе спасибо. Но не вопреки ли воле своей эту ночь на себя взваливаешь?

Вяземский подался вперед и выпалил, крестясь:

– Истинный крест, Владыка! С величайшей гордостью и счастьем исполню этот долг свой!

Иннокентий:

– Верю, верю тебе, князь. Благодарю тебя за искренность и готовность послужить во славу Господа. Теперь я спокоен. Иди пока отдохни с дороги, а вечером посидим, поговорим.

Владыка позвонил в колокольчик. Вошел секретарь.

– Князь Вяземский прислан генерал-губернатором Корсаковым для сопровождения нас в Москву. Отведи для князя лучшую комнату. Все его просьбы исполнять беспрекословно.

Вяземский поклонился.

– Потом зайти, письма будем писать.

И добавил:

– Ах, бедные, бедные московские барышни...

Вяземский, смущенно улыбаясь, вышел вместе с секре-

тарем. Владыка опустил на кушетку, лицо его сделалось серьезным...

...Внутреннее убранство храма. В дверях появляется Димитрий, ведущий за руку маленького Иоанна. Мальчик заворочено глядит вокруг. В его глазах восторг и изумление. Взгляд Иоанна скользит по росписи на стенах и устремляется ввысь. На куполе он видит нарисованного белого голубя.

Звучит необыкновенная музыка...

...Дядя Димитрий слово свое сдержал, и через пару лет в иркутской семинарии появился новый учащийся Иоанн Попов. Парнишка смывленный и способный быстро завоевал уважение преподавателей и вскоре стал первым учеником на курсе.

4. 1817 г. Иркутск. Весна

Во двор семинарии выскочил молодой семинарист и быстрым шагом свернул в проулок. Следом за ним на крыльце появился его однокурсник и крикнул вдогонку:

– Вениаминов^{*}! Так мы вечером, как договорились! Не забудь!

Иоанн махнул рукой ему в ответ:

– Да потом, потом, не до тебя, брат...

По Ангаре шел лед. На берегу стояли Иоанн Вениаминов с невестой Екатериной. Они глядели на наползающие друг на друга льдины. Иоанн повернулся к Екатерине:

– Помнишь, два дня назад лед встал? Иванушка-то, послушник монастырский на этот берег сумел перейти.

^{*} Фамилия Вениаминов была присвоена семинаристу Иоанну Попову в честь недавно почившего иркутского епископа Вениамина.

– И не страшно ему было?
– Да он блаженный, а таких Господь оберегает.

– А ты бы смог?

– Для дела, наверное, смог бы, а так, ради озорства, зачем судьбу испытывать.

Нам еще надо Господу послужить, да детей вырастить.

При этих словах Иоанн улыбнулся, а Екатерина залилась румянцем и внимательно посмотрела на него, словно ожидая чего-то. Иоанн в ответ произнес с любовью:

– Катенька, вид на женитьбу в епархии я получил. Завтра буду тебя сватать. Жаль только, у ректора не благословился. Да он, пока Ангара не встанет, с того берега сюда перебраться не сможет. А ждать-то... А чего ждать-то! Гости приглашены. Матушка приехала. Тебя, страсть, как увидеть хочет!

– Ох, Иванушка! – Екатерина бросилась к нему, и они долго стояли так, обнявшись и глядя друг другу в глаза, а Ангара шумела, ломая лед, и в эту музыку весны вторгалась торжественная песнь церковного венчального обряда...

Через несколько дней у аналоя стояли в венчальных одеждах Иоанн и Екатерина. Священник возложил на них венцы. Молодые дали клятву верности и любви.

Ректор семинарии сидел за столом мрачный. Перед ним стоял Иоанн. Надо же, как Ангара тебе подгадала. Будто знала, что Вениаминов жениться собрался, а ректор на другом берегу в монастыре живет и переправиться не может. А ты что мне раньше о намерении своем не говорил?

Иоанн понял, что нужно как-то оправдаться:

– Так как-то быстро всё получилось. Не знал я, что вы против будете.

– Быстро, быстро. Всё у вас молодых быстро получается. От того и порядка среди вас нет, что прежде семь раз не отмерите. Знал бы я заранее, так не дал бы тебе разрешения просьбу на женитьбу подавать. Ох, подвел ты меня, Вениаминов. Надо же! Лучший ученик! Гордость семинарии! Я же тебя в Московскую духовную академию прочил! А ты, не спросясь, женился.

Иоанн виновато подал голос:

– Что же теперь делать?

– Что делать, что делать. А ничего тут уже не поделаешь. Как говорили древние: «Рубикон пройден!»

– Юлий Цезарь!

– Умница! Только не там, где надо.

Ректор замолчал в раздумье, потом поставил точку в разговоре:

– Готовься к посвящению в диаконы. Послужишь пока в Благовещенской церкви, а на следующий год, как семинарию закончишь, определим тебя учителем в приходское училище.

Иоанн вздохнул с облегчением, подошел к ректору и приложился к руке.

– Спасибо, ваше преподобие. Простите меня грешного за гордыню мою, за то, что, не испросив вас, решение принял.

– Да ладно, иди уже. Бог простит.

Иоанн вышел. Закрыв за собой дверь и улыбнулся. Пронесло!

5. 1868 г. Благовещенск.

Отъезд Митрополита

Иннокентий, Гавриил, Вяземский и высшие церковные чины вышли из дома. Вокруг столпотворение народа. Все с любовью и грустью смотрели на Владыку, понимая, что, наверное, никогда больше не увидят

лица своего любимого пастыря, не услышат его доброго голоса. Иннокентий попрощался с любимой паствой. В ответ прозвучали слова кафедрального протоиерея Павла Политова:

«Высокопреосвященнейший Владыка, милостивейший архипастырь и отец! Вспоминая архипастырскую любовь вашу к нам и истинную отеческую близость в обращении с нами, искренно и глубоко благодарим вас. От всей души желаем, да не оставит вас Господь Бог своей всеильною благодатью в новом месте служения вашего, да укрепит силы ваши на новое дело со святой своей Церкви. Вы оставляете ныне нас, мы не будем больше иметь счастья видеть лицо ваше. О, если бы Господь Бог привел всем нам свидеться с вами там, пред престолом славы небесной, где избранныки божии жительствоуют без разлуки, где связаны любовью бесконечною, изливающейся от света лица Божия! Это верх желаний наших при прощании с вами. В сих желаниях обращаемся к вам с молением: не забывайте нас в святительских молитвах своих. Припадая к стопам вашим, просим вас: простите всех нас, владыка святой, – простите и благословите в последний раз!»

Иннокентий сел в сани. В глазах Владыки стояли слезы. Рядом с ним устроился князь Вяземский и крикнул:

– Тро-огай!

Саннный поезд тронулся. Послышался громкий гул голосов и рыдание паствы.

По пути следования из домов к дороге выходили люди и кланялись Пастырю. Обоз Иннокентия проезжал мимо деревень. И везде народ выходил поклониться владыке. Иннокентий благословлял паству. Обоз двигался дальше...

6. 1823 г. Иркутск. Зал консистории

От автора: В начале 1823 года иркутский преосвященный Михаил получил указ Святейшего Синода, которым повелевалось послать в колонию Российско-Американской компании, на остров Уналашка, миссионера...

В доме Вениаминовых за столом сидели мать Иоанна Фекла и Екатерина. Фекла толкла что-то в ступке, Екатерина штопала одежду. В углу играл с котенком маленький Кеня, вениаминовский первенец. За окошком, в палисаднике, на скамейке сидели Иоанн и какой-то мужчина средних лет, по внешнему виду человек из промышленных, с густой смоляной бородой и трубкой в зубах. Видно было, что разговор очень интересен обоим. Собеседник что-то увлекательно рассказывал, отчаянно при этом жестикулируя, а Иоанн внимательно слушал. Фекла посмотрела на них в окно:

– Ой, не нравится мне этот Крюков. Уж, какой раз приходит, да всё про свою Америку Иоанну рассказывает. Далась нам эта Америка.

Екатерина, глядя по голове подошедшего к ней Кеню:

– Ой, мама, да что вы! Тут и приход, и дом наконец-то свой. Всё, о чем с Иоаннушкой мечтали. Кеня вот, а Бог даст – еще появятся. Какая уж тут Америка...

Так случилось, что добровольцев ехать служить на Алеутские острова не нашлось. Побоялись дальности расстояния и суровых условий жизни. Тогда епископ Михаил, наметив четырех диаконов, предложил им подчиниться призванию по жребью. Они согласились...

В конференц-зале консистории за столом расположи-

лись Преосвященный Михаил, викарий и члены консистории. Напротив, на скамье сидели четверо молодых диаконов. Михаил обратился ко всем:

– Вы четверо согласились, чтобы один из вас по жребью был выбран для поездки и служения в колонию Российско-Американской компании на остров Уналашку, чтоб нести слово Божие. На трудное служение просвещению христианством полудиких народов.

Викарий встал и подошел к столику, на котором лежали мешочек, крест и Евангелие. Один из консисторов читал первую главу из Деяний Апостольских и после слов: «...И даша жребиа има, и паде жребий на Матфея, и причтен бысть ко единонадесяти апостолам», викарий достал из мешочка бумажку, развернул и прочел:

– Диакон Малинин!

Малинин некоторое время поколебался, затем выкрикнул:

– Не поеду! Родители у меня престарелые! Жена больная! А там промышленники глумятся над всеми!

В коридоре, напротив дверей в конференц-зал, у окна, скрестив руки на груди, стоял Иоанн. Он был весь внутренне напряжен, будто силится решить какую-то непосильную задачу. Взгляд его был устремлен на двери. Из-за них донеслось:

– Туземцы отца Ювеналия на кусочки порубили! Боюсь я! Лучше в солдаты пойду, чем в Америку поеду!

Малинин выбежал из зала, налетел на Иоанна, вскрикнул от неожиданности и убежал прочь. Иоанн посмотрел ему вслед и повернулся к дверям. На его лице была написана решимость человека, принявшего, наконец, долгожданное и вымученное решение, быть может, главное в жизни...

Нависшую тишину разрядил голос преосвященного Михаила:

– Что делать будем? Указ Святейшего Синода не исполнить нельзя. Посылать насильно тоже не могу. Может, кто из оставшихся сам изъявит желание ехать?

Оставшиеся три диакона, молча, отводили взгляды в сторону.

– Да нешто не найдется среди всего причта ни одного, кто решится на миссионерское служение во имя Господа! За юбки мамкины, да жёнины попрятались все. За места прикормленные зубами похватались! Идите все с глаз моих долой! Хоть самому в дорогу собираться.

Все кроме викария быстро покинули зал. Михаил обхватил руками голову:

– Что делать-то будем?

Викарий ответил:

– Еще раз со всеми поговорить надо. Хотя надежды мало.

– Истинно так. Да-а, не думал я, что конфузия такая произойдет. Позор на всю епархию. Кто на наше место придет? Они?

В это время послышался скрип приоткрываемой двери, и в зал вошел Иоанн. Он обратился к преосвященному Михаилу:

– Ваше Высокопреосвященство! Дозвольте!

– А, Вениаминов! Что у тебя? Проходи, проходи.

Иоанн приблизился к столу и обратился к Михаилу:

– Ваше Высокопреосвященство! Хочу я в Америку к алеутам ехать. Малинин, сказывают, отказался?

Михаил, оторопев, поглядел на Иоанна, потом на викария:

– А что тебе здесь не случится? До священника дорос, приход получил. Семья у тебя, дите малое, да мать старуха на тебе. Что, вот так всё бросить

хочешь? В чем причина? Говори честно.

– Честен я перед вами. Много раз встречался я с промышленником Крюковым, выходцем из Америки. Подружился с ним. Человек он силы необычайной и духом крепок весьма. Русскую Америку он вдоль и поперек исходил. Много Крюков мне о жизни своей в тех местах порассказал. Но главное, о глубокой преданности алеутов православной вере и Церкви. О их простосердечии, беззлобии, прямодушии. Не один день мы с ним в беседах провели, и возгорелось у меня желание послужить среди таких чад Царства Божия. А с тем вместе посмотреть новую часть света. Долго думал я, Ваше Преосвященство. Решение мое окончательное и твердое.

Михаил внимательно глянул на Иоанна и ответил:

– Спасибо тебе, Вениаминов, за самоотверженную решимость твою. Но, сказать честно, не лежит у меня душа тебя отпускать, куда бы то ни было. Хоть и в трудном мы сейчас положении, но видит Господь, найдется всё равно кто-нибудь для служения в Америке. Жаль мне одного из лучших пастырей своих терять. Знаю, как прихожане тебя любят. И на службу твою больше всего народ ходит, и любят тебя все. Не знаю, как и поступить тут. Трудную задачу ты мне задал.

– Решение мое окончательное, Ваше Высокопреосвященство. Благословите!

Дома у Вениаминовых в большой комнате собрались его жена, мать, родной брат протоиерей Стефан и маленький сын Кеня. Екатерина обратилась к Стефану:

– Слышь, Стефан, что-то Иоанна долго нет. Не знаешь, может, куда собирался?

– Да, в консисторию говорил, пойдет.

– Зачем?

– Не знаю, там сегодня выбирают, кто в Америку поедет миссионером. Говорили, что жребий тянуть будут.

– Слава Богу, нас этот жребий минул. А то, когда этот Крюков-то Иван к нам повадился ходить, да про туземцев рассказывать, я спервоначала то испугалась, что уболтает он батюшку Иоанна. Теперь, слава Богу, всё позади. А из кого выбирать-то будут?

– Да из четырех диаконов. Они сами согласились жребий тянуть.

В разговор, крестясь, вступила Фекла:

– Свят, свят, свят. Пронеси нас Господи! Я уж от людей-то таких страхов наслушалась про эту Америку. Дикий край, одни медведи, да туземцы-сыроеды. Как звери в шкурах ходят. И еще говорят, что и человечины не гнушаются, прости Господи.

– Да не слушайте вы болтунов, мама. Едят они рыбу в основном, да морских животных. Китов, к примеру.

– Это из таких, что Иону проглотил? – не унимается Фекла.

– Из таких, из таких.

– А как же его поймать возможно? Это, чай, не таймень тебе. Иного и тайменя-то не вытащишь – лесу оборвет, – присоединилась к разговору Екатерина.

– А они его... – Стефан прервался на полуслове.

В комнату вошел Иоанн. Все с интересом уставились на него. Он подошел к сыну, взял его на руки и произнес:

– Кеня, Кеня! Где ноги твои ходить будут!

И обратился к домочадцам:

– Родные мои! Еду я священником в Америку, понесу свет

Господа алеутам тамошним. Только что получил благословение Высокопреосвященного.

Катерина бросилась в ноги Иоанну:

– Иоаннушка! Да как же? Только дом свой заимели, всё налаживаться стало. У начальства ты на хорошем виду. И вот так всё бросить? Нешто там для нас кто-то приготовил? Ехать неведомо куда. С дитем-то малым! Пожалей ты нас, родной! Умоляю тебя, одумайся! Господи, то-то сердце с утра щемило!

Фекла молчала, насупившись, потом изрекла:

– Уболтал змей-Крюков все-таки. Не пробьешь ты его, Катерина. Весь он в Евсевия покойного. Если чего решил, от своего не отступится.

Стефан поддержал брата:

– А что, брат, и поедем. Все вместе как-нибудь с Божьей помощью справимся.

– Спасибо тебе, Стефан. Знал, что найду в тебе поддержку. А ты, Катенька, не бойся. Везде люди. Обживемся и там. Главное, чтобы меж нами совет да любовь были. А всё остальное мы с Богом преодолеем. Всё, что ни делается, всё к лучшему.

Екатерина, взяв на руки сына, тихонько плакала, сидя на скамье. Иоанн подошел к иконе и перекрестился:

– Укрепи и наставь Господи! Дай сил преодолеть путь неведомый, да помоги на пути просветительства в миссии моей...

7. 1868 г. Дорога

Раннее утро. Санний обоз Иннокентия спускался с хребта. Дорога гористая. Падал крупный снег, застилая дорогу. Вот навстречу промчалась почтовая тройка, оставляя за собой след на свежем снегу. Вяземский повернулся к Владыке:

– Хоть бы снег перестал или почтовые почаше попадались. А то скоро и дорогу не видно будет.

Возница обернулся к седокам:

– Мы, Ваше благородие, дороге znam. Сколько годков-от здесь ездимши. Кажный кустик на своем месте. Так што не обессудьте – не заблукаем.

И с удалым криком: «Н-но-о! Сердешные!» поддал вожжами. Лошади резво побежали, разбрасывая копытами комья липкого снега. Поезд двигался берегом реки. Из-за поворота вдруг открылось на льду какое-то большое строение, которое по мере приближения оказалось вмерзшим в лед пароходом. Иннокентий внимательно посмотрел на него...

От автора: Тогда, в далеком 1823 году, из Якутска до Охотска семейству священника Вениаминова пришлось пройти конными и пешими более тысячи верст. Путь лежал через горы Аянского хребта. 30 августа 1823 года Вениаминовы на корабле «Константин» вышли в море. Почти два месяца, пережив бурю, морскую болезнь, недостаток пищи и воды, шли они до столицы Русской Америки порта Ново-Архангельск. Здесь Иннокентий проводил пастырское служение, изучал языки алеутов, обучал их детей грамоте. Здесь у Вениаминовых родилась дочь Екатерина. И, наконец, в июле 1824 года отец Иоанн вместе с семейством на бриге «Рюрик» прибыл к месту своего миссионерского служения на остров Уналашку.

...Корабль подходит к острову. На носу стоят капитан и Иоанн. Капитан, обратился к священнику:

– Вот она, Уналашка!

Иоанн перекрестился:

– Укрепи и наставь, Господи! Дай сил преодолеть путь неведомый, да помоги на пути просветительства в миссии моей...

8. 1824 г. Уналашка

На берегу океана сразу после прибрежной полосы строится новая церковь. На строительстве работают алеуты и креолы. Стоит сруб в несколько венцов, рядом печь для обжига кирпича. Невдалеке стоит кузница, из которой доносится стук молотков. Видно, что строительство еще находится в самом своем начале. Рабочие кладут кирпичную кладку, строгают бревна, пилят их, кладут половые лаги. Отец Иоанн, одетый в простую рубаху, показывает алеуту, как нужно править пилу, помогает рабочим поставить бревно на сруб. Здесь же рядом с ним работает брат Стефан. Иоанн, подсобив рабочим, отошел в сторонку и поглядел на строящуюся церковь. К нему подошел Стефан:

– Ну, что, брат, дело-то смотри, как пошло!

– А отчего ж не пойти. С таким народом здесь рай земной построить можно, не только церковь. Насколько усердны они, терпеливы и к учению способны.

И кладку усвоили, и дело кузнечное. Просто диву даешься, глядя на них.

– Как думаешь, к следующему году управимся?

– Думаю, что если все силы на главное помещение положим, то управимся.

А придел уже потом будем возводить. Главное, чтобы скорее службу справлять в храме можно было.

– А на дом-то наш дают ли людей в помощь?

– Да. Завтра после заутрени и начнем строить.

– О каком доме мечтаешь, брат?

– Да не до жиру. До снега бы успеть, чтобы в землянке не зимовать. Детишки больно малые. Так что небольшой, в один этаж, думаю, успеем поставить. Да и алеутам надобно дома строить. Негоже им всю жизнь в землянках ютиться. Школу алеутским детишкам выстроим. Лет этак через пять и не узнаешь Уналашку. А главный наш дом – вот он! Храм Вознесения! Душа моя на место встанет, когда отсюда во все пределы звон колокольный польется. Ничего брат, осилим. Всё осилим.

– Да пребудет с нами Господь во всех начинаниях...

– Пойду в кузницу. А ты присмотри, чтобы кирпич не пережгли...

Утром следующего дня на поляне, рядом со строительством поставили накрытый материей стол. На столе стояла икона, лежали атрибуты. Рядом был келейник Гаврило. Отец Иоанн читал заутреню. Перед ним с любопытством сгрудились несколько десятков местных жителей. В основном алеуты и креолы, но было и несколько русских. Вместе со взрослыми стояли дети. Там же и всё семейство батюшки. Отец Иоанн заканчивал молитву:

– «...Господи, что ся умножиша стужающие ми, мнози восстают на мя, мнози глаголют души моей: несть спасения ему в Бозе его. Ты же Господи, заступник мой еси, слава моя, и возносяй главу мою. Гласом моим ко Господу возвах, и услыша мя от горы святая своея. Аз уснух и спях, восстах, яко Господь заступит мя. Не убоюся от тем людей, окрест нападающих на мя. Воскресни, Господи, спаси мя, Боже мой: яко ты порази еси вся враждующие ми всеу, зубы грешников сокрушил еси. Господне

есть спасение, и на людях Твоих благословение твое».

Рядом с землянкой Иоанн и несколько алеутов копали землю под фундамент будущего дома. Появились Екатерина с Кеней. Она несла в одной руке лукошко с ягодами, другой держала за руку сына. Подошла к работающим, остановилась.

Иоанн, увидев их, воткнул лопату в землю:

– Здравствуй, матушка!

– Здравствуйте, батюшка, – в тон ему весело ответила Катерина, – начали?

– Начали с Божьей помощью. А велики ли сборы сегодня?

– Вот. А смотри какие – одна к одной!

Иоанн попробовал ягоды. Кеня подбежал к отцу и вдруг упал, поранив коленку. Он смотрел на отца и силился не дать волю слезам. Иоанн обнял сына и спросил:

– Зашиб коленку-то? Больно?

Кеня, насупившись, кивнул в ответ. Иоанн погладил мальчику ушибленное место и прошептал молитву. На глазах у всех Кеня перестал хмуриться.

Иоанн обнял сына:

– Ну, как нога?

– Всё, уже не болит, – улыбнулся Кеня и протянул отцу открытую ладонку, в которой лежали несколько цветных камешков:

– Папа, я камушки нашел.

Иоанн взял их в руки:

– Надо же, и не выронил! – рассмотрел и спросил, – где ж ты такие красивые отыскал?

– Вон там, на горке, – показал Кеня.

– А много их там?

– Много, много. Вот столько, – Кеня широко развел руки в стороны.

– Вот бы такими-то дорожку от дома к храму выложить. А?

– Да, – мечтательно ответил Кеня, – мы с ребятами наберем и выложим.

– Эх, и что бы я без таких помощников делал!

Иоанн и Екатерина рассмеялись. Из землянки появилась Фекла с маленькой Катей на руках. Она поставила ребенка на землю. Катя быстрыми шажочками заспешила к родителям. Иоанн бросился ей навстречу и, подхватив на руки, подбросил вверх. Катя смеялась и весело что-то лопотала. Иоанн, глядя на нее, тоже смеялся. И Кеня смеялся. Катерина и Фекла счастливо улыбались...

9. 1868 г. Дорога

Санной поезд Владыки двигался по тракту вдоль реки Шилки. Иннокентий обратился к вознице:

– Скажи, Тимофей, вот мы от Утёсной до Горбицы проехали семь почтовых станций. А почему их в народе прозвали «Семь смертных грехов»?

Возница, обрадованный возможностью поговорить, да еще с самим митрополитом, с готовностью отозвался:

– Так эти семь станков так прозвали за то, что ежели на каком из них застрянешь, будешь несколько дней без провианту и канфорту сидеть. Да ночью не уснешь – почтари да тройки проезжие не дадут. Тутко, ежели останавливаться где, так токмо в хозяйском каком дому. Эх, жмет морозец!

Иннокентий некоторое время помолчал, потом обратился к Вяземскому:

– Не замерз, князь?

Вяземский, зябко кутаясь в тулуп:

– Да есть немного. Ноги особенно.

Иннокентий крикнул вознице:

– Попридержи-ка лошадей, дружок.

Возница остановил лошадей. Иннокентий вылез и пригласил за собой князя:

– Выходи, будем ноги греть.

Вяземский вывалился из саней. Оба рассмеялись. Владыка приказал вознице:

– Езжай потихоньку.

Сани тронулись. Иннокентий и Вяземский поспедали быстрым шагом, не отставая от них. Из других саней поезда тоже начали выскакивать ездки и присоединяться к «митрополичьему променаду», махая при этом руками и похлопывая друг дружку по плечам и спицам. Наконец, Иннокентий остановил сани, и они с князем забрались обратно. Владыка спросил попутчика:

– Ну, как? Отогрелся?

Вяземский весело ответил:

– Совсем другое дело. Будто отпустил морозец-то. Или мне кажется?

– Отпустил, отпустил, – хитро прищурившись, согласился Владыка.

– С вами не пропадешь! Скажите, Владыка, сколько же пройдено вами за жизнь вашу? Наверное, и не измеришь?

– Измерить трудно. И пешими, и конными, и морем... всяко бывало...

Иннокентий ненадолго задумывается и вспоминает...

10. Апрель 1825 г.

Путь в Макушинское селение*

Голос Иннокентия: ...Часа в три пополудни, при попутном ветре, отправились мы в предлежащий путь на новой байдарке под парусами. Предстояло пройти морем верст около восьмидесяти. Со мной был келейник да три алеута. Так и шли мы морем, благо, ветер позволял. Но идти стано-

* Из личных воспоминаний Иннокентия Вениаминова.

вилось всё труднее и труднее. Менялся ветер, и стала подниматься волна. Всего прошли мы около тридцати пяти верст, и увидели селение Веселова. Ветер всё крепчал и менял направление, пока не стал нам навстречу...

...Байдарка ныряла, зарываясь носом во встречную волну. Алеуты с трудом удерживали ее против ветра. Иоанн с келейником сидели, вцепившись в борта лодки. Алеут Иван кинул взгляд на берег и крикнул Иоанну:

– Надо приставать! Дальше идти не сможем! Ветер! Если здесь не пристанем, может унести в море!

Иоанн махнул ему рукой:

– Давай!

С большим трудом удалось причалить в небольшой гавани, где за ветром волна была значительно меньше. Все высадились и перенесли из байдары на берег поклажу. Иоанн показал Ивану на пустое селение:

– Где люди?

– Они на зиму отсюда уходят. Заночуем в любой землянке.

Из десятка жилищ выбрали ближайшее.

...Все расположились у огня. Келейник Федор разлил чай. Иоанн нарезал сало и поделил на всех.

– Как бы надолго здесь не застрять, – обратился он к Ивану.

– К утру ветер стихнет, – заметил тот, – а дальше посмотрим.

– Посмотрим – сказал слепой, – пошутил келейник.

Алеуты говорили о чем-то между собой. Федор спросил:

– О чем они говорят, Иван?

– Говорят, что ночью похолодает сильно. Пойдут, еще топливо поищут.

Двое алеутов вышли. Путники закончили трапезу и, помолившись, улеглись спать. Иван сидел у огня и тихонько пел песню на алеутском языке.

– Нужно непременно создать русско-алеутский словарь, непременно... – то ли во сне, то ли еще бодрствуя, прошептал Иоанн...

Утро. Байдарка шла под парусом, преодолевая волну. Снова встречный ветер. Волна усилилась. Иван крикнул:

– Дальше идти нельзя! Будет шторм!

Иоанн кивнул ему, соглашаясь. Алеуты, помогая веслами, направили лодку к берегу. Волна не давала подойти близко. Берег обрывистый и только в одном месте, немного вдаваясь вглубь, был способен принять байдарку. Ветер грозился порвать паруса и опрокинуть лодку. Алеуты прыгнули в воду и так, по пояс в воде, дотолкали байдару к берегу. Иоанн и Фёдор благополучно прыгнули на твердую землю. Все вместе вытащили лодку на берег.

– Сколько прошли? – спросил Иоанн.

– Десять верст, – ответил Иван, – это Ерморики.

– Значит, до Макушино еще верст двадцать пять, – заключил священник.

– Около того, – согласился алеут.

– Что делать будем?

– Через горы надо идти. Морем дороги несколько дней не будет. Замерзнем здесь.

Путники идут по горам. Каждый несет на себе тюк с поклажей. Иоанн и Федор часто спотыкаются и соскальзывают с невидимой тропы. Кругом лежит первозданный снег. Цепочка из пяти человек упорно движется вперед. Два

алеута составляют авангард, за ними идут Иоанн с келейником и замыкает цепочку самый опытный Иван.

Голос Иоанна: *«Обещаю и клянусь всемогущим Богом перед Святым Его Евангелием. Что должен есмь и по должности хочу и всячески тщаться буду, в положенном на меня деле обращения иноверных в веру христианскую, наипаче умствовать и учить и во всем поступать, как Церковь наша православная содержит учить. Клянусь выполнять дело Божие, не вымышляя угрожения, грабления, обмана и не употребляя ни малейшего ни в чем насилия; но чистосердечно, бескорыстно, снисходительно с истинною кротостью и христианской любовью».*

Макушино

В походной палатке Иоанн беседовал с паствой. Алеуты внимательно слушали пастыря:

– ...Итак, получить Царствие Небесное кажется невозможным и трудным только тому, кто не имеет усердного желания получить оное. Но тому, кто усердно желает, кто день и ночь заботится о Царствии Небесном, тому очень не трудно и не тяжело. И даже столь легко и сладостно сердцу его, что никакие обещания, никакие угрозы, никакие мучения не могут заставить его от казаться от искания Царства Небесного. Итак, братия, ежели мы хотим быть счастливыми и блаженными, то будем искать Царства Небесного с усердием, постараемся получить Духа Святого и сделаться святыми. Но как получить Духа Святого – мы об этом поговорим в следующий раз. Благодарь Господа нашего Иисуса Христа да будет с вами, братия! Аминь.

Иоанн закончил службу и снял с себя облачение. Федор начал складывать всё в дорожный мешок, засыпая на ходу. Он уже уронил голову на грудь, но вдруг проснулся от многоголосого детского крика и выскок из палатки.

На пустыре между землянками носилась орава маленьких туземцев, гоняющих мяч. Среди них огромным торосом возвышалась фигура отца Иоанна. Вокруг столпились взрослые, с неподдельным интересом смотрели за происходящим. Федор сначала смотрел, недоумевая, потом широко улыбнулся и засмеялся вместе со всеми.

Это факт! Хотя в России тогда еще не знали футбола.

11. Дорога. Беседа с Вяземским

Санний поезд Владыки легко бежал по наезженному тракту. Хорошо отдохнувшие лошади, словно почуяв бодрое настроение ездоков, задорно подергивали головами в такт своих шагов. Иннокентий и Вяземский, улыбаясь, смотрели на приближающуюся группу людей, которую догоняли. По тракту вели арестантов. Уставшие люди брели с цепями на ногах, рядом – вооруженные казаки. Хорошее настроение улетучилось, как случайный ветерок.

– Рестанты, – крикнул с козел Тимофей.

– Сколько же еще зла на Земле, – проговорил Вяземский, – Владыка, научите, как спастись от этого!

– Ах, князь, сам я готов у тебя просить совета – как мне спастись. Давно уже начал учиться, но всё еще учу азы. Иногда, как будто кажется, дойду и до складов: смотришь – опять забыл старое, и опять, снова за азы... Между тем не

думай, не мечтай, что здесь, на Земле можно дойти до такого состояния, чтобы никогда не бороться с собою или с духом злобы – нет! Здесь, на Земле, не рай, не вечный покой, а поприще или школа... Более всего молись, а если кого оскорбишь во гневе своем, то проси прощения каждый раз по-монашески. Это весьма сильно искореняет гнев. Оглянись вокруг, князь! Загляни под обложку книги под названием Россия. Что творится с людьми! По России гуляют прокламации, одна ужасней другой. Их авторы убеждают, что Бога нет. Что брак надо уничтожить, а с тем и священников, и монахов, и монастыри, и церкви! В светских учреждениях утверждается антиправославная система воспитания «без Христа, без креста, без поста». Люди забывают, что всегда Россия спасалась благодаря подвигам духовных пастырей, каковыми были Патриарх Гермоген, митрополит Филарет. Люди теряют страх Божий. А между тем порча нравов протачивается во все слои народа, а пагубные умствования цивилизаторами разносятся далее и далее. И потому, если мы не хотим, чтобы народ наш дошел до крайнего растления, то что-нибудь да надобно делать. Если не для исправления, то, по крайней мере, для удержания его в настоящем, еще очень не безотрадном пока, положении. Общество тут ничего не может сделать, родители не хотят или тоже не могут. Но может Церковь, – эта любвеобильнейшая Мать, приемлющая на свои руки всех детей от самого рождения. Церковь и может, и должна заботиться об этом!

Сани проезжали мимо утеса. Тимофей не удержался и показал рукой на изгиб реки:

– Ваше Высокопреосвященство! Гиблое место! Тут

летом стремнина – не приведи Господь! Баржей да паромов страсть скока поразбивалось.

На берегу виднелись фигурки людей, разбитых на две группы. По приближении они оказались арестантами. Одни заполняли водой бочки, притороченные к саням. Другая группа грузила на пошевни* бревна, сложенные в штабеля на берегу. Возле тех и других стояли солдаты с винтовками.

Вяземский обратился к Владыке:

– Здесь неподалеку должны быть золотые прииски кабинета его императорского Величества!

– И знаменитая Кара – ка-торга всяя Руси. В народе, оставшемся без нравственного учения, так или иначе, но разврат и нравственная грубость увеличиваются, а с ними и преступления, – закончил Владыка.

Повисла тяжелая пауза...

12. Лето 1828 г. Посещение Акуна. Смиренников. Крещение**

Байдарка с Иоанном и Федором причалила к берегу острова Акун. На берегу стояли алеуты, одетые в свои лучшие одежды. Иоанн вышел на берег. Алеуты с радостью бросились к нему. Иоанн спросил их:

– Почему вы такие наряженные?

Вперед вышел старейшина:

– Потому что мы знали, что ты, отец Иоанн, выехал и сегодня должен быть у нас. Вот мы на радостях и вышли на берег, чтобы встретить тебя.

– Кто же вам сказал, что я буду у вас сегодня и почему вы меня узнали, что я именно отец Иоанн?

* Широкие сани, обшитые лубом, так же обшивни.

** Из личных воспоминаний Иннокентия Вениаминова.

– Наш старик шаман Иван Смиренников сказал нам, – ждите, к вам сегодня приедет священник. Он уже выехал и будет учить вас молиться Богу.

И описал нам твою наружность так, как теперь мы видим тебя.

– А могу ли я этого старика шамана видеть?

– Отчего же, можешь. Только сейчас его нет. Но когда он придет, мы скажем ему, и он сам без нас придет к тебе.

Иоанн с келейником Федором начали приготовления к крещению. Установили палатку, аналой с иконой, шкапулки с миром.

Через некоторое время к Иоанну подошел местный шаман:

– Здравствуй, отец Иоанн. Я Смиренников Иван. Я знаю, что ты хотел меня видеть, и пришел к тебе.

– Здравствуй, Иван. Присаживайся.

Смиренников сел. Иоанн, ненадолго задумавшись, задал ему вопрос:

– Скажи, Иван, грамотен ли ты?

– Нет. Грамоты я не ведаю, но Евангелие знаю.

– Не объяснишь ли, почему меня знаешь, что даже описал своим братьям наружность мою, и откуда узнал, что я в известный день должен явиться к вам и что буду учить молиться?

– Это сказали мне мои товарищи, белые люди. Еще они сказали мне, что в недалеком будущем ты отправишь свою семью берегом, а сам поедешь водою к великому человеку и будешь говорить с ним.

– Кто же эти люди? Как выглядят?

– Они живут здесь, недалеко в горах и приходят ко мне каждый день. Одеты они в белые одежды и перепоясаны каждый розовой лентой через плечо.

– Когда же явились к тебе эти люди в первый раз?

– Они явились вскоре, как окрестил нас иеромонах Макарий. Сначала пришел один, потом они стали ходить вдвоем. Они сказали, что посланы Богом, чтобы наставлять, научать и хранить меня. Вот, уже около тридцати лет они почти ежедневно приходят и научают меня христианской Богословии и таинствам веры. Подают помощь в болезнях и нужде и иногда открывают будущее или происходящее в других местах.

– А как они учат молиться, себе или Богу, как жить с друзьями?

– Они учат молиться не себе, а Творцу духом и сердцем, и иногда молятся вместе со мной. Советуют соблюдать все христианские добродетели, а более всего советуют наблюдать верность и чистоту как в супружестве, так и вне супружества, не начинать никакого дела, не благословясь, и другим добродетелям, и обрядам. И сегодня, когда я шел к тебе, они явились мне на пути и сказали, для чего ты зовешь меня. Чтобы я тебе всё рассказал и ничего не боялся, так как ничего худого не будет.

– А не спрашивал ты их, почему они к тебе ходят, а к другим не ходят?

– Спрашивал. Сказали, что так им велено.

– Могу ли я видеть их и говорить с ними?

– Я спрошу у них и приду к тебе с ответом.

– Хорошо. Спасибо тебе. Иди с Богом...

Когда Иоанн закончил обряд крещения, то увидел подошедшего Смиренникова.

– Видел ли ты пестунов своих?

– Да, видел. Они спросили, что ты еще хотел бы знать о

них? Неужели всё еще считаешь их дьяволами? И сказали: «Хорошо, пусть видит и говорит с нами, если хочет».

– Спасибо тебе. Хорошо. Я подумаю еще. Ступай.

Смиренников ушел. Иоанн глубоко задумался.

13. Дорога

Иннокентий повернулся к Вяземскому:

– Тогда что-то необъяснимое произошло во мне. Какой-то страх напал на меня и полное смирение. Что, если, в самом деле, подумал я, увижу их, этих ангелов, и они подтвердят сказанное стариком? И как же я пойду к ним? Ведь я же человек грешный, следовательно, и недостойный говорить с ними, и это было бы с моей стороны гордостью и самонадеянностью. И, наконец, свиданием моим с ангелами, я, может быть, превознесся бы своей верою или возмечтал много о себе... и я, как недостойный, решил не ходить к ним.

– Да, случай совершенно необыкновенный. Ужели и впрямь творил чудеса этот алеут?

– У старейшины Федора Жарова жена попала в клепицу, капкан для лисиц, и так повредила ногу, что уже находилась при смерти, когда родственники тайно попросили старика Смиренникова о исцелении ее. Он, подумавши, сказал им, что к утру, она будет здорова. И действительно, утром она встала и пошла, как ни в чем, ни бывало. И после на ногу никогда не жаловалась.

Зимой того же года все алеуты на Акуне имели величайшую нужду в пище. Тогда они попросили старика, чтобы он им дал кита. Он им сказал, что попросит, и спустя немного времени, сказал всем жителям, чтобы они пошли в означенное им ме-

сто за китом. И те, действительно пошли и нашли там целого и свежего кита. За год до моего посещения Акуна я намеревался побывать там. За мной с Акуна даже была выслана лодка. Но старик сказал им, что в этот раз я не приеду, а чтобы ждали меня на будущий год весной.

Я тогда и вправду не смог побывать у них. Как он предсказал им, так и вышло. Его прежде все почитали за шамана, но он этому противился и даже попросил меня объявить собратьям не называть его шаманом, что мною и было сделано к немалой его радости.

– Виделись ли вы с ним впоследствии?

– Нет. Всё произошедшее со мной тогда на Акуне я описал в докладной записке Преосвященному Михаилу. Но ответ пришел только на третий год, а старец к тому времени скончался блаженною кончиною, предсказав день и час своей смерти. Он собрал вокруг себя всё свое семейство, зажег свечу перед иконою, молился, простился со всеми и на одре смертном тихо испустил дух.

– Да, не знаешь, чему дивиться, – вставил князь.

– Преждевременная кончина старца оправдала его рассказы и поступки, ясно показав, что сии откровения нужны были только ему одному с семейством и его единоплеменным, и то во время духовного запустения островов Алеутских. А когда появились человеческие, благодатиею Божиею труды к их спасению, небесные руководители сокрылись.

Кстати, там, на Уналашке, в 1833 году довелось мне встретиться с крестным моим, Крюковым...

14. Уналашка. 1833 г.

Из дома Вениаминовых вышли Иоанн и немного поста-

ревший, но всё такой же крепкий Крюков. Иоанн предложил: – А сейчас пойдем, покажу наш храм Вознесения.

Перед ними лежала дорожка к храму, выложенная цветными камешками. Крюков обратился к Иоанну:

– Все говорили мне, что не узнать Уналашку. Правду говорили. Сильно преобразилась. И всё вашими стараниями, отец Иоанн.

– Всем миром строим. Я только помогаю.

– Говорят, вы и училище для местных детей открыли?

– Да. Учим помаленьку. Брат Стефан помогает.

Навстречу им шли Фекла и Екатерина. Фекла вела за руку подросток Катю, а Екатерина несла на руках младенца. Подошли, поздоровались. Иоанн показал Федору Петровичу на младенца:

– Вот, дочуркой Бог недавно наградил. Ольгой назвали. Екатерина, где Кеня?

– Да с ребятней в сопки убежал. Только занятия кончились, так и убежал, не поел даже.

– Вот сорванец. Ну, да ладно. Что с них, с детишек взять, вырастут, так еще потрудятся.

Иоанн и Крюков двинулись к храму Вознесения.

От автора: В 1834 году, по настоянию главного правителя русских поселений в Америке барона Ф.П.Врангеля, Иоанн Вениаминов был награжден наперсным крестом и переведен священником на остров Ситху, в город Ново-Архангельск – административный центр русских владений в Северной Америке.

15. Дорога. Лето. Костер

Вечерело. На берегу реки у костра сидели Вяземский, сын

Владыки Гавриил и пономарь Федор. Над огнем висел котелок, в котором варилась уха. Рядом, недалеко от тракта, стоял патриарший обоз, возле которого расположились табором его пассажиры, среди которых виднелась фигура Иннокентия. Колесные экипажи, телеги...

Федор помешивал уху, пробуя на соль. Вяземский спросил Гавриилу:

– Вас та эпидемия не задела?

– Мы с братом тогда уже в Иркутске жили. С бабушкой. Родители с четырьмя нашими сестрами в Ситхе. Слава Богу, все живы-здоровы остались.

К костру подошел Иннокентий:

– Ну, что, посумерничаем?

Разговор прервался. Федор подставил Владыке скамеечку. Тот присел и весело спросил:

– Так о чем тут без меня секретничали?

Гавриил ответил:

– Князь спрашивал, как эпидемию на Ситхе пережили.

Иннокентий ненадолго задумался и произнес:

– А с этой эпидемией интересная история вышла. Да-а, интересная...

Вяземский не выдержал:

– Расскажите, Владыка!

16. 1836 г. Зима. Ситха.

Ново-Архангельск

От автора: В январе 1836 года на Ситхе разразилась эпидемия ветряной оспы, которая начала косить местных колошей десятками, а потом и сотнями. Шаманы и ведьмы объясняли своим сородичам, что эту болезнь насылают на них белые люди. И без того натянутые отношения колошей с русскими грозили испортиться окончательно.

В дом протоиерея Вениамина прибежал запыхавшийся доктор Бляшке:

– Здравствуйте, отец Иоанн.

– Здравствуйте, здравствуйте, доктор. Проходите, присаживайтесь. Как обстановка. Давайте, из первых уст.

– Плохо. Всё очень плохо, батюшка. Я не справляюсь. Шаманы подбивают колошей против нас. Говорят, что болезнь русские на них наслали.

– Да, колоши – народ воинственный, и как здесь дело обернется, трудно предполагать. Не получилось бы, как с Ювеналием.

– С каким Ювеналием?

– Да это я так...

– Лекарства плохо помогают. Туземцы не хотят выздороветь. Они верят, что смерть неизбежна. А вы знаете, что против болезни главное не доктора и лекарства, а сам пациент, его вера в выздоровление.

– Ваша правда, доктор. Вера есть сила великая.

– Надо что-то делать. Как бы они нас убивать не начали. А сегодня сам шаман заболел. Отец Иоанн, мне страшно! Что будет? Что же делать?

– Пойдем завтра по их бараборам.

– По чему, простите?

– По бараборам. Так они свои жилища называют.

– Батюшка, вы знаете язык колошей? Когда вы всё успеете?

– Дорогой мой доктор, прежде чем высаживать растение в почву, надо эту почву очень хорошо подготовить. И я, учитывая ошибки предшественников своих, сначала решил выучить язык колошей, узнать их обычаи и условия жизни, а потом и идти к ним со словом Божьим. Шаман, говоришь, заболел? Вот с шамана завтра и начнем.

Утро следующего дня. Около шаманского чума стоят колоши.

На лицах злоба и страх. Они о чем-то спорят и поглядывают на вход в чум. Внутри доктор Бляшке с медсестрой делают прививки семье шамана. Сам он лежит в болезненном забытьи. Около него стоит отец Иоанн и читает молитву. Наконец, он закончил и вместе с медиками вышел наружу. Колоши смотрели на него выжидающе. Он обратился к ним:

– Господь не оставит вас. Всех детей своих он бережет и помогает им. Наш Бог творит добро на всей Земле и никого не оставит вниманием своим. Пойдемте, доктор. У нас сегодня еще много работы.

Один из туземцев обратился к нему:

– Вылечишь ты нашего шамана?

Иоанн ответил:

– Я буду молиться и просить у Господа, чтобы он выздоровел.

Все трое прошли мимо недоверчиво глядящих на них колошей и зашли в следующий чум.

17. 1836 г. Лето. Ситха

...Лето. Прямо в поле, за пределами крепости, выстроили крытое помещение с решетчатыми стенами. Внутри отец Иоанн проводит обряд крещения колошей, которых набралось великое множество.

Голос Иоанна:

– А дальше сами они запросились креститься. Литургию я совершал на Ситхинском Редуте. К началу службы собралось полторы тысячи человек!

Сердце при виде этом благостью наполнилось, но разумом я понимал, что это только верхушка айсберга. Понимал, что мерами для достижения благоприятных последствий в столь успешно начатом деле должно быть умноже-

ние в колониях числа церквей и священников; образование в Америке постоянной миссии и назначение клира. Кроме того, назрела необходимость печатания словарей местных языков и моих переводов духовных книг, что претного облегчило бы службу будущим пастырям и пошло на пользу в обращении в православие самим туземцам.

Для этого надо было ехать в Петербург. О чем я и послал ходатайство в Иркутск...

По окончании таинства к отцу Иоанну подошел выздоровевший шаман, только что принявший крещение:

– Скажи, отец Иоанн, что будет там, по смерти, тем людям, которые здесь делают добро?

– За добро, содеянное здесь на Земле, там всем воздастся добром же. Праведные обретут Царствие Божие как награду за дела свои земные.

– Спасибо тебе, отец Иоанн. Приезжай к нам всегда, когда захочешь, – шаман ушел, и Иоанн с радостью глядел ему вслед.

18. Дорога. Лето. Костер

Иннокентий обратился к окружающим:

– А что же наша уха?

Федор снял котелок с костра:

– Как раз подоспела. Еще бы чуток, и переварилась...

Все рассмеялись. Федор начал раскладывать уху по тарелкам. Иннокентий блаженно оглянулся на закат и произнес:

– Красота-то, какая! А ты всё, князь, в палаты норовишь меня старого затолкать на ночевку. Насидимся еще в палатах-то. А вот так, на природе-матушке, когда еще при-дется...

Владыка глядит на закат. Сполохи костра пляшут на величественном лице его. И кажется, что смотрит он с высоты прожитых лет на деяния свои. Смотрит удовлетворенно и спокойно, как может смотреть уверенный в себе и в правоте выбранного пути человек...

**19. Ноябрь 1839 г.
Санкт-Петербург.
Троицкое подворье.
Квартира Вениаминова**

От автора: В июне 1838 года отец Иоанн отправил супругу свою Екатерину с дочерьми Катей, Прасковьей и Ольгой в Иркутск, а сам в ноябре того же года с младшей дочерью Феклой на военном судне «Святитель Николай», совершающем кругосветное путешествие, отправился в Санкт-Петербург.

Гонолулу, Таити, Фолкленды, Рио-де-Жанейро, Копенгаген – через семь с половиной месяцев плавания корабль прибыл в Кронштадт...

В Санкт-Петербурге отец Иоанн убеждает Синод принять учредить постоянную Духовную Миссию в Северной Америке.

Здесь же он ходатайствует об издании своих переводов на алеутский язык Евангелия от Матфея, части Евангелия от Луки, Деяний святых апостолов, а также сочинения «Указание пути в Царствие Небесное». О работе, проделанной Вениаминовым, было доложено Государю. Через несколько дней митрополит московский Филарет произвел священника Иоанна Вениаминова в чин протоиерея.

В кабинете работает за столом протоиерей Иоанн Вениаминов. На диване играет в

куклы его дочь Феклуша. Иоанн откладывает ручку, долго потирает уставшие глаза, замирает на мгновение и смотрит в окно. На подоконник садится белая голубка. Иоанн встает из-за стола и с улыбкой перелистывает написанное. Неожиданно стучат в дверь.

– Да-да. Заходите.

Вошел слуга и передал Иоанну конверт:

– Вам письмо, ваше преподобие.

Иоанн поблагодарил слугу. Тот вышел. Иоанн вскрыл конверт, прочитал и резко изменился в лице:

– Екатерина! Господи! Катенька, голубка моя! Да как же так! Господи!

Феклуша отложила куклу и посмотрела в недоумении на отца, затем подбежала к нему:

– Папа! Папенька! Что ты кричишь?

Иоанн присел на стул и прижал к себе дочку.

– Горе-то, какое, Феклушенька-кушенька. Нет больше мамочки нашей. Взял ее к себе Господь наш на небеса.

– Ее ангелы унесли?

– Ангелы, дитя мое, конечно же, ангелы.

– А мы что, ее больше не увидим?

– Увидим, Куша, обязательно увидим. Потом. Я раньше, а ты, даст Бог, много позже. Вот горе-то. Бедные дети мои!

Иоанн прижимает к себе дочку, гладит ее по голове. Она пытается взглянуть отцу в глаза. Иоанн плачет. Перед его глазами медленно проплывают картины прошлого...

Несколькими днями позже в Троице-Сергиевой Лавре Иоанн отслужил панихиду по супруге Екатерине.

**20. Кабинет
митрополита Филарета**

За столом сидел в раздумье митрополит Филарет. Понеслось стук в дверь. Вошел Иоанн. Филарет встал и вышел навстречу. Иоанн приложился к руке пастыря.

– Здравствуй, здравствуй, Вениаминов. Рад тебя видеть.

– Благодарю вас, Ваше Высокопреосвященство.

– Твое наставление священникам, назначаемым для обращения иноверных, вызвало похвальный отзыв в Синоде. От себя скажу, что исполнил ты его блистательно и в короткий срок. Молодец! Теперь о главном. Подумал над моими словами?

– Подумал, Владыка. Постриг принять не могу. При такой деятельной жизни, как миссионерская, мне трудно будет соблюдать все правила монашеского устава. Вы же знаете, какая у меня большая семья. Я могу быть полезен Церкви и Отечеству, оставаясь в прежнем сане протоиерея, не поступая, в монахи. Разрешите мне вернуться к месту моего служения.

– Да, я понимаю, дети остались без матери. Но как же ты мог подумать, что Церковь наша оставит чад твоих сиротами. Она – мать всем нам. И твоим детям тоже. Я подал Государю всеподданнейший доклад. В ответ получено высочайшее соизволение...

Филарет взял со стола бумагу и начал читать: «...поместить дочерей протоиерея Вениаминова, Ольгу (10 лет) и Прасковью (8 лет) в Патриотический институт в Санкт-Петербурге, а сыновей его Иннокентия и Гавриила в Санкт-Петербургскую духовную семинарию».

Филарет вернул бумагу на стол.

– Попечителем над детьми, по указанию императрицы Александры Федоровны, назначен Александр Михайлович Потемкин, губернский предводитель дворянства. Супруга предводителя Татьяна Борисовна с охотой взялась лично присматривать за дочерьми твоими. Что еще тебя удерживает от решительного шага?

– Ничего более.

– Не ошибся я в тебе, Вениаминов. Не таков ты человек, чтобы такую махину запустив, до конца великое дело не довести. Кто лучше тебя на месте знает всё? Кто лучше справится? Взвалил на себя ношу, так не бросай ее. Ведь сам в наставлении пишешь: «...но горе тому, кто призван благовествовать, но не благовествует». Ну, что молчишь?

– От Господа исправляются человеку пути его. Спаси вас Бог, Владыка. Вдохнули вы в меня силы. Теперь всё смогу.

– Иди с Богом. Готовься к таинству.

Иоанн вышел. Филарет проговорил ему вслед:

– Есть в этом человеке что-то апостольское...

21. 30 ноября 1840 г. Церковь Преподобного Сергия

От автора: 29 ноября 1840 года, в церкви Преподобного Сергия, протоиерей Иоанн Евсеевич Вениаминов был пострижен в монахи. По собственному желанию ему было дано имя Иннокентий в честь святителя Иннокентия, первого епископа Иркутского.

22. 1 декабря 1840 г. Санкт-Петербург. Зимний дворец

Иннокентий в архимандритской мантии, с образом Спаси-

теля в руках, вошел в кабинет государя. Император, перекрестившись, поцеловал икону и положил на стол. Обратился к Иннокентию:

– Благодарю вас за то, что вы решились отправиться в такую отдаленную страну, и за то, что вы там служили с такою пользою. Много ли вы там прожили лет?

– Пятнадцать, ваше Императорское Величество.

– Где вы получили образование?

– В Иркутске, оттуда и отправился в Америку.

– Как принимают веру нашу тамошние жители?

– Те жители, у которых я был в первое время, очень хорошие христиане. Признаюсь откровенно Вашему Императорскому Величеству, что я только там и узнал, что есть духовные утешения.

– Проект Камчатской епархии я утвердил, но кого назначить архиереем?

– Дух Святой вложит в сердце Вашего Величества святую мысль избрания.

Государь ненадолго задумался.

В памяти Иннокентия всплыли слова старика Смиреникова: «...Еще они сказали мне, что в недалеком будущем ты отправишь семью берегом, а сам поедешь водою к великому человеку и будешь говорить с ним...»

Голос императора прервал воспоминания Иннокентия:

– Я хочу сделать вас Камчатским архиереем.

– Я весь в повелениях Вашего Величества, что вам угодно, то и свято для меня.

– Хорошо, передайте мои слова митрополиту. И еще. Я желаю, чтобы русские вели себя там, как должно сынам Церкви и России.

Государь коротко поклонился архимандриту и тот, покло-

нившись в ответ, вышел.

Секретарь объявил:

– Обер-прокурор Святейшего Синода граф Протасов!

Вошел Протасов. Николай обратился к нему:

– Подготовьте указ о назначении на Северо-Американскую кафедру архимандрита Иннокентия как лично мне известного по его апостольскому подвижничеству на миссионерском поприще. И чтоб епископ этот отныне именовался не Северо-Американским, а Камчатским, Курильским и Алеутским.

– Простите, Ваше Величество, но на Курильских островах нет ни одной церкви!

– Построить!

Протасов согласно закивал.

23. 1840-е гг. Камчатка

По ровному снегу бегут собаки, тянущие повозки. В повозках епископ Иннокентий, протоиерей Прокопий Громов, иподиаконы, келейники и певчие. Проводники горланно кричат, погоняя собак...

От автора: Епископ постоянно в разъездах, в дороге. Чтобы объехать епархию, порой приходилось преодолевать по несколько десятков тысяч километров в год.

И зимой, и летом Иннокентий не оставляет без внимания свои вотчины. До всего есть дело Владыке. Ждут его благословения коряки и чукчи, тунгусы и якуты... и поэтому дом его в Ново-Архангельске редко видит своего хозяина. И даже о возведении своем в сан архиепископа узнал он в дороге...

Вечереет. Дорога, поднимающаяся по хребту, неожиданно оборвалась. Впереди глубокое ущелье. Иннокентий подошел к обрыву:

– Ну, теперь я вижу физиономию Камчатки. Как же тут быть?

Протоиерей Громов приблизился к Владыке:

– Извольте, ваше преосвященство, шубу снять и надеть кухлянку.

Иннокентий переоделся. Камчадалы-проводники подвязали к обуви архимандрита железные подковки и стали готовить ремни, чтобы обвязать его. Владыка спросил их:

– А как вы спуститесь?

– А мы по-ребячьи. Как мальчишки с гор на масленице. Вот на оленьей шкуре. А чтобы не обнесло, оштол надобно взять.

Иннокентий посмотрел на искривленную палку в руках проводника. Затем, ненадолго задумавшись, выпалил:

– А и я тоже по-ребячьи, с оштолом!

И не давая возможности возразить, предложил первому из проводников обновить путь. Тот скатился вниз. Все напряженно ждали. Наконец, снизу услышали бодрый крик проводника:

– В порядке! Давайте собак сначала!

Собак разделили на купы* и, перевязав ремнями, скатили вниз. Следом спустили нарты. Потом пришел черед людей. Одним из последних помчался вниз Иннокентий. Там его осторожно поймали.

Саный поезд пробивается сквозь ночную мглу. Ветер свистит. Начинается пурга. Сани остановились. Громов подбежал к Иннокентию:

– Владыка, до Дранкинско-го острожка не дойдем. Сейчас тут такое начнется!

Надо вставать, пока руки видно.

Владыка вышел из саней. Проводники и попутчики пере-

вернули нарты, образуя полукруг, и вместе с собаками расположились с подветренной стороны. Ветер крепчал. Началась пурга...

24. Дранкинский острожек

Из небольшой церквушки вышли Иннокентий и его попутчики. Вокруг стояли и смотрели на гостей местные камчадалы. Громов подошел к Владыке и сказал:

– Ну, Владыко, прощай! Далее уж без меня. Ждут дела в Петропавловске.

Иннокентий троекратно поцеловал друга и благословил. Громов поглядел на одного из келейников:

– Что, Гаврило, уберег тебя Господь вчера в пургу?

Гаврило перекрестился и испуганно забормотал:

– Ужо натерпелся страху-то, ох натерпелся! Думал всё, царство айдово пришло. Ждал ангелов черных, да молился, а как молился и сам сейчас не помню!

Все дружно захохотали, усаживаясь в сани. Громов повернулся к Иннокентию:

– Ни одному из русских иерархов не доводилось еще вносить свое благословение в подобные юдоли!

Саный поезд тронулся. Оставшиеся замахали вслед Владыке.

От автора: Дальше путь Архиепископа лежал на север, вдоль Берингова пролива. Пустые, необитаемые места. На пространстве более шестисот верст, только два селения некрещеных коряков. Бескрайняя снежная пустыня.

И страшные морозы...

25. Дорога. Волга. Пароход

На палубе волжского парохода сидят за столиком Инно-

кентий, князь Гавриил и его жена. Иннокентий рассказывает:

– К острову Еловому мы плыли пять дней хорошо. И вдруг, ни с того, ни с сего, при ясном небе и добром попутном ветре, почувствовали толчки и качку. Оказалось, что было землетрясение. И следом начался сильный шторм. Все путешественники забились в трюмы. По палубе ходить нельзя было, только ползали. Двадцать восемь дней, почти без пищи и питья. Солонину варили в морской воде. Все заболели. Ну, вы знаете, что незадолго до этого на Еловом скончался старец Герман, бывший монах с Валаама, проживший на острове в хижине много лет и прославившийся преданным служением Богу...

Шторм

...В штормовом море волны швыряли беззащитное перед лицом стихии судно, будто щепку. В трюме сидели Иоанн с женой и дочерью. Екатерина держала голову девочки на своем плече и растерянно смотрела на мужа. Иоанн выдержал ее вопрошающий взгляд и молча покинул трюм.

С большим трудом он вылез на палубу и, держась за леера, добрался до носа судна, направленного в данный момент в сторону острова Елового.

Вид Иоанна был страшен. Кажется, уже ни сил, ни духа не осталось у человека. И только в глазах горит огонь надежды и бесконечной веры. Иоанн оглянулся назад, будто забыл сказать что-то важное жене и дочери. Его накрыл огромный вал взбесившейся воды. И, кажется, что невозможно было устоять перед стихией. Никакими силами не преодолеть ее. Но вода ушла, не сумев ото-

* Куча, группа (устар).

рвать человека от единственно-го, связующего с жизнью – кораблем. Иоанн обернулся назад и, глядя сквозь стену шторма вдаль, туда, где должен быть берег, крикнул:

– Если ты, отец Герман, угодил Господу, то пусть переменится ветер!

Будто по волшебству ветер начал стихать. На палубу начали подниматься матросы...

Пароход

И точно, не прошло и четверти часа, сделался попутный ветер. Вскоре на могиле старца я отслужил панихиду... – закончил свой рассказ Иннокентий.

К беседующим подошел капитан:

– Смотрите, уже казанская пристань!

Пароход подошел к пристани. На пристани много народа. Впереди Казанский архиепископ Антоний с высшим местным духовенством. Встречающие поднялись на пароход. Иннокентию вручили присланные из Москвы знаки митрополичьего сана и высочайший рескрипт.

26. 23 мая 1868 г. Казань. Кафедральный собор. Посвящение

Под торжественный звон колоколов оба святителя прибыли в кафедральный собор. Началась лития, совершаемая при архиерейском входе в храмы...

Высокопреосвященнейший митрополит московский Иннокентий приложил к местным иконам и мощам первого архиепископа Казанского. Тотчас кафедральный протоиерей с амвона зачитал высочайший рескрипт:

– «Во внимании к многолетнему святительскому служе-

нию вашему, ознаменованному неутомимыми трудами и апостольскою ревностью в пространстве и утверждении истинной веры в отдаленных пределах отечества и неусыпною заботливостью об удовлетворении духовных нужд вашей паствы, я признал справедливо вверить вам Московскую епархию, с возведением в сан митрополита. Многоплодная ваша деятельность и всецелая преданность Церкви подают несомненную надежду, что по примеру приснопамятного почившего иерарха, митрополита Филарета, и его доблестных предшественников вы будете проходить новые возложенные на вас обязанности с тем же самоотвержением и пользой для Церкви, коими отличалось прежнее служение ваше. Божественный Пастыреначальник да укрепит силы ваши в сих предстоящих вам новых священных подвигах.

Препровождая к вам белый клобук, с крестом из драгоценных камней, и поручая себя молитвам вашим, пребываю к вам всегда благосклонный Александр».

Иннокентию поднесли клобук с бриллиантовым крестом. Перекрестясь, владыка Московский поцеловал крест и возложил клобук на себя. Протоиерей провозгласил многолетие царствующему дому, Святейшему Синоду и члену его, высокопреосвященному митрополиту Московскому и Коломенскому. Прозвучала многократно «Многая лета».

В тот миг Россия обрела нового Патриарха. Столица ждала Владыку.

От автора: Одиннадцать лет верою и правдою служил на Московской кафедре митрополит Иннокентий. Делами сво-

ими добрыми, доступностью, простотой в общении привлек он к себе любовь духовенства и паствы, являя собой образ любвеобильного отца-пастыря.

В 1977 году Священным Синодом Русской Православной Церкви митрополит Московский и Коломенский Иннокентий был причислен к лику святых.

«...Его благословенным и вдохновляющим примером мы укрепляемся, в нем черпаем бесценный опыт просветительского служения, в нем обретаем веру в грядущее духовное возрождение нашего народа, в нем найдет каждый из нас свой путь служения во благо Матери – Православной Церкви и во спасение своей бессмертной души. Божие благословение и святые молитвы Святителя Иннокентия, Митрополита Московского и Коломенского, да пребывают с Вами!»

*Алексий II
Патриарх Московский
и всея Руси*

Эпилог

Летний солнечный день. Маленький мальчик бежит по лугу и выбегает к большой реке. Останавливается и смотрит на открывшееся вдруг бесконечное пространство. Оно завораживает и притягивает к себе, устремляясь ввысь, в необъятное небо... там, в вышине, кувыркается белый турман и снова взмывает вверх и замирает, раскинув крылья...

КОКО ИЗ УРАЛЬСКОЙ ГЛУБИНКИ

Галина ГУЛИНА

(Окончание. Начало на стр. 1)

Из плотников в фотокоры

Кто-то посоветовал ему показать фотографии в редакции местной газеты «Пролетарий», ставшей в 1939 году, в связи присвоением городу нового имени, «Серовским рабочим». Снимки сразу по достоинству оценили, почти все опубликовали. Под каждым стояла фамилия автора. Так плотник стал фотокорреспондентом, а вскоре, и уже на долгие годы, хорошо известным в городе и округе человеком.

Высокий, крепко сложенный, громогласный Василий Коковихин быстро освоился в коллективе газетчиков. Все журналисты тогда были бойкие, шумливые, рьяные. Общительность, открытость молодого человека пришлись им по душе. Со временем Василий стал заводилой разговоров на разные темы.

Литературные сотрудники с удовольствием отправлялись с ним за репортажами, собирать материал для будущих статей, очерков. Александр Лестов, техник по образованию, познакомил Василия с полным циклом металлургического производства, заводскими цехами. Борис Черезов освещал на страницах газеты школьную жизнь, спортивные мероприятия и всегда оставался доволен фотоиллюстрацией. Василий внимательно слушал пояснения, запоминал и вскоре стал легко ориентироваться где бы ему ни пришлось оказаться.

Частенько до позднего часа задерживался в фотолаборатории, даже в выходной. Бывало заночует в редакции, положив под голову газетную подшивку. А рано утром на столе редактора лежали готовые снимки.

Еще больше их обновлялось на стенде у редакции газеты, прохожие мимо которого не проходили. Горожане шли сюда специально, делая крюк по дороге с работы. Знали, что

кроме свежего выпуска газеты обязательно увидят много интересного. Газетный стенд стал особенно популярным с появлением сатирических выпусков рабселькоровского клуба. Хорошим подспорьем его художникам и поэтам служили снимки Коковихина. Он и сам находил темы для резких фотообвинений.

Дядя Вася, достань воробышка!

Возвращение фотокора после очередной съемки наполняло редакционные кабинеты оживленными разговорами, смехом. И громче всех был Василий, легкий на шутку и щедрый на дружеские прозвища, не вызывавшие у коллег обид, а только улыбку. И к нему в редакционной среде прочно пристало одно. Он откликался как на что-то обыденное, когда называли «Вася Коко» или просто «Коко».

Редакция располагалась в большом жилом доме, во дворе всегда бегало много ребятни. Завидев фотокора, весело щебечущая толпа обступала его, а он, величественно возвышаясь, и не пытался вырваться, находил, о чем поговорить с юными почитателями. Не только от сорванцов слышал: «Дядя Вася, достань воробышка!» Как же это казалось точно, символично в обращении к нему. Не просто из-за роста. Словно маленький воробышек уютно умещался в его огромной ладони фотоаппарат «ФЭД». Они всегда были вместе.

Шагал широко

Василий работу в газете совмещал с сотрудничеством с ТАСС – Телеграфным агентством Советского Союза. Его фотоснимки металлургов, горняков, шахтеров, лесозаготовителей, представителей северных коренных народов разлетались по различным печатным изданиям нашей тогда огромной страны. Целая серия фотографий Коковихина по-

священа Анатолию Константиновичу Серову и его двоюродному брату, тоже летчику, погибшему в годы Великой Отечественной.

На фронт Василия Коковихина не призвали. Великан не слышал на одно ухо. Потому и говорил так, и собеседники повышали голос, зная о его недуге. Всю войну трудился в газете, отмеряя десятки километров, ради нескольких фотоснимков. Шагал всегда широко, ходил быстро. По улицам, по таежной тропе, по пригородным дорогам. Скор был во всем.

Прежде всего – большая работа и высокая ответственность. Фотосъемка в шахтах, угольных разрезах Богословска (ныне город Карпинск), на рудниках поселка Турьинска (г. Краснотурьинск). Для него обыденным считалось преодолеть 40–50 километров. Нужны снимки проходчиков, забойщиков, маркшейдеров Петропавловска (ныне Североуральск), и Коковихин, взяв запас фотопленки, снова в пути. Прошел 100 километров, выполнил поставленную задачу и пешком же вернулся назад. А км 10 до поселка Филькино для него, что сбегать за водой до колодца у дома. Сейчас же немало владельцев транспорта в магазине за хлебом пешком не ходят. Из Серова поездом и автобусом можно отправиться во все концы Свердловской области.

Фотомастер по туризму

Василий с гордостью носил на пиджаке значок «Мастер спорта по туризму». Увлечение охотой, рыбной ловлей к этому его достижению отношения не имеют, как и переходы, связанные с работой. В середине прошлого столетия в Серове на металлургическом заводе возникло мощное туристическое движение. В каждом цехе, в отделах заводоуправления и разных службах возникли турсекции, объединенные в турклуб. Не десятки, сотни! молодых рабочих и служащих ходили в

походы выходного дня, более опытные – и в многодневные. Совершали экскурсионные поездки по соседним городам с посещением музеев, шахт, рудников. Состязались в готовности к путешествиям на летних и зимних туристских слетах.

К туристам-заводчанам примкнули студенты Серовского металлургического техникума. В 16-дневном зимнем походе на Денежкин Камень их сопровождал «дядя Вася».

О том периоде сохранилось немало фотографий, сделанных Коковихиным. То не просто щелчок за щелчком фотоаппарата, а пешие переходы и на лыжах, восхождение на горные вершины, сплав по бойким рекам. Туристическое объединение металлургов имени А.К.Серова в 1952 году признали лучшим среди предприятий черной металлургии СССР. В чем несомненная заслуга фотодокументалиста Василия Коковихина.

К съемке всегда готов

Дядю Васю знали все и уважали. Многие семейные альбомы хранят его снимки. Стал пенсионером – посыпались приглашения и на свадьбу, и на похороны. Не отказывал, шел и снимал, не думая сколько заплатят. Не отказывался, если наливали. Поговаривали, что в возрасте стал выпивать, но пьяным его никто не видел. Молодым ребятам любил повторять: до 40 лет не смейте злоупотреблять, будете алкоголиками.

Все знали, что он безотказен и доброжелателен. Не жаден до денег. Тратил на химикаты, пленку, фотобумагу. Что оставалось, приносил в дом, детям.

Не мог он расстаться с тем, что искренне и навсегда когда-то любил, что стало смыслом его жизни. В глубокой старости, как и прежде бережно, держал в руках фотоаппарат. В руках, сведенных подагрой. Походка стала угловатой, голову склонял на бок, чтобы лучше слышать. И всегда был готов к съемке, в нужный момент оказаться в нужной точке. Неписанное правило фотокопоров разве забывается?

Когда взгляд устремлен через видискатель аппарата, внимательность к личной безопасности притупляется. В один из таких моментов очутился под машиной. Подтолкнул вездесущего конкурента знакомый фотограф из ателье. Говорили, что специально. Обошлось травмой ноги. Василий Иванович сильно хромал

до конца своих дней, но фотографировать не бросил. На обидчика махнул рукой, мол, не на смерть же. Да и приходил тот к нему повиниться, прощения просил.

Говорящие фото

Самое страшное, когда у художника погибают его произведения. Такая участь не обошла Коковихина. Фотографии, стеклянные пластинки и пленки с негативами сгорели при пожаре.

В начале семидесятых редакция «Серовского рабочего» при поддержке своих общественных корреспондентов-фотолюбителей организовала фотовыставку в фойе кинотеатра «Родина». Там были представлены и работы Василия Ивановича. Две фотографии, приклеенные когда-то на картон. Всё, что у него осталось. Отлично помню эти снимки! Со временем не затмила мое первое впечатление, мой восторг ни масса увиденных прекрасных фоторабот на выставках, в журналах «Советское фото» и «Чешское фото», ни обилие прекрасных фотографий в Интернете.

Вот один из его снимков, черно-белых, на плотной матовой бумаге. Сколько тонов и полутонов! А сюжет... Лодка с бидонами молока бокком причалила к высокому берегу широкой реки, должно быть Сосьва. Три доярки в белых халатах заняты разгрузкой. Композиционно кадр построен очень удачно. Точка для съемки выбрана идеально. Развесистые ивы, крутая тропа, река служат обрамлением главного – женщин у лодки. А какво освещение! На все сто процентов реализована истина: фотография – рисунок светом.

Знавшие Коковихина, отмечали резкость, отчетливость его негативов. Конечно, не просто от обилия в материалах серебра, а от умения, мастерства. Я видела его снимки в старых пожелтелых газетах. В основном портреты на одну колонку. Честно говоря, не впечатлили, не передавали того качества, что имели в оригинале. Полиграфия не позволяла выигрышно смотреться иллюстрации. Это сейчас картинка в журнале, газете на первом месте. К сожалению, за благами цифровой технологии в фотоделе забывается о творчестве. За счет цвета нередко печатаются откровенно слабые снимки. Черно-белая фотография не лгала. Требовала быстрого мыш-

ления: фон, экспозиция, резкость, освещенность – и не упустить момент! По характеру энергичный Коковихин предпочтению отдавал жанровой фотографии. И очень любил снимать природу.

Чудом сохранившийся снимок – выходной день в городском парке. Не оригинал, не единожды переснятый. Оборванные края, желтеющие пятна кричали о возрасте и небрежном хранении.

Пришлось прибегнуть к фотопласту, чтобы хоть как-то восстановить былое изображение. Все на снимке место, ничего лишнего. В контровом свете дерево и фигуры гуляющих. За счет чего фото приобретает глубину, объем. Фон словно отступает от переднего плана, но хорошо просматривается. Изгиб реки, лесистый берег. Серебрится рябью водная гладь. Паромщик готовится к переправе. Картинка притягивает, ее хочется рассматривать.

Помните, потомки!

Мальчишка у фотоштатива подражает позе отца. Малыш – сын Василия Ивановича. Вырос Анатолий и единственный из пятерых детей Василия и Валентины Коковихиных заинтересовался фотоделом. Но не выдержал критических оценок отца. Разжечь костер в лесу в дождливый день – научил, обращаться с ружьем на охоте, пилить и колоть дрова, заготавливать кедровый орех научил, а вот свои секреты, как получить хорошие фотоснимки, не смог раскрыть. А возможно ли такому научиться? Привить навыки построения кадра – да, но как вдохнуть в каждый снимок содержание, красноречие?! Такое чутье приходит не с опытом, с талантом.

Тяга к фотосъемке от деда передавалась внуку – сыну Анатолия. Алексей, уехав жить на Волгу, не расстался с юношеским увлечением. Остальные дети Василия Ивановича в советскую пору породнились с Украиной, откликнувшись на призыв завода-новостройки. Для них своим стал город на Днестре. Столько времени прошло, столько воды утекло... Внуки-правнуки-праправнуки мастера-самоучки, где вы, с кем вы? Достойны ли вы памяти прадеда – доброго, честного, одаренного особым видением человека, в своих фотографиях запечатлевшем частицу нашей общей истории?..

В редакции газеты.
Юноша справа – молодой рабочий Юрий Конецкий,
будущий уральский поэт.

Сын Толик.

Легкоатлетическая эстафета.

